

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 8 (177) август 2025

В НОМЕРЕ:

Омелёхина Н. В.

Финансовый суверенитет государства:
проблемы актуального правового контента

Жаворонкова Н. Г. , Воронина Н. П.

Цифровизация экологического
права и возможности использования
искусственного интеллекта

Серова О. А., Зайцев В. В.

Модель сетевого диссертационного совета
как элемент создания экосистемы подготовки кадров

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.

Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).

Почтовый адрес: авеню Репюблик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».

Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 28.08.2025
Объем 22,20 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).

Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.

Mailing address: Novochemushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.

Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).

Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.

Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

28.08.2025
Volume: 22.20 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Рассказов В. Л., Ковалева И. С. Конституционно-правовая оценка
федеративного устройства России: диссонанс теории и практики 11

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Омелёхина Н. В. Финансовый суверенитет государства:
проблемы актуального правового контента 19
- Ситник А. А. Использование криптовалют в трансграничных расчетах:
проблемы и перспективы правового регулирования 33

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Подройкина И. А., Алексеева М. В. Особенности правового регулирования
ограничений доступа к информации, запрещенной для распространения
в Российской Федерации федеральным законодательством 42

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Микрюков В. А. Пробел и аналогия в правовом регулировании
посмертного выдела супружеской части в праве на долю
в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью 50
- Мун В. А. Актуальные проблемы правового регулирования
семейной медиации: отечественный и зарубежный опыт 59
- Пивченко С. В. Доктринально-методологические и практические аспекты
социально-правовой защиты и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся
без попечения родителей, на современном этапе развития российского общества 67

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Родионов А. В. Квалификация понятия электронной
трансграничной коммерческой сделки 78
- Блинов В. С. Особенности ответственности контролирующих акционеров
перед компанией и иными акционерами в корпоративном праве Китая 89

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Злобина О. Ю., Солодун Ю. В. Психическое расстройство как признак
тяжкого вреда здоровью в уголовном законодательстве 97

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Антонович Е. К. Использование специальных знаний в уголовном
судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ законодательства
Российской Федерации и некоторых иностранных государств 115
- Платонов В. В. Обеспечение допустимости электронных
доказательств в уголовном судопроизводстве 124

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Кисленко С. Л., Фокин А. Д.** Личность современного телефонного
мошенника в сфере оборота жилых помещений:
правовой и криминалистический аспекты 133

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Бочарова А. М.** Правовая природа онлайн-арбитража
и его соотношение с традиционным арбитражем 147

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Жаворонкова Н. Г., Воронина Н. П.** Цифровизация экологического права
и возможности использования искусственного интеллекта 155

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

- Мажорина М. В., Никишин В. Д., Никитина А. А.** Правовой инжиниринг в системе
обеспечения НТР, проектного и процессного управления организациями 165
- Серова О. А., Зайцев В. В.** Модель сетевого диссертационного
совета как элемент создания экосистемы подготовки кадров 182

Contents

STATE POWER AND LOCAL SELF GOVERNMENT

- Rasskazov V. L., Kovaleva I. S.** Constitutional Law Evaluation
of Russia's Federal Structure: The Dissonance Between the Theory and Practice 11

FINANCIAL LAW

- Omalekhina N. V.** Financial Sovereignty of the State:
Issues of Current Legal Content 19
- Sitnik A. A.** The Use of Cryptocurrencies in Cross-Border
Transactions: Issues and Prospects for Legal Regulation 33

LEGAL REGULATION OF THE INFORMATION SPHERE

- Podroykina I. A., Alekseeva M. V.** Peculiarities of the Legal
Regulation of Access Restrictions to Information Prohibited
from Distribution under Federal Legislation in the Russian Federation 42

CIVIL LAW AND FAMILY LAW

- Mikryukov V. A.** Gap and Analogy in the Legal Regulation
of the Posthumous Allocation of the Spousal Share in the Right
to a Share in the Charter Capital of a Limited Liability Company 50
- Mun V. A.** Current Issues in the Legal Regulation
of Family Mediation: Domestic and International Experience 59
- Pivchenko S. V.** Doctrinal-Methodological and Practical Aspects
of Social and Legal Protection and Upbringing of Orphans
and Children Deprived of Parental Care at the Present Stage
of Russian Society's Development 67

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Rodionov A. V.** Qualification of the Concept
of Electronic Cross-Border Commercial Transaction 78
- Blinov V. S.** Distinctive Features of Controlling Shareholders' Liability
to the Company and Other Shareholders under Chinese Corporate Law 89

CRIMINAL LAW

- Zlobina O. Yu., Solodun Yu. V.** Mental Disorder
as a Sign of Serious Harm to Health in Criminal Legislation 97

CRIMINAL PROCEDURE

- Antonovich E. K.** Use of Specialized Knowledge in Criminal Proceedings:
Comparative Legal Analysis of the Legislation of the Russian Federation
and Selected Foreign States 115
- Platonov V. V.** Ensuring Admissibility of Electronic Evidence in Criminal Proceedings 124

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Kislenko S. L., Fokin A. D.** Profile of Modern Telecom Fraudster
in Residential Property Transactions: Legal and Forensic Aspects 133

INTERNATIONAL LAW

- Bocharova A. M.** Legal Nature of Online Arbitration
and Its Relationship with Traditional Arbitration 147

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

- Zhavoronkova N. G., Voronina N. P.** Digitalization
of Environmental Law and Possibilities for Artificial Intelligence Implementation 155

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

- Mazhorina M. V., Nikishin V. D., Nikitina A. A.** Legal Engineering
in Support of Scientific and Technological Development,
Project and Process Management in Organizations 165
- Serova O. A., Zaitsev V. V.** Network Dissertation Council Model
as an Element of Talent Development Ecosystem 182

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.011-018

В. Л. Рассказов*,
И. С. Ковалева**

Конституционно-правовая оценка федеративного устройства России: диссонанс теории и практики

Аннотация. В работе представлен подробный анализ модели федерализма Российской Федерации, приведены положения, подтверждающие симметричность и асимметричность федеративного устройства. В основе исследования — положения Конституции РФ, определяющие особенности федеративного устройства России. Историческая справка позволяет проводить подробный разбор конституционно-правового положения республик, автономных округов и автономной области. В статье также указан особый статус столицы РФ. Конкретные примеры, теоретическое обоснование и историческая справка подтверждают вывод авторов об уникальности российского федерализма. Уделено внимание иным формам государственно-территориального устройства, их оценке и перспективам развития. Сравнение моделей государственно-территориального устройства и анализ современного подхода к проблеме федерализма актуализируют приведенные в работе данные. В заключение подробного рассмотрения положений Конституции, посвященных дискуссионному вопросу федерализма России, авторы делают выводы по теме.

Ключевые слова: право; конституционное право; вопросы федеративного устройства; федеративное устройство; федерация; актуальные проблемы; государственное устройство; государственно-территориальное устройство; федерализм; субъекты РФ.

Для цитирования: Рассказов В. Л., Ковалева И. С. Конституционно-правовая оценка федеративного устройства России: диссонанс теории и практики // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 11–18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.011-018.

© Рассказов В. Л., Ковалева И. С., 2025

* *Рассказов Вячеслав Леонидович*, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина
Калинина ул., д. 13, г. Краснодар, Российская Федерация, 350044
slavaras22@mail.ru

** *Ковалева Ирина Сергеевна*, студентка Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина
Калинина ул., д. 13, г. Краснодар, Российская Федерация, 350044
ira_k2005@mail.ru

Constitutional Law Evaluation of Russia's Federal Structure: The Dissonance Between the Theory and Practice

Vyacheslav L. Rasskazov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russian Federation
slavaras22@mail.ru

Irina S. Kovaleva, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russian Federation
ira_k2005@mail.ru

Abstract. The paper offers a comprehensive analysis of federalism in the Russian Federation, detailing provisions that illustrate both the symmetrical and asymmetrical aspects of its federal structure. The study is based on the Constitution of the Russian Federation that defines the distinctive features of the Russian federal system. To provide context, the paper includes a historical overview, allowing for an in-depth examination of the constitutional and legal status of the republics, autonomous okrugs, and the autonomous oblast. The authors address the special status of Moscow, the capital of the Russian Federation. Specific examples, theoretical frameworks, and historical context support the authors' conclusions regarding the unique characteristics of Russian federalism. The paper reviews alternative models of state-territorial organization, evaluates their effectiveness, and discusses potential directions for their development. The study underscores the relevance of the findings by comparing different approaches to state-territorial organization and analyzing contemporary perspectives on federalism. After a thorough review of constitutional provisions related to the complex issue of federalism in Russia, the authors draw conclusions on the topic.

Keywords: law; constitutional law; issues of federal organization; federal structure; federation; current issues; state structure; state-territorial structure; federalism; constituent entities of the Russian Federation.

Cite as: Rasskazov VL, Kovaleva IS. Constitutional Law Evaluation of Russia's Federal Structure: The Dissonance Between the Theory and Practice. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2025;20(8):11-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.011-018.

Федеративное устройство России складывалось в конце прошлого века, в тяжелое для политической системы время, сопровождавшееся нестабильностью и напряженными отношениями между субъектами государства. Многие факторы того периода сказались на особенностях государственно-территориального устройства страны и объеме государственно-властных полномочий субъектов, значительно повлияли на становление федерализма в Российской Федерации.

Основы федеративного устройства России и проблемы российского федерализма долгое время освещаются в науке конституционного права и теории государства и права. Особенности конституционно-правового статуса субъектов РФ стали определяться как некоторый феномен, который будет рассмотрен в статье. Актуальность темы обусловлена теоретической и практической значимостью конституционно-

правового статуса субъектов РФ. Научное осмысление симметричности государственно-территориального устройства Российской Федерации не является новым, при этом работа охватывает комплекс примеров и теоретических положений, подтверждающих как симметрию территориальной организации, так и ее отсутствие.

Ранее в общественно-политических кругах велись споры о необходимости федеративного устройства для России. Сегодня этот вопрос не актуален, так как федерализм представляется единственной подходящей и объективно обусловленной формой территориального устройства для нашей страны, поэтому направленность внимания научных деятелей смещена в сторону определения характера взаимоотношений субъектов, их статуса. Важный аспект — возможность выделения признаков и стандартов современного, развитого федерализма. Это продиктовано требованиями времени, остав-

ляющего пригодными для применения лишь те формы и институты, которые прошли определенные этапы развития, находятся на том же уровне, что и современное общество, цивилизация в целом. Современный федерализм должен быть более совершенным, более гибким и терпимым по отношению к субъектам, в основу которых положен национальный признак деления. Так, например, одна из тенденций современного федерализма — сохранение единства государственной власти в сочетании с расширением полномочий субъектов, развитием партнерских отношений и кооперации на местах¹.

В теории государства и права выделяются виды федеративных государств, в частности по критерию структуры федерации бывают симметричными (с одинаковым правовым статусом субъектов и равными полномочиями) и асимметричными (где субъекты имеют разный статус и не равны в своих полномочиях)². Согласно ст. 5 Конституции Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов — равноправных субъектов РФ³. Это положение Основного Закона закрепляет равноправие субъектов России, их равный статус и соответствующие полномочия. Таким образом, можно говорить о симметричном устройстве Российской Федерации. В подтверждение данного положения следует упомянуть и ч. 4 ст. 5 Конституции: «Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны». Между тем нельзя говорить о равном статусе территориальных образований исходя только из их отношений с федеральными органами государственной власти.

Одним из ключевых факторов, позволяющих отметить асимметрию российского федерализма, является особый статус республик, который определяется в соответствии с Конституцией

РФ и конституцией соответствующей республики согласно ч. 1 ст. 66 Конституции РФ. Можно предположить, что определенное неравноправие республик с другими субъектами было заложено в Основном Законе еще в 1993 г. во время его принятия. Тогда подобный прием законодателя был исторической необходимостью, связанной с ранее упоминавшейся напряженной политической обстановкой.

Конституция РФ принималась в 1993 г., а ее разработка проходила в период сложных отношений с некоторыми республиками. Так, Чеченская Республика и Республика Татарстан отказались от подписания Федеративного договора с Российской Федерацией в 1992 г., что породило трудности при переговорах с ними и попытках предпринять меры, исключающие возможность выхода данных республик из состава РФ. Соглашения с Татарстаном и Чечней были подписаны в особом порядке в 1994 и 1996 гг. соответственно. Система разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами после «парада суверенитетов» наложила отпечаток на объем некоторых полномочий в республиках. В научных работах по этому вопросу констатируется, что преимущество полномочий республик может быть основано на их требовании включить некоторые положения договоров, подписанных в особом порядке и закрепляющих определенный уровень самостоятельности, в Конституцию России⁴.

Перечислим ряд положений, отличающих статус республик России от других субъектов. Во-первых, республики имеют отличные от других учредительные документы — собственные конституции, в то время как учредительными документами других субъектов выступают уставы. Во-вторых, в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ исключительно республики указаны как государства, в том числе некоторые главы республик упоми-

¹ Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1997. С. 25.

² Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс. М., 2015. С. 109.

³ Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁴ Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 17–19.

наются как президенты республик. В-третьих, в республиках, наряду с русским языком, государственным языком России, могут устанавливаться свои национальные языки, которые в ч. 2 ст. 68 Конституции РФ названы также государственными. Изложенные обстоятельства позволяют оценить более широкий набор полномочий республик в составе России по сравнению с другими субъектами⁵. Отличия обусловлены культурными, географическими причинами и иными местными особенностями, но в большей степени значение придается исторической составляющей.

Вместе с тем иное положение республик — не единственный фактор, позволяющий говорить об асимметрии российского федерализма. Особенностью является и конституционно-правовой статус автономных округов и автономной области. Автономные округа могут входить в состав края или области, то есть могут становиться частью другого субъекта Федерации, в этом случае отношения соответствующего автономного округа и края или области определяются договором между органами государственной власти округа и иного субъекта. Стоит отметить, что, несмотря на вхождение автономного округа в состав другого субъекта, автономный округ не теряет своей самостоятельности и не становится административно-территориальной единицей субъекта, он сохраняет равный статус субъекта Федерации и свои полномочия. Особый статус автономных округов и области определяется и возможностью принятия соответствующего федерального закона об области или округе по представлению законодательных и исполнительных органов данных субъектов⁶.

Если вновь обратиться к ст. 5 Конституции РФ, можно заметить положение, характеризующее еще один факт отсутствия полного равноправия территориальных образований, а именно перечисление видов субъектов Федерации в ч. 1 анализируемой статьи. Все они указаны во множественном числе, кроме одного — автономной области. В составе РФ находится всего

одна автономная область — Еврейская автономная область. В соответствии с ч. 5 ст. 66 Конституции РФ статус субъекта может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта в соответствии с федеральным конституционным законом. При этом указанное положение ч. 1 ст. 5 Конституции делает невозможным изменение конституционно-правового статуса Еврейской автономной области. Дело в том, что статья 5 Конституции находится в разделе первом, внесение изменений в который возможно только в случае принятия новой Конституции, поправки к данному разделу исключаются. Если предположить, что при изменении статуса автономной области будут приняты поправки к ст. 65 в форме федерального конституционного закона, то формулировка ст. 5 становится камнем преткновения в этом вопросе. Любое изменение статуса Еврейской автономной области повлечет необходимость принятия нового Основного Закона. Таким образом, Конституцией ограничена возможность преобразования Еврейской автономной области, изменение ее статуса как субъекта РФ на сегодняшний день неосуществимо⁷.

При рассмотрении вопроса о распределении полномочий между субъектами РФ особое внимание следует уделить столице РФ, городу федерального значения — Москве. Правовой статус Москвы представляет собой сочетание ее положения как столицы и как субъекта РФ — города федерального значения. Нужно отметить, что такое положение города уникально и не имеет аналогов в зарубежной практике. Это связано с намеренным разделением города, выполняющего функции столицы, и субъектов, имеющих стратегическое значение для страны. Крупные мегаполисы, например, отдалены от столиц в целях поддержания безопасности и общественного порядка. Так, в России главенствующее положение Москвы определяется ее многовековой историей как города, который имеет большую экономическую, политическую и культурную значимость.

⁵ Иванов А. М. Асимметрия в федеративном устройстве России // *Философия права*. 2009. № 6. С. 103–104.

⁶ Конституция РФ.

⁷ Иванов А. М. Указ. соч. С. 104–105.

Часть 1 ст. 65 Конституции РФ закрепляет за Москвой статус города федерального значения, субъекта РФ, данный статус также определяется Уставом города⁸. Часть 2 ст. 70 Конституции РФ, в свою очередь, закрепляет за Москвой статус столицы России. Этот статус города почетно и оправданно исторически обоснован. Первое упоминание о городе относится к 1147 г., тогда Москва была единственной пограничной крепостью на юго-западе Северо-Восточной Руси. Позже Великое Московское княжество соединило в себе центр Русского государства и резиденцию митрополитов, уже в то время Москва стала большим культурным и политическим центром. Неоценимый вклад был внесен городом в отечественную историю на всех этапах ее развития. Сегодня Москва — это духовный центр страны, территория нахождения высших органов государственной власти, настоящий передовой центр с новейшими разработками⁹. Значимость Москвы для государства предопределяет ее расширенные полномочия. В соответствии с Законом РФ от 15.04.1993 (ред. от 08.08.2024) № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации»¹⁰ органы государственной власти Московской области содействуют административному центру в осуществлении функций столицы. Территориальной организации, финансовому обеспечению и в целом развитию Москвы уделяется большое внимание: проект генерального плана города согласовывается с Правительством РФ, город финансируется как субъект РФ, но по отношению к федеральному бюджету является источником доходов, так как средства федерального бюджета, полученные из бюджета Москвы, распределяются и направляются на финансирование других субъектов. Программа реновации, введенная в столице, поддерживает инфраструктуру города, улучшает уровень жизни населения посредством переселения в новые квартиры, строительства

социальных объектов, сохраняет и поддерживает культуру города, поскольку реновация предполагает сохранение исторических зданий и строительство новых. Особенности регулирования некоторых земельных, градостроительных отношений, касающиеся реновации, стали поправками к Закону о статусе столицы РФ. На наш взгляд, при оценке правового положения Москвы нельзя не отметить некоторую отстраненность города, его обособленность, которая свидетельствует об исключительном, специальном статусе столицы. При данном наборе компетенций не представляется возможной объективная оценка соотношения статуса Москвы и других субъектов. Двойственный статус органов власти, различные подходы к налогообложению, зависимость федеральных органов государственной власти от столицы поднимают еще один сложный юридический вопрос, требующий отдельного внимания. Именно поэтому при оценке компетенций субъектов следует упоминать и Москву, но с указанием ее особого статуса, который не подлежит корректному сравнению.

Как утверждает в своем исследовании А. А. Александров, сложносоставные полномочия столицы-субъекта формируют основания для создания отдельного административно-территориального образования, которое будет наделено функциями столицы, но при этом не будет обладать статусом субъекта. Теоретически реализация предложенной идеи осуществима путем внесения изменений в Закон о статусе столицы РФ¹¹.

С учетом комплекса приведенных положений полагаем возможным характеризовать Российскую Федерацию как ассиметричную федерацию. Так, например, В. Е. Чиркин считает, что Россия — типичный пример ассиметричной федерации, в составе которой находятся субъекты с неодинаковым статусом¹². Считается, что

⁸ Вестник мэрии Москвы. 2000. Май. № 9.

⁹ Большая российская энциклопедия // URL: <https://bigenc.ru/c/moskva-a34bd2> (дата обращения: 09.11.2024).

¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 19. Ст. 683.

¹¹ Александров А. А. Правовой статус города Москвы: конституционно-правовой анализ. М., 2008. С. 88–96.

¹² Чиркин В. Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. 1994. № 8/9.

симметричных федераций в абсолютном их понимании не существует, каждый вид федерации имеет свои преимущества и недостатки, а также обусловлен историческими, национальными и культурными причинами. Между тем правовая неопределенность распределения полномочий между субъектами, по мнению некоторых представителей научного сообщества, может перейти в проблему защиты национальной безопасности, так как асимметрия провоцирует усиление дезинтеграционных тенденций российского пространства и ведет к нарастанию напряженности в рамках федеративного устройства¹³.

Р. В. Михайлов указывает, что конституционно-правовое неравноправие субъектов свидетельствует о серьезном нарушении конституционных основ и принципов. В свою очередь, самостоятельные попытки субъектов расширить свои компетенции и статус в целом, вынужденное выравнивание приводят к национальным конфликтам, спорам и развитию внутрисубъектной вражды. Во избежание таких ситуаций необходима грамотная внутренняя политика, которая является одним из элементов федерализма, обеспечивающих его существование.

На наш взгляд, нет оснований полагать, что некоторые различия правового статуса субъектов могут привести к внутренним разногласиям, напротив, по убеждению В. Е. Чиркина, в отдельных случаях асимметрия федерализма — единственно возможный вариант территориальной организации, и искусственное выравнивание статусов субъектов способно причинить только вред межнациональным отношениям. И. А. Умнова определяет суть федерализма как путь к объединению людей в мирное и гармоничное сообщество на всех уровнях территориальной организации государственной и общественной власти¹⁴. Федерализм в России во многом отражает ее национально-территориальное устройство, наличие большого количества народов, конфессий и местных традиций;

в основе принципов федерализма лежит равноправие субъектов, единство системы государственной власти, национальное и культурное многообразие.

Научный подход к теории федерализма и анализ современных тенденций развития государственно-территориального устройства позволяют выдвинуть теорию регионализма, основная идея которой заключается в объединении преимуществ федерализма и унитаризма, создании промежуточной формы государственно-территориального устройства, где сочетаются уже существующие модели в целях эффективного государственного управления¹⁵. Эта теория представляет собой ответ на вопрос об определении форм государственно-территориального устройства отдельных современных государств. В настоящее время встречаются регионализированные унитарные государства, в которых часть субъектов обладает автономией. При оценке данного обстоятельства возникает довольно философский вопрос о разграничении правового положения асимметричной федерации и регионализированного унитарного государства. Различия названных моделей территориального устройства состоят в количестве уровней органов государственной власти, каналов налогообложения, законодательства, при этом основная идея самостоятельности субъектов и расширенного объема полномочий — общая. Ввиду этого в некоторых источниках регионализированные унитарные государства определяют как переходную форму от унитарного государства к федеративному¹⁶.

Наряду с этим, считаем необходимым вернуться к формулировке ч. 4 ст. 5 Конституции. Ее внимательное изучение и осмысление ставит под сомнение ранее приведенные положения об асимметрии федеративного устройства. Сам законодатель указывает на равноправие субъектов именно во взаимоотношениях с федеральными органами государственной вла-

¹³ Михайлов Р. В. Асимметричность федеративного устройства Российской Федерации: Политико-правовые аспекты. М., 1999. С. 1–5.

¹⁴ Умнова И. А. Указ. соч. С. 123–130.

¹⁵ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 15.

¹⁶ Александров А. А. Указ. соч. С. 98–104.

сти. Особо подчеркивается взаимодействие с федеральным центром, а не самостоятельный набор полномочий конкретных субъектов. По нашему мнению, соответствующая формулировка статьи подводит к логическому завершению полемику, связанную с определением вида федеративного устройства России. Субъекты РФ действительно находятся на одном уровне подчинения федеральному центру, ни один из субъектов не обладает большей значимостью или сферой влияния. Поэтому можно говорить об уникальном правовом явлении, которое выражается в сочетании юридического равенства субъектов России, симметричности федерализма и расширенного состава полномочий некоторых субъектов.

Конституционные положения, закрепляющие симметричное федеративное устройство Российской Федерации, встречаются с действительными расхождениями на практике, что характеризует соотношение конституции юридической и фактической. Такая асимметрия государственно-территориального устройства не обладает ярко выраженным характером и предполагает дополнительные возможности субъектов, предоставленные законодателем там, где это необходимо. Асимметричный федерализм имеет важное преимущество: учет особенностей каждого субъекта способствует выработке единой и согласованной политики.

На основе изложенных теоретических положений приходим к выводу о том, что Российская Федерация, согласно Основному Закону, является симметричной федерацией, вместе с тем она имеет признаки асимметрии, при этом положения закона дают возможность расширенного толкования норм, посвященных равенству субъектов. Этот факт оставляет за собой значительное пространство для размышлений по той причине, что спорные положения могут обсуждаться сквозь призму философских рассуждений, политических взглядов и личного восприятия вопроса.

В заключение следует отметить, что современная модель федерализма России продиктована временем, особенностями исторического и культурного развития и, в некоторой степени, исключительным менталитетом русского народа. Определяющее значение в законодательном распределении полномочий и закреплении статуса субъектов РФ имеют исторические особенности развития. Вклад, внесенный многими территориями России в развитие государства, обуславливает их расширенную компетенцию. Российская модель федерализма позволяет рассматривать государственно-территориальное устройство Российской Федерации как демократичную, эффективную и перспективную систему.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — М., 2000. — 512 с.
2. Александров А. А. Правовой статус города Москвы: конституционно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 206 с.
3. Иванов А. М. Асимметрия в федеративном устройстве России // Философия права. — 2009. — № 6. — С. 101–105.
4. Михайлов Р. В. Асимметричность федеративного устройства Российской Федерации: Политико-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 1999. — 186 с.
5. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс. — М., 2015. — 559 с.
6. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1997. — 398 с.
7. Чиркин В. Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. — 1994. — № 8/9. — С. 150–158.

Материал поступил в редакцию 16 декабря 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan S. A. Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost. — M., 2000. — 512 s.
2. Aleksandrov A. A. Pravovoy status goroda Moskvy: konstitutsionno-pravovoy analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. — 206 s.
3. Ivanov A. M. Asimetriya v federativnom ustroystve Rossii // Filosofiya prava. — 2009. — № 6. — S. 101–105.
4. Mikhaylov R. V. Asimmetrichnost federativnogo ustroystva Rossiyskoy Federatsii: Politiko-pravovye aspekty: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. — M., 1999. — 186 s.
5. Rasskazov L. P. Teoriya gosudarstva i prava: uglublenny kurs. — M., 2015. — 559 s.
6. Umnova I. A. Konstitutsionnye osnovy sovremennogo rossiyskogo federalizma: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1997. — 398 s.
7. Chirkin V. E. Modeli sovremennogo federalizma: sravnitelnyy analiz // Gosudarstvo i pravo. — 1994. — № 8/9. — S. 150–158.

Финансовый суверенитет государства: проблемы актуального правового контента

Аннотация. Используя интегративный подход, автор констатирует компликативную сущность финансового суверенитета государства, включающую политическую, экономическую и юридические характеристики его как социального феномена, имеющего видовое разнообразие проявлений в зависимости от сфер общественных отношений, что позволяет выделять особенности его реализации в финансовой сфере, именуя таковой финансовым суверенитетом. Признавая историческую модификацию сущностного содержания суверенитета государства, применяя междисциплинарный подход, автор предлагает рассматривать финансовый суверенитет как полисемичное правовое явление: характеристику правового статуса государства; предмет правового регулирования; комплексный институт права, объединяющий нормы различных отраслей, включая финансовое право. В качестве одного из направлений развития финансово-правовой доктрины и законодательства видится определение и легализация предметной основы финансового суверенитета и содержательной составляющей в форме каталога суверенных прав и обязанностей государства в финансовой сфере. Для этих целей рекомендуется рассматривать финансовую систему государства в широком аспекте, включающем систему организационных отношений, обеспечивающих проведение платежно-расчетных операций между фондами денежных средств, находящимися как в частной, так и в публичной формах собственности, посредством платежно-расчетной инфраструктуры, объектом которой выступают деньги в различных формах их объективизации (наличной, безналичной, включая цифровую), а субъектами — собственники фондов денежных средств и владельцы (операторы) платежно-расчетной инфраструктуры. Структурировать суверенные права и обязанности в финансовой сфере предлагается с применением теории позитивного обязывания, что позволит сформулировать векторы развития национального законодательства и международного права.

Ключевые слова: суверенитет; суверенитет государства; финансовый суверенитет; финансовая система государства; право; финансовое право; финансовые отношения; позитивное обязывание; суверенные права; обязанности государства в финансовой сфере.

Для цитирования: Омелёхина Н. В. Финансовый суверенитет государства: проблемы актуального правового контента // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 19–32. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.019-032.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2003-0004 «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты»).

© Омелёхина Н. В., 2025

* Омелёхина Наталья Владимировна, доктор юридических наук, заместитель директора административного департамента Министерства финансов Российской Федерации
Ильинка ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 109012
n.onv@yandex.ru

Financial Sovereignty of the State: Issues of Current Legal Content

Natalia V. Omalekhina, Dr. Sci. (Law), Deputy Director, Administrative Department, Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
n.onv@yandex.ru

Abstract. Using an integrative approach, the author examines the complex nature of financial sovereignty of the state, emphasizing its political, economic, and legal dimensions as a social phenomenon. Financial sovereignty manifests differently in different spheres of social relations, which allows for the identification of its distinct features within the financial domain. This specific manifestation is referred to as “financial sovereignty.” By considering the historical evolution of state sovereignty and applying an interdisciplinary perspective, the author conceptualizes financial sovereignty as a polysemic legal phenomenon: it serves as a characteristic of the legal status of the state as an object of legal regulation, and as a comprehensive legal institution uniting norms from various branches of law, including financial law. A key direction for the development of financial law doctrine and legislation involves defining and codifying the substantive foundations of financial sovereignty and establishing its content in the form of a registry of the state’s sovereign rights and obligations in the financial sphere. To this end, the financial system of the state should be viewed broadly, encompassing the organizational relationships that facilitate payment and settlement operations between monetary funds belonging to both private and public entities. This is achieved through payment and settlement infrastructure the object of which is money in its various forms (cash, non-cash, and digital moneys). The subjects of the infrastructure include both the owners of monetary funds and the operators (owners) of the payment and settlement infrastructure. The author proposes structuring the sovereign rights and obligations in the financial sector using the theory of positive obligations. This approach enables the formulation of directions for the development of national legislation and international law.

Keywords: Sovereignty; state sovereignty; financial sovereignty; financial system of the state; law; financial law; financial relations; positive obligation; sovereign rights; the duties of the state in the financial sphere.

Cite as: Omalekhina NV. Financial Sovereignty of the State: Issues of Current Legal Content. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2025;20(8):19-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.019-032.

Acknowledgments. The paper was prepared as part of the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FZNF-2003-0004, “Digitalization and the Formation of the Modern Information Society: Cognitive, Economic, Political, and Legal Aspects”).

Категория «суверенитет государства» до недавнего времени существовала в тени политического, экономического, правового диспута и доктринального дискурса, относилась больше к фундаментальным основам права, нежели к прикладным.

Из всего возможного многообразия правовой полемики вызывали исследовательский и нормотворческий интерес в фундаментально-прикладном контексте определение субъекта — носителя суверенитета государства (государство, народ, нация); определение носителя суверенитета в федеративном государстве; влияние на су-

веренитет государства процессов глобализации, создания транснациональных структур; проблема передачи суверенитета наднациональным, надгосударственным структурам или передачи им лишь отдельных суверенных полномочий с сохранением государственного суверенитета как цельного неделимого явления за публично-правовым образованием.

В обозначенном ключе велись научные исследования, принимались акты Конституционного Суда РФ, выражающие официальные правовые позиции по данным вопросам, имеющие регулятивную силу¹. Факт наличия суверенитета

¹ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-п «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об

государства в финансовой сфере в виде признания права на денежную эмиссию, налогообложение, средства бюджета, государственную казну и пр. презюмировался одновременно с признанием публично-правового образования в качестве суверенного субъекта.

Однако проблематика финансового суверенитета в одночасье приобрела прикладной характер. События последних нескольких лет оказали серьезное влияние на научную и законодательную повестку. Во главу угла были поставлены такие темы, как сохранение национальной идентичности через защиту государственного суверенитета, в том числе финансового; сосредоточенность на функциональном проявлении государственного суверенитета, в частности на технологическом и финансовом суверенитете государства, их обеспечении и защите. В связи с этим в правовой теории и международно-правовом научном дискурсе вновь зазвучали идеи правовой идентификации государственного суверенитета, его видовых проявлений — технологического, финансового и пр., их сущностных характеристик.

В современном миропорядке, осложненном, с одной стороны, процессами глобализации, интеграции и унификации, а с другой стороны, признанием национальной государственной идентичности, становится очевидным, что суверенитет государства невозможно понимать упрощенно — как абсолютное господство одного субъекта над другими субъектами и полную независимость такого субъекта от равностатус-

ных субъектов, поскольку в условиях современной цивилизации и мирового хозяйства неустранимы взаимосвязи между государствами в экономической, экологической, гуманитарной и иных сферах. Указанные обстоятельства свидетельствуют о многоаспектном проявлении суверенитета государства как компликативной социальной сущности, как полисемичного правового явления. Справедливо звучат предостережения об опасности процессов внедрения когнитивных технологий трансформации в государственно-правовую среду, важности закрепления в пространстве смыслов отечественных научных подходов к базовым понятиям, формирующим российскую суверенную идентичность, их институционализацию и правовое оформление².

Исходя из обозначенного подхода, научного обоснования требуют как минимум ряд положений: рассматривать государственный суверенитет как цельное неделимое явление, не признавая таких его видовых проявлений, как экономический, финансовый, технологический, культурный суверенитет и пр., либо признать видовое структурирование государственного суверенитета, определив в качестве одного из них финансовый суверенитет; в случае признания последнего в качестве видового проявления государственного суверенитета в современном обществе эксплицировать сущность финансового суверенитета государства, а также идентифицировать таковой как правовой феномен.

Обращают на себя внимание звучащие в правовой доктрине отдельные высказывания,

общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728 ; постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4169 ; определение Конституционного Суда РФ от 03.03.2015 № 417-О «По запросу Арбитражного суда Центрального округа о проверке конституционности пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза» // Вестник КС РФ. 2015. № 3 ; постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2019 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 24.1 Федерального закона “Об отходах производства и потребления” в связи с запросом Арбитражного суда Республики Карелия» // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4412.

² *Виноградова Е. В.* Проекция когнитивных технологий трансформации на суверенную российскую государственность // Государство и право. 2024. № 7. С. 40–49.

ставящие под сомнение существование финансового суверенитета государства как правового явления. Обосновывается позиция, согласно которой суверенитет государства является имманентно присущей характеристикой публично-правового образования — един, неделим, абсолютен в своем проявлении. В соответствии с этой точкой зрения не следует рассуждать о технологическом, финансовом, экономическом, культурном и иных видах суверенитета государства. Суверенитет есть целостное явление, он либо существует, либо нет; нельзя в чем-то иметь суверенитет, а в чем-то не иметь³. Думается, что определенное рациональное зерно в подобной теории присутствует несомненно, но нельзя не заметить серьезных законодательных и доктринальных аргументов, корректирующих эту позицию.

Легальное понимание суверенитета государства, признанное современным мировым сообществом (основанное на сформированном феодальными государствами при заключении Вестфальского договора в 1682 г., но не тождественное ему), решающее проблемы поддержания международного мира, безопасности, развития дружественных отношений и сотрудничества между государствами, закреплено в Декларации о принципах международного права, утвержденной 24 октября 1970 г. Генеральной Ассамблеей ООН⁴, в виде всеобщего признания принципа суверенного равенства государств. Раскрывая принцип суверенного равенства государств, Декларация признает, что все государства пользуются суверенным равенством, имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества, независимо от различий,

в том числе экономического характера. В качестве элемента понятия суверенного равенства выделяют право каждого государства свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы.

Данные положения правового акта международного права предполагают функциональную дифференциацию, видовое разнообразие проявления государственного суверенитета в зависимости от сфер общественных отношений. В связи с этим в актах международного права признают государственный суверенитет в экономической, социальной, культурной и иных сферах, рассматривая финансовые отношения как часть экономических. В подтверждение сказанного могут быть приведены правовые позиции Конституционного Суда РФ, выделяющие фискальный суверенитет государства, налоговый суверенитет, экономический суверенитет⁵.

Из подобной трактовки содержания суверенитета государства следует абсолютное признание его проявления в экономической сфере и, соответственно, финансовой сфере как составной части экономической. Другое дело, что правовая конкретика, принципы правовой ясности и определенности требуют терминологической точности. Вероятно, необходимо сделать ремарку, что термин «государственный суверенитет в финансовой сфере» можно признать содержательно тождественным термину «финансовый суверенитет», который используется в целях экономии правового материала и удобства восприятия в процессе правореализации.

Что же демонстрируют в этой связи фактически складывающиеся общественные отношения, политические, экономические и правовые реалии? Прежде всего, всплеск внимания

³ См., например: *Данилевская-Урбанова И. Л.* О взглядах советских правоведов на юридическую природу суверенитета // *Право и государство: теория и практика.* 2024. № 2. С. 105–107.

⁴ Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на 25-й сессии. 15 сентября — 17 декабря 1970 г. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. 25-я сессия. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 1971. С. 151–155.

⁵ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 “Об основах налоговой системы РФ”» // *СЗ РФ.* 1998. № 42. Ст. 5211 ; определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 757-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ОАО “Учалинский горно-обогатительный комбинат” на нарушение конституционных прав и свобод абзацами первым и вторым пункта 1 ста-

к такому правовому явлению, как финансовый суверенитет государства, вызван политической риторикой. Заявления ведущих политических деятелей страны однозначно ставят задачу защиты так называемого финансового суверенитета России в современных геополитических условиях, формирования механизмов обеспечения его реализации как внутри государства, так и на межгосударственном уровне с учетом внешних и внутренних вызовов и угроз⁶.

Нормативно-правовая сфера также демонстрирует активизацию правового регулирования в этом направлении. Первые вкрапления в российское законодательство положений об экономическом, финансовом суверенитете появились в середине 2010-х гг. Так, в 2017 г. в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208⁷, дано легальное определение экономического суверенитета Российской Федерации как объективно существующей независимости государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств (пп. 2 п. 7). Констатируется, что в условиях усиления существующих и появления новых вызовов и угроз экономической безопасности Российская Федерация сохраняет достаточно высокий уровень экономического суверенитета и социально-экономической стабильности (п. 11). Итогом реализации Стратегии экономической безопасности должно стать, в числе прочего, обеспечение экономического суверенитета РФ.

Центральным банком РФ была утверждена Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы⁸, в качестве одной из ключевых задач которой определялось обеспечение стабильности функционирования национальной платежной системы и платежного суверенитета РФ. В Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400⁹, в качестве цели обеспечения экономической безопасности обозначена необходимость укрепления экономического суверенитета страны (п. 67). Достижение данной цели обеспечивается путем решения ряда задач, в числе которых укрепление финансовой системы Российской Федерации и ее суверенитета, развитие национальной инфраструктуры финансовых рынков, в том числе платежной инфраструктуры, преодоление зависимости в этой сфере от третьих стран, расширение практики расчетов с иностранными партнерами в национальных валютах, сокращение вывода финансовых активов за границу, противодействие незаконным финансовым операциям.

Аналогичное заявление прозвучало в выступлении Президента РФ В. В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 16 декабря 2022 г. и нашло отражение в перечне поручений, утвержденном по итогам заседания Совета 26 января 2023 г., № Пр-144¹⁰. В Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов, разработанном Минэкономразвития Рос-

тии 59 Налогового кодекса РФ...» // СПС «КонсультантПлюс»; определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 596-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ОАО «Акционерный банк «Содействие общественным инициативам» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 93.4 Бюджетного кодекса РФ...» // Вестник КС РФ. 2009. № 6.

⁶ См.: выступление Президента РФ В. В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Официальный сайт Президента РФ. 2022. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 16.12.2022); перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам от 26.01.2023 (Пр-144, п. 1а-3); совещание Президента РФ с членами Правительства РФ 29 марта 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. 2023. URL: <http://www.kremlin.ru>.

⁷ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

⁸ URL: <http://www.cbr.ru> (по состоянию на 25 августа 2021 г.).

⁹ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

¹⁰ URL: <http://www.kremlin.ru> (по состоянию на 31 января 2023 г.).

сии¹¹, траектория развития государства в значительной степени связывалась с эффективной реализацией мер экономической политики по обеспечению финансового суверенитета, для чего признано необходимым формирование долгосрочных финансовых ресурсов на внутреннем финансовом рынке, включая развитие новых финансовых инструментов, в том числе ряда инвестиционных и страховых инструментов для граждан, а также повышение доверия инвесторов к российскому финансовому рынку. Однако в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов¹² вопросы обеспечения финансового суверенитета государства непосредственно не отражены.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на декларирование в конце 2010-х — начале 2020-х гг. в качестве стратегических целей российской политики и социально-экономического развития обеспечения параллельно технологического и финансового суверенитета государства, правовое сопровождение реализации каждого направления значительно различается. Так, правовое понимание технологического суверенитета, механизмы его обеспечения и защиты нашли нормативную конкретизацию и оформление¹³. Что же касается финансового суверенитета государства, то, достигнув своего апогея в 2022–2023 гг., политический дискурс относительно его содержательного наполнения пошел на спад, а правовая категория «финансовый суверенитет государства» получила эпизодическое упоминание в актах стратегического планирования, при этом отмечалась необходимость его укрепления, обеспечения, защиты. Одна из причин этого — высокая степень не-

определенности содержания финансового суверенитета государства в современных условиях общественно-политического и экономического развития.

Тем не менее можно констатировать, что, исходя из исторической модификации существенного содержания государственного суверенитета, обусловленного технологическим развитием общества, процессами глобализации, интеграции, унификации, с одной стороны, и самоопределения публично-правовых образований, национальной идентичности — с другой, современное прочтение государственного суверенитета предполагает его видовую дифференциацию в зависимости от сфер проявления и позволяет выделять суверенитет государства в финансовой сфере, определяемый как финансовый суверенитет. При этом обращает на себя внимание компликативность, содержательная сложность суверенитета государства, включая его проявление в сфере финансов, выражающаяся в его многоаспектности, в различиях его идентификации с учетом целеполагания и характеристик тех или иных подходов с политической, экономической и правовой позиций, с точки зрения проявления в различных отношениях, формирующихся в обществе (отношениях хозяйствования, борьбы за власть, иных социальных связях и пр.), выходящая за рамки государственно-правовых определений, что делает суверенитет государства символически значимым феноменом.

Презюмируется отличие политического аспекта понимания суверенитета государства, проявляющегося в том числе в финансовой сфере, от правового. Признавая суверенитет динамической категорией, сакральная сущность

¹¹ URL: <https://economy.gov.ru> (по состоянию на 3 октября 2023 г.).

¹² URL: <https://economy.gov.ru> (по состоянию на 30 сентября 2024 г.).

¹³ См., например: распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964 ; постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации...» // СЗ РФ. 2023. № 17. Ст. 3141 ; Указ Президента РФ от 14.04.2022 № 203 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 16. Ст. 2650.

которой изменяется, обуславливается историческим контекстом, источник политического суверенитета видят в причинах, послуживших установлению государственности на определенной территории, в числе которых указывают не только репрессивный потенциал власти, но и экономические, административные, экологические, моральные и прочие ресурсы. Носителем политического суверенитета признается определенная группа лиц, объединенная экономическими, военными и иными интересами (национальными, идеологическими, религиозными и пр.). В свою очередь, источником юридического суверенитета называют нормативные правовые акты, конституцию, а носителем его выступают органы публичной власти в государстве.

С одной стороны, юридический суверенитет признают формальным закреплением политической власти, включая власть в финансовой сфере, а с другой стороны, фактическая реализация юридического суверенитета зависит от силы и мощи источника политического суверенитета. При этом справедливо отмечают, что суверенитет есть лишь формально юридическое понятие, указывающее на юридически безусловное и независимое господство государства... Понятие суверенитета совершенно не указывает на фактическое могущество, материальные средства и силу, используемые данным государством для поддержания своего суверенитета. Это вопрос факта, весьма важный в политическом отношении, но не касающийся юридического характера суверенитета¹⁴. Результатом фактической реализации юридического суверенитета являются принимаемые правовые акты, регулирующие отношения в той или иной сфере, самостоятельное и независимое определение их содержания, их принятие.

Вероятно, внести определенность в вопрос политического основания суверенитета государ-

ства в финансовой сфере смогут представители иных направлений общественных наук, включая историков, политологов, социологов и пр. Только применяя междисциплинарные подходы к анализу данной проблематики, юриспруденция в состоянии будет предложить внятные правовые модели его правовой идентификации, обеспечения и защиты, нормативного закрепления каталога суверенных прав и обязанностей в финансовой сфере. Более того, политологи подчеркивают необходимость обращения внимания на различные аспекты и виды суверенитета, без учета которых невозможно дать определение этому комплексному понятию¹⁵.

Развивая междисциплинарный подход, следует выделить экономический аспект понимания финансового суверенитета государства, поскольку специалисты в сфере финансового права придерживаются точки зрения, согласно которой детерминантой финансово-правового регулирования выступают экономические сущности и явления, их экономическая концепция и трактовка¹⁶.

Сходство позиций экономистов видится в том, что финансовый суверенитет рассматривается в качестве составной части экономического суверенитета государства, государственного суверенитета в сфере экономических отношений как верховенство, независимость, самостоятельность и полнота власти при организации и ведении хозяйства (в широком его понимании) на территории публично-правового образования. Но в их высказываниях звучат некоторые различия, не позволяющие констатировать абсолютное тождество в экономических подходах к определению финансового суверенитета для целей правового регулирования. Эти различия обусловлены прежде всего институциональной организацией финансовой сферы.

Так, при анализе позиции руководителей финансовых структур государства применительно

¹⁴ Левин И. Д. Суверенитет / предисл. д. ю. н., проф. С. А. Авакьяна. СПб. : Пресс, 2003. С. 73.

¹⁵ Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта // Политэкс. 2010. Т. 6. № 4. С. 5–21.

¹⁶ Ровинский Е. А. Основные вопросы теории советского финансового права. М., 1960. С. 105 ; Цыпкин С. Д. Финансово-правовые институты, их роль в совершенствовании финансовой деятельности советского государства // Избранные труды по финансовому праву. М. : Статут, 2021. С. 271 ; Худяков А. И. Основы теории финансового права. Алматы, 1995. С. 10.

к тем или иным видам финансовых отношений акцент делается на отдельных аспектах финансового суверенитета: для финансового органа — Министерства финансов РФ — на бюджетной устойчивости, бюджетной обеспеченности расходных обязательств публично-правовых образований и сдержанной долговой политике; для экономического блока — на самостоятельности принятия решений в финансовой сфере как части экономической сферы; для органа денежно-кредитного регулирования — Центрального банка РФ — на устойчивости банковской системы, самостоятельной платежной структуре, при этом суверенитет не рассматривается как автаркия; для контрольно-счетных органов — Счетной палаты РФ — на самостоятельности принятия решений в финансовой сфере, формировании суверенных фондов; для представителей банковского сектора — на многополярной системе расчетов¹⁷. Для целей обеспечения финансового суверенитета государства эксперты предлагают 12 инициатив в четырех ключевых стратегических направлениях: замене глобальной финансовой инфраструктуры и иностранного капитала; развитию передовых финансовых систем; установлении точек перехода для более эффективного взаимодействия с мировым финансовым рынком и интеграции новых форм финансов и альтернативной системы финансовых операций¹⁸.

В то же время если анализировать отражение экономического содержания суверенитета государства, в частности финансового суверенитета, в правовом аспекте, то обнаруживается определенная полисемичность его правовой сущности, а именно: финансовый суверенитет государства можно идентифицировать как свойство, характеристику определенного субъекта права, элемент его правового статуса, правосубъектности; как предмет правового регулирования и как институт права.

В качестве особого свойства, сущностной характеристики правового статуса такого субъекта, как государство, суверенитет (включая его видо-

вую модификацию в финансовой сфере) может быть выведен из закрепленного в Декларации о принципах международного права от 24.10.1970 принципа суверенного равенства государств, структурными элементами которого названы: юридическое равенство; полнота суверенных прав; уважение правосубъектности другого государства; неприкосновенность территориальной целостности и политической независимости; свобода выбора и развития своей экономической системы (наряду с политической, социальной и культурной); обязанность выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами.

Очевидно, проблема определения финансового суверенитета как элемента правового статуса публично-правового образования имеет более конституционно-правовой и международно-правовой контекст, нежели финансово-правовой. Однако ее решение служит основой для формирования финансово-правового регулирования как в рамках национального законодательства, так и в международном праве.

Исследование финансового суверенитета государства как предмета правового регулирования и как института права имеет большую финансово-правовую содержательность. В этой связи прежде всего обращает на себя внимание отсутствие правовой определенности предметной основы финансового суверенитета государства, т.е. тех общественных отношений, в которых должен реализовываться суверенитет государства, определенный как финансовый, должны проявляться верховенство, независимость, самостоятельность, полнота государственной власти внутри публично-правового образования и независимость вовне. Сегодня сама сфера финансов продолжает оставаться юридически неопределенной. Общеизвестно, что не решены вопросы правовой идентификации и легализации финансов, финансовой деятельности государства, финансовой системы государства и видовой структуры финансовых отношений.

¹⁷ Московский финансовый форум — 2022 // URL: <https://mff.minfin.ru>.

¹⁸ См., например: Чмут Г. А. Финансовый суверенитет как одна из стратегических задач России на современном этапе // Вестник университета. 2024. № 1. С. 160–165.

Изучение изложенных позиций по данной проблематике показывает, что большинство авторов предметную основу финансового суверенитета связывают с финансовой системой государства. Но современная трактовка понятия финансовой системы государства является неоднозначной, многоаспектной, нелегализованной, неоднородной, поскольку сформирована на основе одновременного использования разных квалифицирующих признаков, что затрудняет создание предметного контура финансового суверенитета.

Существует как минимум три аспекта в понимании финансовой системы государства: фондовый, институциональный и организационный. Более того, в большинстве исследований наблюдается так называемый синтезированный подход, когда в финансовую систему объединяют и фонды, и отношения, возникающие в процессе их формирования, распределения и использования¹⁹[E1][KAC2]. Вызывает особый научный и практический интерес предложение рассматривать финансовую систему как систему систем, включающую бюджетную систему, кредитную, эмиссионную и иные²⁰. Выглядят обоснованными предложения специалистов в сфере международного финансового права определять финансовую систему государства как совокупность определенных самостоятельных институциональных звеньев²¹.

В свою очередь, отсутствие доктринально проработанной и законодательно сформулированной предметной основы для формирования финансового суверенитета порождает его узкие трактовки (фискальный — налоговый суверенитет, финансово-бюджетный суверенитет, валютный суверенитет и пр.), которые сами по себе обоснованны и оправданы, но не представлены в единой системе как взаимосвязанные и взаимообусловленные элементы целостного правового явления. Так, фискальный суверенитет в понимании налогового суверенитета оказался наиболее разработанной правовой конструкцией²². Финансово-бюджетный суверенитет²³ и валютный суверенитет²⁴ эпизодически находят свое доктринальное толкование. При этом все иные сферы денежного обращения остаются малоисследованными через призму правового понимания государственного суверенитета. Вероятно, причинами, объясняющими это, могут быть относительно четкое юридико-отраслевое структурирование налоговых и бюджетных отношений в предмете финансового права, признание финансово-правового регулирования денежной эмиссии и гибкое, спорное, дискуссионное отраслевое структурирование иных общественных отношений, возникающих в финансовой сфере, относящее их к предметам различных правовых отраслей (что применимо к банковским, расчетным отношениям, отноше-

¹⁹ Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. М. : Проспект, 2020. С. 17–18 ; Финансовое право : учебник / отв. ред. И. В. Рукавишникова. М., Норма, 2021. С. 15–17 ; Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. М., Норма, 2019. С. 28–35 и др.

²⁰ Финансовое право : учебник / под ред. К. С. Бельского, С. С. Тропской. М. : Проспект, 2022. С. 35–41.

²¹ Шумилов В. М., Лившиц И. М. Международное финансовое право : учебник. М. : Юстиция, 2018. С. 22–25.

²² См., например: Садчиков М. Н. Понятие налогового суверенитета // *Налоги*. 2016. № 1. С. 16–18 ; Андриеев Н. Ю. О трех аспектах налогового суверенитета // *Финансовое право*. 2016. № 9. С. 16–18 ; Хаванова И. А. Фискальный (налоговый) суверенитет и его границы в интеграционных образованиях // *Журнал российского права*. 2013. № 11. С. 41–51.

²³ См., например: Ильин И. М. Федеративная композиция российского бюджетно-финансового суверенитета в контексте конституционно-правовых последствий пандемии COVID-19 и принимаемых нормативных актов // *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 3. С. 44–46 ; Бюджетное право : учебник / под ред. И. А. Цинделиани. М. : Проспект, 2018 ; Крус В. И. Криптовалюты и майнинг как формы неконституционного правопользования // *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 4. С. 11–20 и др.

²⁴ Запольский С. В., Васянина Е. Л. Правовые основы цифровизации финансового контроля в России // *Российский юридический журнал*. 2022. № 4. С. 99–109 ; Кучеров И. И. Право денежной эмиссии и его реализация // *Финансовое право*. 2015. № 3. С. 3–8.

ниям, складывающимся на рынке ценных бумаг, инвестиций и пр.).

Ввиду этого в качестве гипотезы для доктринальной дискуссии можно предложить рассмотрение финансовой системы государства через совокупность организационных отношений, обеспечивающих перераспределительные процессы в денежной форме, платежно-расчетные операции, движение денежных средств между фондами, находящимися как в частной, так и в публичной собственности, посредством платежно-расчетной инфраструктуры. Объектом таких отношений выступают деньги в различных формах объективирования (наличные, безналичные, включая цифровые), а субъектами — собственники фондов денежных средств и владельцы (операторы) платежно-расчетной (перераспределительной) инфраструктуры.

При таких обстоятельствах становится очевидной необходимость использования междисциплинарного подхода, объединяющего усилия представителей публично-правовых и частноправовых наук. Масса современного нормативного регулирования денежно-кредитных, валютных, банковских, расчетных отношений достигла показателя, свидетельствующего о необходимости критической оценки соответствующих традиционных правовых институтов в части соотношения в них частноправовых и публично-правовых начал. Данное предложение не звучит как призыв к кардинальному перекраиванию отраслей и институциональной структуры российского права, но имеет целью обратить внимание на особенности так называемого огосударствления частноправовых и «приватизации» публичных отраслей права, соотношения императивности и диспозитивности в традиционных правовых институтах, большей четкости, а возможно, и модификации их предметных контуров.

Исследуя правовую сущность финансового суверенитета государства, нельзя не отметить отсутствие содержательного анализа полномочий государства, формирующих юридическое наполнение финансового суверенитета, отсут-

ствие внятной концепции системы суверенных прав и суверенных обязанностей государства в финансовой сфере.

Понимание суверенитета в юридическом аспекте, по обыкновению, связывают с правами государственной власти. В традиционный перечень исключительных суверенных прав государства входят денежная эмиссия, участие в межгосударственных объединениях, монополия на правотворчество и налогообложение и др. При этом отмечают, что не может быть некоего универсального и заранее данного для всех государств перечня суверенных прав. Каждое государство в зависимости от конкретных обстоятельств может актуализировать те права, которые необходимы для выполнения его функций в конкретной исторической ситуации, что говорит о неисчерпаемости суверенных прав²⁵.

Вместе с тем слабо разработанной в правовой доктрине остается корреляция суверенных прав с суверенными обязанностями государства. Полагают, что, помимо каталога суверенных прав, содержание государственного суверенитета предполагает наличие обязанностей суверенного государства, к числу которых можно отнести обязанности по обеспечению финансовой безопасности, достойного уровня жизни и пр. Так же как и перечень прав, суверенное государство вправе корректировать и дополнять перечень своих суверенных обязанностей перед населением.

В настоящее время систематизация суверенных прав и суверенных обязанностей государства в финансовой сфере не проведена, они не структурированы явно в законодательстве и, к сожалению, правовая доктрина не предлагает внятной концепции для нормотворцев по этому вопросу.

Востребованной могла бы стать теория использования позитивного обязывания как основного способа правового регулирования в финансовой сфере, выражающаяся в установлении денежных обязанностей хозяйствующих субъектов, населения по отношению к публично-пра-

²⁵ Горюнов В. В. Суверенитет и демократия — основополагающие принципы конституционного строя России // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении : сборник статей и материалов. М., 2007. С. 185.

вовому образованию и встречного «самообязывания» публично-правового образования как социального государства по отношению к своим гражданам. Более того, логическим продолжением развития теории позитивного обязывания в имущественных отношениях в финансовой сфере могло бы стать исследование финансовых организационных отношений, состоящих в создании инфраструктуры для осуществления расчетно-денежных операций между субъектами (как между частными и публичными, так и между частными), полномочий по определению правовых режимов денежных платежей. Обогастил бы подобные исследования междисциплинарный подход, объединяющий усилия не только представителей частноправовых и публично-правовых наук, но и исследователей экономических и политических направлений общественных наук, поскольку право испытывает наибольшее влияние именно от этих сфер организации социальных связей, которые, в свою очередь, составляют также фокус правового воздействия.

Одним из последствий отсутствия внятного каталога суверенных прав и обязанностей публично-правового образования представляется проблема структурирования финансового суверенитета в системе многоуровневого управления: наднационального и внутригосударственного.

Так, различают два уровня реализации государственного суверенитета: внутреннее структурирование суверенных полномочий в финансовой сфере в зависимости от форм государства (государственного устройства, государственного правления, политического режима) и перераспределение суверенных полномочий государства в финансовой сфере между субъектами международных отношений.

Что касается внутригосударственного структурирования суверенных полномочий в финансовой сфере между уровнями государственного устройства и между ветвями власти, то здесь актами Конституционного Суда РФ однозначно определено, что Конституция РФ не допускает

какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации, который исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т.е. не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов РФ²⁶.

Законодательное распределение предметов ведения публично-правовых образований и полномочий их органов в финансовой сфере имеет конституционную основу, закреплено в ст. 12, 71–73, 130–132 Конституции РФ и детализировано в правовых актах, в частности в Бюджетном кодексе РФ, Налоговом кодексе РФ, иных актах, регулирующих отношения в финансовой сфере. Без сомнений, это динамическая конструкция, но с принципиальным подходом к ее построению в современной правовой доктрине и нормотворческой практике прослеживается относительная определенность.

Перераспределение суверенных полномочий государства в финансовой сфере между субъектами международных отношений выглядит не так однозначно. Наряду с традиционными сложностями, особенности сферы реализации финансового суверенитета государства заключаются в наличии иных субъектов международного права — международных финансовых организаций, которые не являются суверенными субъектами, но выступают в отношениях с последними на равных, и формировании межтерриториального правового пространства для реализации определенных суверенных полномочий в финансовой сфере. Функциональное расчленение суверенитета предполагает возможность передачи части государственных функций международным специализированным организациям, решения которых должны стать обязательными для всех²⁷.

Возникает вопрос, до какой степени государство может утрачивать конкретные полномочия,

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-п.

²⁷ Tinbergen J. Reshaping the International Order. N. Y., 1976.

сохраняя при этом свой суверенитет? Еще Г. Еллинек отмечал, что «понятие суверенитета — чисто формальное и не дает представления о том, какими именно полномочиями располагает государство»²⁸. Более того, полномочия, «наполняющие» категорию суверенитета, подвижны исторически. Часть вопросов, входящих прежде в исключительную внутреннюю компетенцию государств, всё в большей степени становятся теперь предметом не только международного обсуждения, но и своего рода совместного с международным сообществом ведения, а принцип невмешательства во внутренние дела всё больше увязывается с транспарентностью их политики в ряде ключевых областей, сотрудничеством с мировыми и региональными институтами²⁹. К числу таких тем, обсуждение которых широко востребовано в настоящее время, относится невозможность либо возможность функционального расчленения финансового суверенитета государства и передачи части суверенных полномочий межгосударственным структурам.

Соответственно, различия в политическом, экономическом и правовом аспектах понимания суверенитета государства, а также отраслевая дифференциация права служат определенными ключевыми ориентирами на пути правовой идентификации финансового суверенитета государства.

В связи с этим следует констатировать комплексивную сущность государственного суверенитета, политическую и экономическую обусловленность юридического определения данной категории, признав его проявление в различных сферах общественных отношений,

в том числе финансовой, выделив так называемый финансовый суверенитет государства. В современных условиях оптимальный путь формирования правовой трактовки финансового суверенитета видится в консолидации позиций и подходов представителей различных правовых отраслей, объединении их усилий и достижений в рамках межотраслевого правового образования с целью решения утилитарных проблем и задач правовой действительности.

Как основу научной дискуссии и повод для законодательного развития можно выделить гипотезу о признании финансового суверенитета государства как определенного социального феномена, имеющего комплексивное, сложное содержание (в частности, политическую, экономическую и правовую интерпретацию). Как правовое явление финансовый суверенитет государства можно признать в качестве полисемичной категории, рассматриваемой как характеристика правового статуса, особое свойство такого субъекта, как государство, как предмет правового регулирования и как комплексный институт права, объединяющий нормы различных отраслей права, включая финансовое. Одно из направлений развития финансово-правовой доктрины и нормотворчества — структурирование и легализация предметной основы финансового суверенитета как сферы общественных отношений его проявления, формирующих финансовую систему государства, и содержательной составляющей в форме каталога суверенных прав и обязанностей государства в финансовой сфере с использованием теории позитивного обязывания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев Н. Ю. О трех аспектах налогового суверенитета // Финансовое право. — 2016. — № 9. — С. 16–18.
2. Бюджетное право : учебник / под ред. И. А. Цинделиани. — М. : Проспект, 2018. — 400 с.
3. Виноградова Е. В. Проекция когнитивных технологий трансформации на суверенную российскую государственность // Государство и право. — 2024. — № 7. — С. 40–49.

²⁸ Еллинек Г. Право современного государства. общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 320.

²⁹ Кузьмин Э. Л. О государственном суверенитете в современном мире // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 84–94.

4. Горюнов В. В. Суверенитет и демократия — основополагающие принципы конституционного строя России // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении : сборник статей и материалов. — М., 2007. — С. 185.
5. Данилевская-Урбанова И. Л. О взглядах советских правоведов на юридическую природу суверенитета // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 2. — С. 105–107.
6. Еллинек Г. Право современного государства. общее учение о государстве. — СПб., 1908. — 599 с.
7. Запольский С. В., Васянина Е. Л. Правовые основы цифровизации финансового контроля в России // Российский юридический журнал. — 2022. — № 4. — С. 99–109.
8. Ильин И. М. Федеративная композиция российского бюджетно-финансового суверенитета в контексте конституционно-правовых последствий пандемии COVID-19 и принимаемых нормативных актов // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 3. — С. 44–46.
9. Крус В. И. Криптовалюты и майнинг как формы неконституционного правопользования // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 4. — С. 11–20.
10. Кузьмин Э. Л. О государственном суверенитете в современном мире // Журнал российского права. — 2006. — № 3. — С. 84–94.
11. Кучеров И. И. Право денежной эмиссии и его реализация // Финансовое право. — 2015. — № 3. — С. 3–8.
12. Ровинский Е. А. Основные вопросы теории советского финансового права. — М., 1960.
13. Садчиков М. Н. Понятие налогового суверенитета // Налоги. — 2016. — № 1. — С. 16–18.
14. Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта // Политэкс. — 2010. — Т. 6. — № 4. — С. 5–21.
15. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. — М. : Норма, 2019. — 800 с.
16. Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. — М. : Проспект, 2020. — 624 с.
17. Финансовое право : учебник / отв. ред. И. В. Рукавишников. — М. : Норма, 2021. — 648 с.
18. Финансовое право : учебник / под ред. К. С. Бельского, С. С. Тропской. — М. : Проспект, 2022. — 536 с.
19. Хаванова И. А. Фискальный (налоговый) суверенитет и его границы в интеграционных образованиях // Журнал российского права. — 2013. — № 11. — С. 41–51.
20. Худяков А. И. Основы теории финансового права. — Алматы, 1995. — 284 с.
21. Цыпкин С. Д. Финансово-правовые институты, их роль в совершенствовании финансовой деятельности советского государства // Избранные труды по финансовому праву. — М. : Статут, 2021. — 354 с.
22. Чмут Г. А. Финансовый суверенитет как одна из стратегических задач России на современном этапе // Вестник университета. — 2024. — № 1. — С. 160–165.
23. Шумилов В. М., Лившиц И. М. Международное финансовое право : учебник. — М. : Юстиция, 2018. — 302 с.

Материал поступил в редакцию 21 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreev N. Yu. O trekh aspektakh nalogovogo suvereniteta // Finansovoe pravo. — 2016. — № 9. — S. 16–18.
2. Byudzhetnoe pravo: uchebnik / pod red. I. A. Tsindeliani — M.: Prospekt, 2018. — 400 s.
3. Vinogradova E. V. Proektsiya kognitivnykh tekhnologiy transformatsii na suverennuyu rossiyskuyu gosudarstvennost // Gosudarstvo i pravo. — 2024. — № 7. — S. 40–49.
4. Goryunov V. V. Suverenitet i demokratiya — osnovopolagayushchie printsipy konstitutsionnogo stroya Rossii // Suverennaya demokratiya v konstitutsionno-pravovom izmerenii: sbornik statey i materialov. — M., 2007. — S. 185.
5. Danilevskaya-Urbanova I. L. O vzglyadakh sovetskikh pravovedov na yuridicheskuyu prirodu suvereniteta // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2024. — № 2. — S. 105–107.

6. Ellinek G. Pravo sovremennogo gosudarstva. obshchee uchenie o gosudarstve. — SPb., 1908. — 599 s.
7. Zapol'skiy S. V., Vasyanina E. L. Pravovye osnovy tsifrovizatsii finansovogo kontrolya v Rossii // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2022. — № 4. — S. 99–109.
8. Ilin I. M. Federativnaya kompozitsiya rossiyskogo byudzhethno-finansovogo suvereniteta v kontekste konstitutsionno-pravovykh posledstviy pandemii COVID-19 i prinimaemykh normativnykh aktov // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 3. — S. 44–46.
9. Krus V. I. Kriptovalyuty i mayning kak formy nekonstitutsionnogo pravopolzovaniya // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 4. — S. 11–20.
10. Kuzmin E. L. O gosudarstvennom suverenitete v sovremennom mire // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2006. — № 3. — S. 84–94.
11. Kucherov I. I. Pravo denezhnoy emissii i ego realizatsiya // Finansovoe pravo. — 2015. — № 3. — S. 3–8.
12. Rovinskiy E. A. Osnovnye voprosy teorii sovetskogo finansovogo prava. — M., 1960.
13. Sadchikov M. N. Ponyatie nalogovogo suvereniteta // Nalogi. — 2016. — № 1. — S. 16–18.
14. Sergunin A. A. Suverenitet: evolyutsiya kontsepta // Politeks. — 2010. — T. 6. — № 4. — S. 5–21.
15. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. N. I. Khimicheva, E. V. Pokachalova. — M.: Norma, 2019. — 800 s.
16. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. E. Yu. Gracheva, O. V. Boltinova. — M.: Prospekt, 2020. — 624 s.
17. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. I. V. Rukavishnikova. — M.: Norma, 2021. — 648 s.
18. Finansovoe pravo: uchebnik / pod red. K. S. Belskogo, S. S. Tropskoy. — M.: Prospekt, 2022. — 536 s.
19. Khavanova I. A. Fiskalnyy (nalogovyy) suverenitet i ego granitsy v integratsionnykh obrazovaniyakh // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2013. — № 11. — S. 41–51.
20. Khudyakov A. I. Osnovy teorii finansovogo prava. — Almaty, 1995. — 284 s.
21. Tsyarkin S. D. Finansovo-pravovye instituty, ikh rol v sovershenstvovanii finansovoy deyatel'nosti sovetskogo gosudarstva // Izbrannyye trudy po finansovomu pravu. — M.: Statut, 2021. — 354 s.
22. Chmut G. A. Finansovyy suverenitet kak odna iz strategicheskikh zadach Rossii na sovremennom etape // Vestnik Universiteta. — 2024. — № 1. — S. 160–165.
23. Shumilov V. M., Livshits I. M. Mezhdunarodnoe finansovoe pravo: uchebnik. — M.: Yustitsiya, 2018. — 302 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.033-041

А. А. Ситник*

Использование криптовалют в трансграничных расчетах: проблемы и перспективы правового регулирования

Аннотация. Статья посвящена исследованию перспектив использования криптовалют (цифровых валют) в рамках внешнеэкономической деятельности, а также анализу основных правовых проблем в данной сфере. В настоящее время применение цифровых валют в трансграничных расчетах является одним из наиболее эффективных инструментов противодействия экономическим санкциям недружественных государств. Именно в этих целях в Российской Федерации реализуется проект экспериментального правового режима для сделок с криптовалютой. Вместе с тем установлено, что трансграничные расчеты в криптовалютах практиковались и до начала проведения эксперимента, во многом вопреки установленному запрету на прием цифровых валют в качестве встречного предоставления. Определено, что государство должно обеспечить одновременную реализацию двух не противоречащих друг другу публичных интересов, связанных с обеспечением законности и противодействием экономическим санкциям, посредством внесения изменений в законодательство, направленных на установление ответственности за нарушение обозначенного выше запрета. Выявлены терминологические неточности законодательства о цифровых валютах, не позволяющие включить в объем понятия «цифровая валюта» стейблкоины, имеющие централизованного эмитента, которые стали основным инструментом трансграничных расчетов. Констатируется обоснованность проведения эксперимента по внедрению цифровых валют в трансграничные расчеты в закрытом режиме.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровая валюта; стейблкоины; трансграничные расчеты; внешнеэкономическая деятельность; экспериментальный правовой режим; валютное регулирование; экономические санкции; противодействие экономическим санкциям; финансовое право.

Для цитирования: Ситник А. А. Использование криптовалют в трансграничных расчетах: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 33–41. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.033-041.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

© Ситник А. А., 2025

* Ситник Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993 aasitnik@msal.ru

The Use of Cryptocurrencies in Cross-Border Transactions: Issues and Prospects for Legal Regulation

Alexander A. Sitnik, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
aasitnik@msal.ru

Abstract. The paper explores the prospects for utilizing cryptocurrencies (digital currencies) within the context of foreign economic activity and analyzes the key legal challenges in this area. Currently, the use of digital currencies in cross-border transactions stands out as one of the most effective mechanisms for countering economic sanctions imposed by unfriendly states. In pursuit of these objectives, the Russian Federation has implemented an experimental legal framework for transactions involving cryptocurrencies. Furthermore, it has been established that cross-border settlements in cryptocurrencies were practiced prior to the initiation of this experimental regime, often in defiance of the existing prohibition on accepting digital currencies as consideration. It has been established that the state must ensure the simultaneous implementation of two public interests, which do not contradict each other: upholding legality and countering economic sanctions. This objective is to be achieved through amendments to legislation that introduce liability for violations of the aforementioned prohibition. Terminological inaccuracies within the digital currency legislation have been identified, specifically the inability to incorporate *stablecoins* with centralized issuers—which have become the primary instrument for cross-border settlements—into the legal concept of “digital currency.” The author substantiated the rationale for conducting a controlled experiment on the use of digital currencies in cross-border settlements.

Keywords: cryptocurrency; digital currency; stablecoins; cross-border settlements; foreign economic activity; experimental legal regime; foreign exchange regulation; economic sanctions; counteraction to economic sanctions; financial law.

Cite as: Sitnik AA. The Use of Cryptocurrencies in Cross-Border Transactions: Issues and Prospects for Legal Regulation. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2025;20(8):33-41. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.033-041.

Acknowledgments. The article has been prepared within the framework of the state-assigned research project titled “The Russian Legal System in the Context of the Digital Transformation of Society and the State: Adaptation and Prospects for Responding to Contemporary Challenges and Threats (FSMW-2023-0006).”

Registration number in the Unified State Information System for Recording Research, Development, and Technological Works: 124012000079-6.

Введенные после начала проведения специальной военной операции экономические санкции недружественных государств и международных организаций были направлены, помимо всего прочего, на изолирование России в международном платёжном пространстве и усложнение проведения трансграничных расчетов, в том числе в рамках внешнеэкономической деятельности. Напомним, что в этих целях ряд российских банков был отключен от международной системы передачи финансовых сообщений SWIFT, а некоторые кредитные организации включены в американский перечень лиц, особо определенных с учетом их на-

циональной принадлежности, и лиц, на имущество которых наложен арест (SDN, Specially Designated Nationals and Blocked Persons List). Кроме того, введены запреты на поставку на территорию нашей страны наличных долларов и евро, проведение платежей в долларах США, связанных с выплатами со счетов российского правительства в финансовых учреждениях США, предоставление заемных средств российским лицам и т.д. Эти и многие другие санкции привели к тому, что зарубежные поставщики платёжных услуг существенным образом ограничили, а в некоторых случаях и полностью отказались от работы с российскими гражданами и организа-

циями. Сказанное касается не только кредитных и иных финансовых учреждений недружественных стран, но и финансовых организаций государств, прямо не вводивших санкции в отношении России и ее лиц, что обусловлено угрозой применения к ним вторичных санкций.

В целях преодоления негативных последствий соответствующих ограничительных мер российские субъекты внешнеэкономической деятельности были вынуждены трансформировать свои бизнес-модели, в частности посредством применения новых подходов к осуществлению расчетов (при открытой, а иногда и негласной поддержке государства), что продиктовано переходом к неденежным (в первую очередь бартерным) расчетам; использованием валют, отличных от доллара и евро; проведением расчетов через фирмы-«прокладки», открытые на территории стран, не затронутых экономическими санкциями; применением различных логистических схем, связанных с реэкспортом, фиктивным транзитом и т.д.¹ Одним из наиболее эффективных способов обхода экономических санкций стало использование криптовалют во внешнеэкономических операциях. И хотя на сегодняшний день российское законодательство практически никак не регулирует данный вопрос, а часть 5 ст. 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² прямо запрещает российским резидентам³ принимать цифровые валюты в качестве встречного предоставления

за передаваемые ими (им) товары, работы и услуги, публикации в зарубежных средствах массовой информации свидетельствуют о том, что криптовалюты успешно применяются для обхода экономических санкций⁴. Вместе с тем использование указанных активов в рамках внешнеэкономических сделок сопряжено с рядом сложностей, порождаемых в том числе законодательными пробелами и неточностями.

Следует отметить, что в марте 2024 г. Закон № 259-ФЗ и Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»⁵ были дополнены нормами, на основании которых субъекты внешнеэкономических отношений приобрели возможности использовать в своих расчетах цифровые права, прежде всего цифровые финансовые активы (далее также — ЦФА) и гибридные цифровые права (сочетающие особенности ЦФА и утилитарных цифровых прав). Указанные цифровые права признаны объектом валютного регулирования и валютного контроля, а в отношении ЦФА сделано исключение из общего правила, закрепленного в ч. 10 ст. 4 Закона № 259-ФЗ: теперь их допустимо использовать в качестве встречного предоставления по внешнеторговым договорам (контрактам), заключенным между резидентами и нерезидентами⁶. В то же время еще до момента принятия соответствующие нормы обоснованно получили скептическую оценку со стороны представителей как бизнес-сообщества, так и представителей науки. Российские ЦФА могут эмитироваться только особыми субъектами — операторами инфор-

¹ Голубчик А. М., Пак Е. В. Логистические схемы обхода санкционного режима стран Запада в отношении России // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 5. С. 63–68.

² СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

³ Имеются в виду юридические лица, личным законом которых является российское право, филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории РФ, физические лица, фактически находящиеся в РФ не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев.

⁴ Reuters узнал об использовании Россией криптовалюты в торговле нефтью с КНР и Индией // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/532733-reuters-uznal-ob-ispolz-zovanii-Rossiej-kriptoaluty-v-torgovle-neft-u-s-kr-i-indiej> (дата обращения: 01.06.2025).

⁵ СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

⁶ Ч. 11 ст. 4 Закона № 259-ФЗ.

мационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, зарегистрированными Банком России. Таким образом, в силу своей специфики ЦФА в том виде, в котором они существуют в нашей стране, просто не могут быть интересны в качестве встречного предоставления для зарубежных контрагентов, поскольку в итоге они столкнутся с проблемой вывода денежных средств из России.

Как представляется, во многом из-за этого в августе того же года в названные законы были внесены изменения, предоставляющие Банку России право устанавливать экспериментальный правовой режим для сделок с криптовалютами (далее также — ЭПР). Хотя по общему правилу цифровые валюты не являются объектом валютного регулирования и контроля, тем не менее часть 3 ст. 2 Закона № 173-ФЗ предоставила возможность менять или не применять в рамках ЭПР отдельные положения названного нормативного правового акта, в частности связанные с понятиями «валютные ценности» и «валютные операции», осуществлением операций с цифровыми валютами, в том числе использованием цифровой валюты в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам (контрактам), заключенным между резидентами и нерезидентами, правами и обязанностями указанных субъектов и т.д. В марте 2025 г. Банк России опубликовал информацию о направленном в Правительство РФ проекте предложений по введению соответствующего режима. Согласно имеющейся в открытом доступе информации, осуществлять сделки с криптовалютой смогут финансовые организации, в отношении которых будут введены дополнительные требования, и суперквалифицированные инвесторы⁷.

Экспериментальный правовой режим для сделок с криптовалютой в настоящее время реализуется в закрытом формате. С одной стороны, это объективно обусловлено необходимостью защиты участников ЭПР от санкций недружественных государств. Очевидно, что введение

дополнительных ограничительных мер (экономических санкций) в отношении российских лиц негативным образом повлияет как на ход проведения эксперимента, так и на его результаты. Эксперимент преимущественно и проводится для того, чтобы нивелировать негативные последствия уже введенных ограничений. В связи с этим закрытый характер ЭПР является в полной мере оправданным. Однако непрозрачность эксперимента не позволяет оценить правовые решения, предлагаемые Банком России, что подспудно вызывает недоверие к деятельности регулятора. Можно услышать и мнение о формировании элитного закрытого клуба, участники которого обладают более широкими правами в сравнении с другими субъектами внешнеэкономической деятельности. И всё же различие правового статуса участников ЭПР прямо предопределяется целями и сутью ЭПР: он вводится для ограниченного круга лиц, что позволяет более оперативно вносить изменения в процессе пилотирования. Как бы то ни было, очевидно, что, несмотря на наличие повышенного интереса со стороны как общественности, так и профессиональных участников внешнеэкономической деятельности, эксперимент не может распространяться на всех желающих, а текущая геополитическая ситуация диктует необходимость его реализации в закрытом режиме.

При этом Банк России справедливо отмечает отсутствие ответственности за нарушение положений ч. 5 ст. 14 Закона № 259-ФЗ⁸. Действительно, на сегодняшний день законодательство об административных правонарушениях и уголовное законодательство не содержат норм, предусматривающих санкции за принятие криптовалют в качестве встречного предоставления. Потенциально при выявлении подобных фактов могут быть применены положения гражданского законодательства о недействительности сделок. Но невозможность применения мер ответственности существенным образом снижает эффективность ч. 5 ст. 14 Закона № 259-ФЗ.

⁷ Новый экспериментальный режим для сделок с криптовалютами // URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=23448> (дата обращения: 01.06.2025).

⁸ Новый экспериментальный режим для сделок с криптовалютами.

Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Несмотря на наличие запрета, установленного частью 5 ст. 14 Закона № 259-ФЗ, как уже отмечалось, на сегодняшний день имеются факты использования криптовалют в рамках внешнеэкономической деятельности российских лиц. Получается, что уполномоченные органы государственной власти должны в судебном порядке требовать признания всех уже проведенных сделок недействительными. В противном случае с формальной точки зрения выходит, что они потворствуют нарушению действующего законодательства. В таких рассуждениях можно пойти еще дальше: допустимо констатировать, что если одни сделки будут признаваться недействительными, а в отношении других соответствующие последствия не будут применяться, то это будет вести к нарушению основополагающего принципа равенства субъектов права. Между тем очевидно, что текущие жизненные обстоятельства диктуют необходимость проявить некоторую гибкость.

В рассматриваемой ситуации государство должно обеспечить, с одной стороны, законность, связанную с соблюдением установленных правовых норм, с другой — защиту прав и законных интересов российских лиц, нарушенных противоправными экономическими санкциями недружественных государств (посредством способствования обхода данных ограничительных мер), удовлетворение частных и публичных потребностей в зарубежных товарах, работах и услугах, защиту налоговых доходов бюджета от обложения соответствующих операций и т.д. Но преследуемые в рамках правового регулирования обращения криптовалюты публичные интересы (обеспечение законности и противодействие экономическим санкциям) не являются взаимоисключающими и могут быть гармонизи-

рованы посредством внесения изменений и дополнений в действующее законодательство. Поэтому следует поддержать предложение Банка России о введении ответственности за нарушение запрета, установленного частью 5 ст. 14 Закона № 259-ФЗ, лицами, не являющимися участниками ЭПР, — это будет способствовать повышению определенности правового регулирования в сфере обращения цифровых валют. Добавим, что параллельно с этим необходимо предусмотреть амнистию для уже совершенных внешнеторговых сделок с криптовалютой, в случае если они были направлены на реальную поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, а не проводились для прикрытия вывода капитала за рубеж или иного нарушения действующего российского законодательства.

Одна из наиболее существенных правовых проблем применения криптовалют в рамках внешнеэкономической деятельности заключается в отсутствии унифицированных подходов к регулированию указанных активов в глобальном масштабе. Безусловно, во многом это связано с тем, что на сегодняшний день еще не закончен первоначальный этап изучения криптовалют как объекта правового регулирования. Как международные, так и большинство национальных регуляторов занимают сдержанную позицию по вопросу допуска названных активов в широкий оборот. Одновременно с этим в разных странах применяются отличные друг от друга модели правового регулирования обращения криптовалют — от наиболее либеральных до полного запрета. Следует отметить и запутанность терминологии в рассматриваемой области: в различных источниках используются такие термины, как «цифровая валюта»⁹, «криптовалюта»¹⁰, «виртуальные активы»¹¹, «цифровые активы»¹² и т.д. Всё это рождает проблему соотнесения

⁹ См., например: Digital currencies (Committee on Payments and Market Infrastructures, November 2015) // URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d137.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁰ См., например: What Are Cryptocurrencies? // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2018/06/what-are-cryptocurrencies-like-bitcoin-basics> (дата обращения: 01.06.2025).

¹¹ См., например: Virtual Assets and Anti-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2021/10/14/Virtual-Assets-and-Anti-Money-Laundering-and-Combating-the-Financing-of-Terrorism-1-463654> (дата обращения: 01.06.2025) ; Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers // URL: <https://www.>

указанных понятий. В трансграничных сделках участвуют субъекты из разных юрисдикций, которые, помимо всего прочего, должны обеспечить соответствие проводимых ими операций национальному законодательству.

Применительно к Российской Федерации проблема усугубляется оригинальностью отечественного терминологического аппарата. В первую очередь это касается такого основополагающего понятия, как «цифровая валюта», которое, по сути, используется как синоним «криптовалют». Легальная формулировка в большей степени отвечает модели традиционных криптовалют, в частности биткойна, как децентрализованного актива, формально не включая в свой объем криптовалюты, у которых имеется централизованный эмитент («лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных»). Это относится к ряду стейблкоинов — криптовалют, курс которых привязан к другому активу, — фиатной валюте, товарам (например, золоту, другим драгоценным металлам, природным ресурсам и т.д.), финансовым инструментам, иным криптовалютам, а также алгоритмам. Централизованный эмитент имеется у таких стейблкоинов, как USDT (Tether Limited), USDC (Circle), BUSD (Binance в партнерстве с Paxos) и т.д. Кроме того, существуют криптовалюты, не относящиеся к стейблкоинам, выпуск которых всё же контролируется конкретным лицом (в качестве примера можно привести XRP — выпуск токенов контролируется Ripple Labs).

Приведенная проблема важна хотя бы потому, что, как показывает практика, внешнеторго-

вые расчеты чаще всего производятся именно в стейблкоинах, в первую очередь в USDT. Получается, что формально они не подпадают под определение цифровой валюты. Подобный вывод решает вышеупомянутую проблему применения ч. 5 ст. 14 Закона № 259-ФЗ: получается, что она не распространяется на расчеты в стейблкоинах, у которых имеется централизованный эмитент. Вместе с тем можно привести примеры судебной практики, в рамках которой суды или прямо называют стейблкоины (конкретно USDT) цифровой валютой¹³, или же применяют в соответствующих спорах положения Закона № 259-ФЗ¹⁴. Можно возразить, что суды не всегда углубляются в теоретические аспекты терминологического аппарата в сфере обращения криптовалют (об этом свидетельствуют примеры судебных решений, в которых смешиваются такие понятия, как «цифровая валюта», «криптовалюта» и «виртуальная валюта»¹⁵). Но было бы также необоснованным ожидать от судов низшего и среднего звена готовности сформировать практику, исключаящую стейблкоины из состава цифровых валют, в условиях неоднозначности правового регулирования (с учетом того, что соответствующая трактовка может быть не подтверждена последующим решением вышестоящего судебного органа). В данном случае как минимум необходимы разъяснения со стороны Верховного Суда РФ. Однако со всей очевидностью можно констатировать, что основная проблема заключается в некорректной формулировке легального определения цифровой валюты (и, добавим, неудачности самого термина).

fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html (дата обращения: 01.06.2025).

¹² См., например: Digital assets // URL: <https://www.irs.gov/filing/digital-assets> (дата обращения: 01.06.2025); ASAP: A Conceptual Model for Digital Asset Platforms // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/02/02/ASAP-A-Conceptual-Model-for-Digital-Asset-Platforms-544387> (дата обращения: 01.06.2025).

¹³ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2024 по делу № 88-23350/2024 (УИД 77RS0023-02-2023-014575-46) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.08.2024 № 88-16990/2024 (УИД 60RS0008-01-2023-000356-32); определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.04.2025 № 88-5502/2025 (УИД 66RS0050-01-2024-000112-53) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2025 по делу № 88-9050/2025 (УИД 30RS0002-01-2022-008484-77) // СПС «КонсультантПлюс».

Значительное препятствие для внедрения криптовалют в расчеты в рамках внешнеэкономической деятельности — отсутствие национальной инфраструктуры и правовых основ ее функционирования. У российских лиц есть не так много способов получить криптовалюту, не выходя на зарубежные рынки: майнинг или покупка у российских организаций или физических лиц, которые уже обладают цифровой валютой. Самостоятельное осуществление майнинга сопряжено со значительными издержками, связанными с приобретением необходимого оборудования, его размещением, обслуживанием и т.д., которые субъекты внешнеэкономической деятельности не всегда готовы нести: для них в большинстве случаев криптовалюта является чисто утилитарным инструментом, необходимым для проведения расчетов. Приобретение криптовалюты у других российских лиц, в свою очередь, сопряжено с рисками в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Покупатель, кроме того, не может быть уверен, что оборудование, на котором осуществлялся майнинг криптовалюты, было ввезено в полном соответствии с таможенным законодательством.

Приобретение криптовалюты на иностранных торговых площадках (в том числе биржах) связано с транзакционными издержками по переводу денежных средств в иностранные юрисдикции, а также сопутствующей этому необходимостью соблюдения требований валютного законодательства и законодательства в сфере ПОД/ФТ. Аналогичные проблемы возникают и в обратном направлении — при конвертации криптовалют в фиат и их зачислении на счета в финансовых организациях на территории России.

Предоставление российским импортерам и экспортерам возможности приобретать и продавать криптовалюту на отечественной площадке значительным образом снизило бы сопутствующие расходы и упростило процесс перехода прав на криптовалюту. При этом организация торгов-

ли криптовалютами в рамках уже существующих в России бирж (в частности, Московской биржи) или создание новых торговых площадок чисто технически не является исключительно сложным проектом. В то же время, как было отмечено начальником Межрегиональной инспекции по крупнейшим налогоплательщикам № 7 ФНС России А. С. Катяевым в рамках секции «Модификация налоговой системы России 2025» Московского инновационного юридического форума (25 марта 2025 г.), основная причина отказа от организации российской криптовалютной биржи была связана с рисками применения экономических санкций со стороны недружественных государств: криптовалюты, прошедшие через российскую биржу, могут быть достаточно легко отслежены, маркированы и в последующем блокированы. Кроме того, полученная в результате анализа транзакций информация может способствовать идентификации иностранных контрагентов и применению к ним вторичных санкций. В апреле 2025 г. Министр финансов РФ заявил о том, что вверенное ему ведомство совместно с Банком России запустят криптобиржу для суперквалифицированных инвесторов¹⁶. Таким образом, в рамках ЭПР также будут апробированы механизмы функционирования криптобирж.

Криптовалюта, даже если речь идет о стейблкоинах, привязанных к фиатной валюте, не является деньгами в строгом смысле этого слова. В связи с этим появляется ряд проблем при оформлении документов по внешнеэкономической сделке и отчетности по ней. Так, например, во внешнеторговом контракте представляется целесообразным в качестве валюты долга (валюты, в которой выражено обязательство) указывать фиатную валюту, а валюты платежа — непосредственно криптовалюту. В справке о подтверждающих документах¹⁷ нужно указывать, что контракт был исполнен способом, отличным от расчетов в денежных средствах.

В соответствии с Классификатором признаков, указывающих на необычный характер

¹⁶ Минфин и ЦБ запустят криптобиржу для суперквалифицированных инвесторов // URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/6808fd559a79472921dc2e7e?from=copy> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁷ Инструкция Банка России от 16.08.2017 № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении

операции (сделки), утвержденным положением Банка России от 02.03.2012 № 375-П¹⁸, проведение любых операций, связанных с оборотом цифровой валюты (код 1190), относится к признакам, свидетельствующим о возможном осуществлении легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма. Следовательно, кредитная организация по умолчанию рассматривает соответствующие операции как подозрительные и при возникновении малейших вопросов может отказать в их проведении.

Подводя итог, отметим, что практическому использованию криптовалют в рамках внешнеэкономической деятельности в настоящее время препятствует целый ряд внутренних и внешних факторов как правового, так и неправового характера. Стоит признать, что правовое регулирование обращения криптовалют в России в целом характеризуется неясностью, обрывочностью и значительными пробелами.

Несмотря на наличие прямого запрета для российских резидентов принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления по любым, в том числе внешнеэкономическим, контрактам за передаваемые (оказываемые, выполняемые) ими (им) товары (услуги, работы), тем не менее практика свидетельствует о том, что уполномоченные органы в ряде случаев, в частности для обхода экономических санкций недружественных государств, допускают отступление от данной нормы. При этом соответствующий запрет не подкрепляется мерами ответственности за его нарушение. Таким образом, строгость запрета на прием в качестве встречного предоставления криптовалюты нивелируется необязательностью его исполнения.

Понятия, используемые в российском законодательстве о цифровых валютах, не только

сложносоотносимы с терминологией, принятой в рамках международного оборота, но непонятны даже для российских лиц: стейблкоины, имеющие централизованного эмитента, в строгом смысле не подпадают под легальное определение цифровой валюты. Но на практике этот термин воспринимается некритично, в связи с чем он используется фактически как равнозначный понятию «криптовалюта».

Сам по себе термин «цифровая валюта» неудачный. Так, например, цифровой рубль в международной терминологии является цифровой валютой центрального банка (CBDC). Логично было бы предположить, что цифровая валюта должна быть более общим понятием, включающим в себя CBDC. Между тем, согласно отечественному законодательству, это разные объекты правового регулирования, существующие параллельно и не соотносимые как часть и целое.

Можно вспомнить и тот факт, что определения, закрепленные в ч. 1 и 3 ст. 14 Закона № 259-ФЗ («организация выпуска в Российской Федерации цифровой валюты», «организацией обращения в Российской Федерации цифровой валюты»), более нигде по тексту Закона не используются, а содержащееся в ч. 2 той же статьи понятие «выпуск цифровой валюты в Российской Федерации» не соотносится с содержанием дополнивших в августе 2024 г. рассматриваемый Закон положений, регламентирующих майнинговую деятельность¹⁹.

Сказанное влечет за собой возникновение ситуации правового хаоса, когда субъекты права не понимают, как точно применять имеющиеся нормы на практике. Поэтому уже сейчас, безотносительно к рассматриваемым в рамках статьи вопросам трансграничных расчетов, требуется корректировка законодательства о цифровых валютах, связанная с изменением терминологи-

валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» // Вестник Банка России. 2017. 16 ноября. № 96-97.

¹⁸ Положение Банка России от 02.03.2012 № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Вестник Банка России. 2012. 18 апреля. № 20.

¹⁹ Так, на основании ч. 2 ст. 14 Закона № 259-ФЗ под выпуском цифровой валюты в Российской Федерации понимаются действия с использованием объектов российской информационной инфраструктуры и (или) пользовательского оборудования, размещенного на территории РФ, направленные на предоставление

ческого аппарата, дифференциацией криптовалют, более детальной регламентацией прав, обязанностей и ответственности участников таких отношений. Вместе с тем следует предположить, что подобная ситуация сохранится как минимум до подведения итогов ЭПР.

Наиболее сильным внешним фактором, влияющим на описываемые в статье процессы, выступают экономические санкции, поставившие Российскую Федерацию в положение, когда она была вынуждена, пусть и ограниченно, разрешить использовать криптовалюты при проведении внешнеэкономических операций. В рамках нормальных условий ведения хозяйственной деятельности криптовалюты несут существенные риски, связанные с легализацией преступных доходов, выводом капитала за рубеж, размыванием налоговой базы и т.д. С учетом того что в ординарной ситуации в распоряжении участников внешнеэкономической деятельности имеются более простые, удобные и прозрачные способы трансграничного перевода денежных средств, государство вполне обоснованно стремится ограничить расчеты в криптовалютах. В текущих же обстоятельствах противодействие экономическим санкциям становится одним из важнейших публичных интересов, что требует перехода к более гибким и вариативным моде-

лям правового регулирования широкого спектра общественных отношений (в том числе и в сфере обращения цифровых валют). Важно, однако, понимать, что использование криптовалют в трансграничных расчетах не панацея и государству, как и субъектам внешнеэкономической деятельности, необходимо продолжать уделять повышенное внимание санкционному риск-менеджменту.

Несмотря на все перечисленные выше недостатки, нужно признать обоснованность постепенной легализации криптовалют — это позволяет вырабатывать правовые решения, направленные на минимизацию возможных негативных последствий. Равным образом оправданным с точки зрения защиты прав и законных интересов участников внешнеэкономической деятельности является закрытый характер ЭПР. В то же время выразим надежду на то, что основные итоги эксперимента будут отражены в докладе для общественных консультаций, а при принятии решения о возможности масштабирования результатов ЭПР и корректировке механизма правового регулирования обращения криптовалют будет учтена обратная связь профессиональных участников внешнеэкономической деятельности, практикующих юристов и научного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Голубчик А. М., Пак Е. В. Логистические схемы обхода санкционного режима стран Запада в отношении России // Российский внешнеэкономический вестник. — 2023. — № 5. — С. 63–68.

Материал поступил в редакцию 1 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Golubchik A. M., Pak E. V. Logisticheskie skhemy obkhoda sanktsionnogo rezhima stran Zapada v otnoshenii Rossii // Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik. — 2023. — № 5. — S. 63–68.

возможностей использования цифровой валюты третьими лицами. В то же время согласно ч. 10 ст. 14.2 данного Закона лицо, осуществляющее майнинг цифровой валюты (в том числе участник майнинг-пула), обязано предоставить информацию о получении цифровой валюты в случае выпуска (получения) цифровой валюты в результате майнинга цифровой валюты. Таким образом, в последнем случае ведется речь о выпуске (получении) цифровой валюты для себя, а не для «предоставления возможностей использования цифровой валюты третьими лицами».

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.042-049

М. В. Алексеева*,
И. А. Подройкина**

Особенности правового регулирования ограничений доступа к информации, запрещенной для распространения в Российской Федерации федеральным законодательством

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Особое внимание уделяется совершенствованию правовых и организационных механизмов, направленных на ограничение распространения запрещенной информации и формирование безопасного информационного пространства знаний. Отмечается, что за последние годы в России достигнут значительный прогресс в области информационной политики, однако остаются неурегулированными вопросы, касающиеся терминологического аппарата, недостаточной устойчивости правового регулирования и гармонизации национального законодательства с международными нормами. В рамках рекомендаций подчеркивается необходимость проведения комплексного мониторинга законодательства, разработки юридически согласованных дефиниций, создания нормативной базы для профилактики информационных угроз, укрепления механизмов публично-правовой ответственности, обеспечения устойчивости национального законодательства в условиях глобального информационного противоборства, совершенствования способов международного сотрудничества, развития правового сопровождения контроля за социальными сетями и цифровыми платформами, создания новых регуляторов и мониторинговых структур, пересмотра акцентов государственной политики в сфере информационной безопасности.

© Алексеева М. В., Подройкина И. А., 2025

* *Алексеева Марина Владимировна*, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии
Буденновский просп., д. 20, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 344002
alekseeva80@yandex.ru

** *Подройкина Инна Андреевна*, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, профессор кафедры публичного и уголовного права Сургутского государственного университета
Буденновский просп., д. 20, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 344002
919820@mail.ru

Ключевые слова: информационная безопасность; информация; информационное пространство; недостоверная информация; деструктивное влияние; национальная безопасность; позитивный контент; государственная политика; информационные угрозы; блокировка.

Для цитирования: Алексеева М. В., Подройкина И. А. Особенности правового регулирования ограничений доступа к информации, запрещенной для распространения в Российской Федерации федеральным законодательством // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 42–49. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.042-049.

Peculiarities of the Legal Regulation of Access Restrictions to Information Prohibited from Distribution under Federal Legislation in the Russian Federation

Marina V. Alekseeva, Cand. Sci. (Law), Head of the Department of the Theory and History of the State and Law, Don State Technical University; Associate Professor, Department of State Law Disciplines, Rostov Branch, Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation
alekseeva80@yandex.ru

Inna A. Podroykina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Rostov Branch, Russian Customs Academy; Professor, Department of Public and Criminal Law, Surgut State University, Rostov-on-Don, Russian Federation
919820@mail.ru

Abstract. The paper examines the key aspects of ensuring the information security of the Russian Federation. Particular attention is devoted to improving legal and organizational mechanisms aimed at restricting the dissemination of prohibited information and shaping a secure knowledge-based information environment. The author highlights that, in recent years, substantial progress has been achieved in the field of information policy in Russia. However, unresolved issues remain, including inconsistencies in terminology, instable and unsettled legal regulation, and the lack of alignment between national legislation and international standards. The proposed recommendations emphasize the necessity of conducting comprehensive legislative monitoring, developing legally consistent definitions, establishing a normative framework for the prevention of information threats, strengthening mechanisms of public-law accountability, ensuring the resilience of national legislation under conditions of global information confrontation, enhancing international cooperation mechanisms, improving legal support for oversight of social networks and digital platforms, creating new regulatory and monitoring bodies, and reconsidering the priorities of state policy in the domain of information security.

Keywords: information security; information; information space; unreliable information; destructive influence; national security; positive content; state policy; information threats; blocking.

Cite as: Alekseeva MV, Podroykina IA. Peculiarities of the Legal Regulation of Access Restrictions to Information Prohibited from Distribution under Federal Legislation in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2025;20(8):42-49. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.042-049.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹ определяет необходимость совершенствования механизмов ограничения

доступа к информации, запрещенной для распространения на территории страны, а также ее удаления. В частности, ее подпункт «п» п. 26 ставит задачу повышения результативности

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

правового и организационного воздействия на общественные отношения, формирующие информационное пространство знаний.

Механизм ограничения доступа к определенным видам информации — важный элемент системы правового регулирования, обеспечивающий условия для формирования благоприятного информационного пространства на основе качественного правового оформления отношений между субъектами права. По сути, это способствует сохранению баланса между правом на доступ к информации и ее безопасностью, оказывая значительное влияние на информационную политику государства².

Неслучайно в теории так много внимания уделяется различным вопросам, касающимся необходимости ограничения доступа к той или иной информации, включая ограничения по кругу лиц. Так, например, Р. О. Опалев затрагивает проблему доступа к информации в сети Интернет³, О. Ю. Ситкова подробно рассматривает те угрозы, с которыми может столкнуться ребенок при ознакомлении с той или иной информацией, в связи с чем считает необходимым устанавливать определенные ограничения в части доступа к получению информации несовершеннолетними⁴.

В одной из своих работ мы также писали о необходимости совершенствования механизмов обеспечения безопасной информационной среды для противодействия распространению негативного контента, которые бы влияли на распространение традиционных российских ду-

ховно-нравственных ценностей⁵. Тем не менее, несмотря на значительное количество публикаций и принятых нормативных правовых актов, признать, что предпринятые меры достаточны для обеспечения информационной безопасности, пока нельзя. Именно поэтому считаем необходимым продолжить исследования в данной области.

Информационное пространство, являясь не только средой передачи знаний, но и ареной информационного противоборства, требует четкого правового оформления. В современных условиях информационная безопасность занимает одно из ключевых мест в государственной политике Российской Федерации. Согласно Закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ (2006 г.), в законодательном поле выделяются термины, касающиеся регулирования доступа к информации, включая такие ключевые понятия, как:

- информация, распространение которой подлежит ограничению или запрещению⁷;
- недостоверная информация;
- информация, распространяемая с нарушением закона.

Однако важный момент заключается в том, что классификация этих понятий, равно как и их правовые основания, до сих пор остается недостаточно определенной и подвергается частым изменениям. Например, порядок регулирования доступа к информации в сети Интернет определен рядом норм законодательства, включая ст. 15.1–15.6.1 Закона «Об информа-

² Чаннов С. Е. Ограничение доступа к отдельным видам информации в сети Интернет // Власть. 2013. № 6. С. 83–86.

³ Опалев Р. О. Проблемы ограничения доступа к информации в сети Интернет // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9. С. 48–52.

⁴ Ситкова О. Ю. Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничения в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 27–30.

⁵ Алексеева М. В., Подройкина И. А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 2. С. 24–33.

⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

⁷ Зарубин А. А., Воробей С. Н., Лунева А. В. О правовой регламентации ограничения распространения в сети Интернет запрещенной информации // Закон и право. 2019. № 12. С. 46–49.

ции, информационных технологиях и о защите информации», но этот правовой механизм нередко изменяется для адаптации к текущим вызовам, включая киберугрозы.

По данным за 2023 г., более 500 тыс. информационных ресурсов были внесены в единый реестр запрещенной информации. В частности, блокировке подвергались сайты с экстремистским и террористическим контентом, а также ресурсы, распространяющие недостоверную информацию. Эта статистика показывает масштабы государственной работы по защите информационного пространства⁸.

Определение термина «недостоверная информация» остается особенно значимой задачей. В КоАП РФ⁹ (ст. 13.15) и УК РФ¹⁰ (ст. 207) соответствующие нарушения описаны, однако отсутствует ясность в правовом определении самого объекта защиты — недостоверной информации.

Одной из ключевых угроз выступает распространение деструктивной информации, включая экстремистскую и террористическую деятельность в сети Интернет.

Законы «О противодействии терроризму»¹¹ (2006 г.) и «О противодействии экстремистской деятельности»¹² (2002 г.) вводят такие термины, как «экстремистские материалы» и «информационная поддержка терроризма», подчеркивая, что информационно-психологическое воздействие может носить вредоносный характер.

Стратегические документы, такие как Доктрина информационной безопасности Российской Федерации¹³ (2016 г.) и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹⁴ (2021 г.), отмечают важность защиты от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия. Например, пункт 25 Стратегии национальной безопасности определяет развитие безопасного информационного пространства, свободного от угроз, связанных с манипулированием сознанием граждан и подрывом традиционных российских ценностей.

Несмотря на явный прогресс в правовом регулировании «защиты от информации», остается множество нерешенных вопросов. Так, Ю. Б. Носова справедливо утверждает, что в законодательстве отсутствует терминологическая ясность в определении ряда понятий, таких, например, как «деструктивное информационное воздействие» или «информация, причиняющая вред общественным интересам», что создает сложности для правоприменительной практики¹⁵.

Кроме того, сегодня необходимо учитывать возрастающую роль информационного пространства как инструмента государственной и культурной политики, а также как площадки для противодействия внешнему информационному давлению. Например, в Основах государственной политики по сохранению традиционных

⁸ Роскомнадзор пошел на снижение // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6428080?ysclid=m70v16z73b127047547> (дата обращения: 21.02.2025).

⁹ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹⁰ СЗ РФ. 1995. № 25. Ст. 2954.

¹¹ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

¹² Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

¹³ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

¹⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

¹⁵ Носова Ю. Б. Основания для признания информации, размещенной в сети Интернет, запрещенной к распространению: некоторые проблемы правоприменительной практики // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2022. № 2 (49). С. 169–175.

российских духовно-нравственных ценностей¹⁶ (2022 г.) тема защиты от деструктивной информации и недостоверного контента получает особое внимание.

За последние годы Россия предприняла значительные шаги для улучшения нормативной основы регулирования в информационной сфере. Введенные инициативы включают:

- развитие законодательства, направленного на борьбу с фейковыми новостями и недостоверными данными;
- ужесточение контроля за распространением информации экстремистского и террористического характера;
- внесение изменений в правила блокировки информации в сети Интернет для защиты граждан от противоправного контента.

Однако перечисленные шаги — лишь начало пути.

В целом анализ текущего состояния правового регулирования ограничений доступа к информации, подлежащей запрету для распространения на территории РФ, указывает на существенные достижения в этой сфере. Вместе с тем имеется и ряд нерешенных проблем, связанных с дефинитивной частью. Несмотря на то что в последние годы в Российской Федерации был создан значительный массив нормативных актов, направленных на борьбу с противоправным и вредоносным контентом, сложности возникают из-за следующих факторов:

- отсутствия унифицированных и четких дефиниций ключевых понятий, таких как «недостоверная информация», «деструктивная информация», «деструктивное воздействие» и др. Это создает правовую неопределенность, усложняет правоприменительную практику и затрудняет выработку единых подходов к регулированию информационного пространства;
- частых изменений законодательства и отсутствия устойчивости нормативно-правового регулирования в области борьбы с информационными угрозами, особенно в контексте регулирования содержимого, распространяемого

через сеть Интернет. Это существенно влияет на предсказуемость правового регулирования;

- ограниченного характера гармонизации положений национального законодательства о защите информационного пространства с международными нормами и стандартами, что может ослабить эффективность правового регулирования в условиях глобального информационного взаимодействия;

- недостаточной разработанности механизмов, направленных на предупреждение и профилактику распространения вредной и недостоверной информации. В большей степени акцент сделан на блокировке, удалении или противодействии уже распространенному контенту, в то время как меры упреждающего характера, включая образовательные инициативы, остаются фрагментарными;

- проблем с юридическим оформлением прав субъектов информационных отношений, а также гарантий их реализации в контексте защиты права на достоверную и объективную информацию.

Частично решить обозначенные проблемы можно, по нашему мнению, посредством введения в действующее законодательство соответствующих дефиниций с определением их содержания:

- недостоверная информация — сведения (сообщения, данные), которые содержат фактические ошибки, умышленные искажения либо не соответствуют объективной реальности в силу заведомой неполноты представления, вводящие в заблуждение и препятствующие формированию объективного представления о происходящих событиях, фактах или явлениях;
- деструктивная информация — сведения (сообщения, данные), содержание которых направлено на подрыв существующих социальных, политических, культурных или моральных устоев общества, провокацию конфликтов, разжигание вражды или ненависти либо на иное негативное воздействие на гармоничное раз-

¹⁶ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

витие общественного взаимодействия личности и различных социальных групп;

— информационно-психологическое воздействие — целенаправленный процесс передачи и распространения информации с целью оказания влияния на эмоциональное, когнитивное и поведенческое состояние индивида или социальных групп посредством методов убеждения, внушения, манипуляции, провоцирующих изменения в восприятии событий, фактов и явлений, в мировоззрении и мотивации;

— деструктивное информационно-психологическое воздействие — целенаправленный процесс передачи и распространения информации с применением таких методов информационного и психологического манипулирования, которые приводят к разрушительным последствиям для эмоционального состояния, когнитивного восприятия или поведения, наносящим вред индивиду, группам либо обществу путем нарушения социальной согласованности, усиления конфликтов, снижения уровня доверия или формирования неблагоприятных установок.

В условиях ускоренного развития цифровых технологий и угроз информационного противоборства, на наш взгляд, также необходимо:

1. Внести поправки в уголовное и административное законодательство, а именно пересмотреть статьи, регулирующие ответственность за распространение заведомо ложной, экстремистской и деструктивной информации. Для этого предлагаем:

1.1. Определить новую категорию правонарушений («инфотоксичные действия»): введение термина «инфотоксичность» необходимо для обозначения намеренного создания дезинформации или манипулятивного контента, способного нанести вред общественным институтам, национальной безопасности или личным правам.

1.2. Начать разработку комплекса мер административной и уголовной ответственности за формирование и распространение деструктивного контента через алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ). В частности, необходимым видится введение ответственности за нарушения, совершаемые посредством использования автоматизированных систем (ботов), языковых

моделей ИИ для распространения недостоверной информации, а также за умышленный обход систем государственной модерации.

1.3. Внести поправки в статьи УК РФ (например, в ст. 280 «Публичные призывы к экстремистской деятельности», ст. 207 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» и др.), направленные на ужесточение ответственности в случаях совершения преступлений посредством распространения информации через трансграничные интернет-ресурсы.

1.4. Установить административную ответственность для компаний, предоставляющих хостинговые услуги, VPN-сервисы или иные технологии, обеспечивающие сокрытие личности субъекта, связанного с распространением незаконного контента.

2. Внести поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Современные интернет-реалии требуют модернизации действующего законодательства в области взаимодействия с трансграничными ресурсами, которые зачастую не подчиняются российскому праву. Для этого необходимо:

2.1. Проводить обязательную сертификацию иностранных цифровых платформ, в частности ввести обязательный процесс регистрации транснациональных платформ в России, включая блокчейн-реестры, социальные сети и мессенджеры. Законодательно можно рекомендовать установить запрет на деятельность платформ, игнорирующих российские информационные нормативы.

2.2. Ввести обязательное требование для интернет-компаний использовать алгоритмы, распознающие деструктивный контент и маркирующие недостоверные материалы пояснением о проверке источников.

2.3. Установить стандарты прозрачности ИИ, а именно ввести обязательный механизм маркировки материалов, созданных алгоритмами ИИ. Это поможет бороться с дезинформацией, которая создается и распространяется с использованием высокотехнологичных решений.

3. Внести изменения в стратегические документы, касающиеся информационной безопасности, такие как Стратегия национальной

безопасности РФ и Доктрина информационной безопасности РФ:

3.1. Актуализировать цели и задачи стратегического управления, а именно включить в содержание нормативного документа положения о противодействии трансграничным информационным атакам и деструктивному контенту как одному из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности. При этом сделать акцент на необходимости формирования правовых механизмов, регулирующих транснациональный поток данных и ответственность трансграничных платформ.

3.2. Ускорить процесс подготовки разработок по вопросам «киберсуверенитета»: расширить положения о «суверенном Интернете», включая требования об обязательности локального хранения данных для транснациональных платформ и мессенджеров, и создать концепт «национальной информационной границы», включающий набор инструментов фильтрации, анализа и санкционирования трансграничного контента.

3.3. Сформировать центральный орган управления интернет-пространством: создать федеральный центр анализа и мониторинга распространения деструктивной информации в информационном пространстве (включая ИИ-инструменты машинного обучения) с правом оперативного вмешательства на базе Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

4. Разработать инновационные правовые механизмы для адаптации законодательства к новым вызовам:

4.1. Ввести в законодательство механизм «облегченной модификации правовых норм» в сфере информационной безопасности, что позволит оперативно реагировать на технологические изменения (например, создание

новых алгоритмов ИИ или форм дезинформации). Для этого можно использовать институт административного нормотворчества в рамках государственной экспертизы и общественного обсуждения.

4.2. Законодательно закрепить необходимость проведения анализа содержания новых правовых актов в области информационной безопасности с привлечением междисциплинарных экспертов — специалистов в области юриспруденции, социологии, информационных технологий и международных отношений.

На наш взгляд, вышеуказанные поправки и предложения позволят более эффективно адаптировать правовую систему к новым вызовам цифровой эпохи, обеспечивая баланс между безопасностью и свободой информации.

Создание безопасного, структурированного и основанного на правовой определенности информационного пространства знаний является важной задачей стратегии развития информационного общества. Это гарантирует укрепление информационного суверенитета России, реализацию государственной политики по защите граждан от вредоносного контекста, способствует культурному, образовательному и технологическому развитию. Реализация предложенных мер обеспечит повышение уровня достоверности и безопасности информации, минимизацию угроз информационного манипулирования, а также укрепление доверия граждан к механизмам государственной защиты в информационной среде.

Полагаем, что, формируя четкое и гибкое законодательное пространство, Россия сможет эффективно противостоять глобальным вызовам в сфере информационной безопасности, добиваясь политической стабильности и социальной гармонии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1. — № 2. — С. 24–33.
2. Зарубин А. А., Воробей С. Н., Лунева А. В. О правовой регламентации ограничения распространения в сети Интернет запрещенной информации // Закон и право. — 2019. — № 12. — С. 46–49.

3. Носова Ю. Б. Основания для признания информации, размещенной в сети Интернет, запрещенной к распространению: некоторые проблемы правоприменительной практики // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2022. — № 2 (49). — С. 169–175.
4. Опалев Р. О. Проблемы ограничения доступа к информации в сети Интернет // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 9. — С. 48–52.
5. Роскомнадзор пошел на снижение // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6428080?ysclid=m70v16z73b127047547> (дата обращения: 21.02.2025).
6. Ситкова О. Ю. Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничения в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. — 2021. — № 1. — С. 27–30.
7. Чаннов С. Е. Ограничение доступа к отдельным видам информации в сети Интернет // Власть. — 2013. — № 6. — С. 83–86.

Материал поступил в редакцию 21 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseeva M. V., Podroykina I. A. Pravovoy aspekt formirovaniya bezopasnoy informatsionnoy sredy, sposobstvuyushchey rasprostraneniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey // Pravovoy poriyadok i pravovye tsennosti. — 2023. — Т. 1. — № 2. — С. 24–33.
2. Zarubin A. A., Vorobey S. N., Luneva A. V. O pravovoy reglamentatsii ogranicheniya rasprostraneniya v seti Internet zapreshchennoy informatsii // Zakon i pravo. — 2019. — № 12. — С. 46–49.
3. Nosova Yu. B. Osnovaniya dlya priznaniya informatsii, razmeshchennoy v seti Internet, zapreshchennoy k rasprostraneniyu: nekotorye problemy pravoprimenitelnoy praktiki // Vestnik VGU. Seriya «Pravo». — 2022. — № 2 (49). — С. 169–175.
4. Opalev R. O. Problemy ogranicheniya dostupa k informatsii v seti Internet // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2019. — № 9. — С. 48–52.
5. Roskomnadzor poshel na snizhenie // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6428080?ysclid=m70v16z73b127047547> (data obrashcheniya: 21.02.2025).
6. Sitkova O. Yu. Pravovaya priroda prava rebenka na dostup k informatsii i ego ogranicheniya v tselyakh zashchity rebenka ot informatsii, nanosyashchey vred psikhicheskomu zdoroviyu i razvitiyu nesovershennoletnikh // Semeynoe i zhilishchnoe pravo. — 2021. — № 1. — С. 27–30.
7. Channov S. E. Ogranichenie dostupa k otdelnym vidam informatsii v seti Internet // Vlast. — 2013. — № 6. — С. 83–86.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.050-058

В. А. Микрюков*

Пробел и аналогия в правовом регулировании посмертного выдела супружеской части в праве на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью

Аннотация. В статье проанализирована противоречивая судебная практика разрешения споров о вхождении в состав участников ООО пережившего супруга умершего члена этой закрытой корпорации в связи с обладанием супружеской частью в праве на долю в уставном капитале общества и в связи с наследованием этого права. Поддержана и дополнительно аргументирована позиция Верховного Суда РФ, основанная на признании возможности проведения аналогии между посмертной трансформацией части общей супружеской доли в индивидуальную и наследственным правопреемством, что позволяет сделать вывод о законности (по общему правилу) свободного входа пережившего супруга участника ООО в общество наравне с наследниками даже при наличии возражений других (оставшихся) участников. Вместе с тем автор видит целесообразным воспользоваться аналогией не только как способом казуального преодоления пробелов, но и как средством выработки устраняющего пробелы нормотворчества и внести соответствующие законодательные уточнения в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», которые действовали бы при отсутствии в уставе конкретного общества порядка обретения пережившим супругом умершего участника ООО корпоративных прав, отличного от процедуры наследственного правопреемства.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью; закрытая корпорация; супружеская доля; доля в уставном капитале; общая совместная собственность; переживший супруг; корпоративное право супруга; наследственное правопреемство; правовые пробелы; аналогия закона.

Для цитирования: Микрюков В. А. Пробел и аналогия в правовом регулировании посмертного выдела супружеской части в праве на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 50–58. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.050-058.

© Микрюков В. А., 2025

* Микрюков Виктор Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
vmikryukov@yandex.ru

Gap and Analogy in the Legal Regulation of the Posthumous Allocation of the Spousal Share in the Right to a Share in the Charter Capital of a Limited Liability Company

Victor A. Mikryukov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vmikryukov@yandex.ru

Abstract. This study addresses the contradicting judicial approaches to admitting the surviving spouse of a deceased member into a limited liability company (ООО), where such admission is claimed either on the basis of the spouse's marital share in the deceased's interest in the charter capital or through inheritance. The author supports and further elaborates on the position of the Supreme Court of the Russian Federation that upheld an analogy between the posthumous conversion of a share in joint marital property into separate property and succession by inheritance. Such an analogy substantiates the general rule that a surviving spouse may be admitted to the ООО on par with heirs, notwithstanding objections from other members. The paper further proposes that analogy serve not merely as a casespecific gapfilling mechanism, but as a tool for legislative refinement. To this end, the author recommends amending the Federal Law "On Limited Liability Companies" to provide default rules governing the acquisition of corporate rights by surviving spouses, applicable in the absence of a specific procedure in the company's charter.

Keywords: limited liability company (ООО), closely held corporation, spousal share, equity interest in authorized capital, joint ownership, surviving spouse, spousal corporate rights, succession in inheritance law, gaps in law, statutory analogy.

Cite as: Mikryukov VA. Gap and Analogy in the Legal Regulation of the Posthumous Allocation of the Spousal Share in the Right to a Share in the Charter Capital of a Limited Liability Company. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2025;20(8):50-58. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.050-058.

Современная система юридических оснований динамики субъективных прав на долю в уставном капитале ООО оценивается в доктрине как незакрытая, находящаяся на этапе квалификации отдельных сложноструктурированных групп оснований (сделочных, правопреемственных, иных) и правоприменительного восполнения новыми элементами¹.

Одним из наиболее неопределенных с корпоративно-правовой точки зрения остается зависший между распознанными элементами указанной системы юридический факт — посмертный выдел супружеской части в праве на долю в уставном капитале ООО. В одних случаях он признается односторонней сделкой, влекущей переход половины доли умершего участника к

пережившему супругу (в вариациях прижизненного волевого намерения участника после своей смерти наделить супруга статусом участника и волеизъявления пережившего супруга на выдел доли умершего из состава общего супружеского имущества). В других случаях в нем усматривается трансформация (автономное от наследования сингулярное правопреемство) половины доли в общей собственности в индивидуальную. Третий подход акцентирует внимание на том, что посмертный выдел супружеской доли происходит не по сделке и не в результате правопреемства, а непосредственно в силу закона (по иному законному основанию)².

Такая неопределенность повышает негативную значимость пробела, связанного с тем,

¹ Илюшина М. Н. Переход прав на долю в ООО: современное состояние системы оснований и опосредующих механизмов // Предпринимательское право. 2023. № 4. С. 23–28.

² Обзор различных подходов к квалификации рассматриваемого юридического факта см.: Смирнов С. А. Выдел супружеской доли в ООО: собственность или наследство? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 22–34.

что законодатель разделил диспозитивные варианты включения механизма обеспечения закрытости ООО и реализации процедуры согласования с текущими участниками вхождения в состав ООО новых участников (третьих по отношению к обществу лиц) в результате продажи доли или отчуждения ее иным образом (п. 2 ст. 21 Закона «Об ООО»³) и в результате наследования и правопреемства при реорганизации или ликвидации юридических лиц (п. 8 ст. 21), но при этом не выделил ни особо, ни в составе этих вариантов случаи посмертного выдела пережившим супругом супружеской части доли корпоративного участия из общей совместной собственности.

Обусловленные указанным пробелом сложности в правовом регулировании выдела супружеской части в праве на долю в уставном капитале ООО возникают в двух типичных ситуациях.

Первая ситуация: устав ООО не требует получения согласия текущих участников общества на приобретение третьими лицами статуса участника общества на основании сделки, но при этом возможность вхождения в состав участников общества наследников участников-граждан и правопреемников участников-организаций обусловлена получением такого согласия; после смерти участника-гражданина супруг умершего намеревается войти в состав общества с долей участия, равной половине от общей супружеской доли, числившейся в ЕГРЮЛ за умершим участником; оставшиеся участники против вхождения в состав участников общества новых субъектов возражают.

Применительно к данной ситуации интерес представляют аргументы и выводы Верховного Суда РФ, сформулированные по конкретному делу в определении от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611, в котором высшая судебная инстанция:

— не поддержала квалификацию нижестоящими судами выдела супружеской части в праве на долю в уставном капитале ООО в качестве сделки, на совершение которой в контексте п. 2 ст. 21 Закона «Об ООО» уставом конкретного

ООО согласия текущих участников не требовалось;

— не согласилась усматривать подтверждение законности возникновения корпоративного статуса у пережившего супруга (вопреки возражениям текущих участников общества, ссылающихся на обусловленность возникновения такого статуса у наследников участников получением согласия всех других участников) в идее, что право вдовы на ее часть доли корпоративного участия, оформленной целиком на мужа, принадлежало ей изначально в силу закона, а не возникло после смерти мужа в порядке наследования;

— воспроизвела известный тезис о несовпадении имущественного (стоимостного) и корпоративно-управленческого элементов в объеме права на долю корпоративного участия в уставном капитале ООО (Семейный кодекс РФ лишь определяет состав и режим общего имущества супругов, но не регулирует порядок обретения одним из супругов статуса участника корпорации);

— подчеркнула свойство закрытости (стабильность состава участников) ООО как товарищеской корпорации (объединения лиц) и коррелирующую этой характеристике общества широкую автономию воли участников при формировании положений устава, обеспечивающих сохранение указанной закрытости;

— фактически провела параллель между наследованием и трансформацией (посмертным выделом) супружеской доли в индивидуальную и констатировала неправомерность включения пережившего супруга в состав участников общества при отсутствии согласования другими участниками, формально требуемого по уставу (в порядке п. 8 ст. 21 Закона «Об ООО») лишь для перехода доли в уставном капитале общества в порядке наследования.

Думается, что это доктринально верные суждения, основанные на правильной аналогии.

Прежде всего, Верховный Суд РФ уместно укрепил признанный в науке подход об отграни-

³ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

чении семейно-правового (имущественно-стоимостного) режима доли корпоративного участия и корпоративного статуса ее обладателя⁴, поскольку иной подход (буквальное применение к долям корпоративного участия правил о совместной собственности как к обычным вещам) не учитывал бы особенностей содержания этих объектов как правовой позиции в объединении конкретных товарищей, а не их супругов, которые не могут стать стороной корпоративных правоотношений помимо воли остальных участников⁵. В этом аспекте подтвердилось и научное представление о том, что супруг участника общества в отношении самого общества и других его участников — это третье лицо⁶, «постороннее» для остальных участников⁷, не являющееся априори (в силу закона) одним из них.

Вопреки мнению некоторых правоведов, указывающих на неприменимость к пережившему супругу положений устава ООО о вхождении в общество наследников участников⁸, в целом принципиально отрицающих переход части супружеской доли при ее посмертном выделе (трансформации) из состава общей совместной собственности, отвергающих сходство такой трансформации с наследственным правопреемством и не признающих необходимости запроса согласия других участников общества на его вхождение в общество⁹, суд высветил то, что супруг, не поименованный в качестве участника общества, изначально (в силу факта приобретения супругами доли корпоративного участия) обладает лишь правом на имуществен-

ный эквивалент доли в уставном капитале ООО, но также изначально не обретает никаких корпоративных прав.

С корпоративно-правовой точки зрения притязание пережившего супруга, получившего долю в уставном капитале ООО в результате ее трансформации из общей совместной собственности в индивидуальную после смерти супруга, на вхождение в состав участников ООО действительно максимально сходно с аналогичными притязаниями наследников оставшейся (индивидуальной) доли умершего участника общества (в обоих случаях право на долю возникает у третьего лица помимо воли участника и хронологически после его смерти). При отсутствии прижизненного волеизъявления участника на выдел и переход части доли к своему супругу в представлении оставшихся участников переживший супруг умершего участника не кто иной, как наследник.

Понятно, что при формулировании в уставе варианта свободного отчуждения долей в уставном капитале общества третьим лицам на основании сделки участники опираются на доверие друг к другу и рассчитывают на взаимную добросовестность, осознанный выбор такого контрагента по сделке, который придется обществу и остальным участникам ко двору (таким свободно входящим участником может оказаться и супруг участника, если речь идет о волевом, договорном разделе доли в уставном капитале), а принцип стабильности участников ООО как закрытой корпорации охраняется пре-

⁴ Харитонова Ю. С. Судьба права на участие в хозяйственном обществе при выделе супружеской доли в уставном капитале ООО // Нотариальный вестник. 2023. № 11. С. 5–14.

⁵ Кузнецов А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы // Вестник гражданского права. 2023. № 4. С. 7–54.

⁶ Макарова О. А., Желонкин С. С. Судьба доли в уставном капитале ООО при разделе общего имущества супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 7. С. 52–55.

⁷ Лаптев В. А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 3–36.

⁸ Цветкова Е. С. Актуальные проблемы наделения корпоративными правами супруга // Хозяйство и право. 2024. № 12. С. 109–122.

⁹ Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. О праве участия в обществе с ограниченной ответственностью лица, состоящего в браке. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 4–21.

имущественным правом остальных участников приобрести отчуждаемую долю (п. 4 ст. 21 Закона «Об ООО»). В свою очередь, при наследственном правопреемстве, как и при посмертном выделе супружеской доли, о таком волевом выборе добросовестного участника речь не идет, защитный механизм преимущественного права не работает, а потому наследник либо переживший супруг могут оказаться негодными компаньонами. Соответственно, согласительная процедура входа как наследников, так и пережившего супруга одинаково необходима для обеспечения свойства закрытости общества.

Критики заслуживает лишь то, что в определении от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 Верховный Суд РФ формально не сослался на аналогию закона (ст. 6 ГК РФ¹⁰) как на инструмент казуального преодоления пробельности в правовом регулировании посмертного выдела супружеской части в праве на долю в уставном капитале ООО. Соответствующее обращение, как это ранее уже имело место в нескольких сходных ситуациях, связанных с разделом совместно нажитого имущества в виде доли в уставном капитале общества¹¹, само по себе придало бы данному судебному акту необходимую мотивированность и дополнительную формальную прочность, поскольку, как акцентировал Пленум Верховного Суда РФ, судебное решение является законным и в том случае, когда оно основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права¹². Следует подчеркнуть, что при отрицании Верховным Судом РФ факта автоматической связи обретения пережившим супругом имущественной составляющей доли в уставном капитале ООО с возникновением корпоративного статуса примененная аналогия в случае отказа других участников впустить его в общество после смерти супруга

отнюдь не приводит к ограничению субъективного корпоративного права (нельзя ограничить то, чего не существует), а значит, данная аналогия не противоречит идее недопустимости ее использования для устранения неполноты механизмов ограничения и обременения субъективных частных прав¹³.

Вторая ситуация: устав ООО обуславливает отчуждение участником доли в уставном капитале общества третьему лицу и обретение последним статуса нового участника общества получением согласия других участников, но при этом вхождение в состав участников общества наследников участников-граждан и правопреемников участников-организаций необходимостью испрашивания такого согласия не обременено; супруг умершего участника общества на основании свидетельства нотариуса о праве собственности на половину от общего имущества супругов заявляет о вхождении в состав участников общества; другие участники общества препятствуют доступу пережившего супруга умершего участника к корпоративному управлению обществом.

Казалось бы, в обеих обозначенных ситуациях вопросы, составляющие существенную часть общей многокомпонентной проблемы сохранения бизнеса после смерти носителей корпоративных прав¹⁴, должны быть решены взаимнообусловленно (зеркально). Однако в определении от 23.05.2023 № 310-ЭС23-663 Верховный Суд РФ в рамках конкретного дела, обстоятельства которого складывались по модели второй ситуации, поддержал позицию нижестоящих судов, признавших неправомерной внесенную налоговым органом запись в ЕГРЮЛ о переходе к супругу умершего участника ООО части супружеской доли в уставном капитале, нажитой во время брака. В этом казусе высшая инстанция:

¹⁰ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2023 № 304-ЭС22-20237.

¹² П. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

¹³ Микрюков В. А. О практике ограничения гражданских прав по аналогии // Законодательство и экономика. 2013. № 9. С. 18–22.

¹⁴ Батрова Т. А. Проблемы сохранения бизнеса при наследовании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 6. С. 51–55.

— адаптировала к реализованному истцом (обществом, не согласившимся с возникновением у пережившего супруга корпоративного статуса) способу защиты (оспаривание решения регистрирующего органа) посыл о преимуществе корпоративного (а не семейно-правового имущественного) начала в вопросе об участии пережившего супруга в ООО, указав, что решение регистрирующего органа о внесении в ЕГРЮЛ записи о пережившем супруге как об участнике ООО само по себе корпоративных полномочий у данного лица не порождает и вводит его самого, а равно всех других субъектов гражданского оборота, в заблуждение относительно корректного состава участников ООО;

— не отреагировала на отраженные в деле суждения о пробельности спорных отношений;

— молчаливо отвергла доводы о существенных отличиях правовой природы наделения долей корпоративного участия пережившего супруга от перехода доли в уставном капитале ООО к третьему лицу на основании сделки, как и о его сходстве с наследственным правопреемством (не требующим в конкретном случае согласия оставшихся участников), и воздержалась от аналогии посмертной трансформации общей супружеской собственности в индивидуальную с наследованием;

— отвергла ссылки супруги умершего участника на практику рассмотрения судами аналогичных споров, включая отмеченное выше дело, сложившееся по модели первой ситуации.

Отход Верховного Суда РФ от недавно аргументированной им самим позиции выглядит «загадочным»¹⁵ и едва ли может быть поддержан уже в силу противоречия естественному правовому ожиданию, что два похожих дела должны рассматриваться сходным образом¹⁶.

Некоторое оправдание неприменению аналогии можно усмотреть в том, что акцент был сделан на учете дополнительного обстоятельства спора: умерший участник полностью завещал свою долю корпоративного участия сыну.

По мысли Верховного Суда РФ, на основании завещания отца сын стал участником общества первым (ранее пережившей участника супруги) и был вправе воспрепятствовать вхождению последней в общество как третьему лицу, не входящему в число наследников. Но, во-первых, такая дифференциация преодоления одинаковых пробелов явно требует отдельного обоснования (в частности, неясно, почему первенство вхождения в общество признается именно за наследником), а во-вторых, прижизненное завещательное устремление участника ООО никак не влияет на правовую сущность трансформации части доли его супруга в общем имуществе и не умаляет ее очевидного сходства с наследственным правопреемством.

Правильный вариант преодоления пробела в деле, сложившемся по модели второй проблемной ситуации (когда согласительная процедура вхождения новых участников в общество в порядке наследования не предусмотрена) представлен в недавнем определении от 01.02.2024 № 306-ЭС23-11144, в котором Верховный Суд РФ не только провел аналогию посмертной трансформации части общей супружеской доли в индивидуальную с наследственным правопреемством и подтвердил законность свободного входа пережившего супруга участника ООО в общество даже при наличии возражений других (оставшихся) участников, но и аргументировал, почему правомерна именно такая аналогия:

— и в рамках наследования, и в случае посмертного выдела супружеской доли корпоративная составляющая членства в ООО возникает у лица, связанного с наследодателем семейными узами и заранее известного остальным участникам общества;

— при отсутствии в уставе ООО явной и недвусмысленной дифференциации права пережившего супруга в зависимости от конкретных оснований его возникновения общее требование о согласительном порядке перехода доли к

¹⁵ Смирнов С. А. Корпоративный статус пережившего супруга: актуализация проблемы. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.06.2023 № 310-ЭС23-663 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 9. С. 4–16.

¹⁶ Langenbucher K. Argument by Analogy in European Law // The Cambridge Law Journal. 1998. № 57 (3). P. 481.

третьим лицам, не применимое при непосредственной передаче супругу умершего доли в уставном капитале из наследственной массы, не может быть подразумеваемым для случаев посмертного выдела части супружеской доли из общего имущества (что соответствует доктринальной оценке аналогии как правонаделительного юридического средства¹⁷).

Думается, что такой вариант преодоления исследуемого пробела следует поддержать не только в его корреляции с вариацией спорной ситуации по первой модели уставного регулирования, но и в том, что он открывает путь к более широкой и последовательной реализации правонаделительного свойства аналогии в правовом регулировании корпоративных отношений, осложненных брачно-семейной спецификой. Так, заслуживает одобрения позиция, изложенная судом кассационной инстанции в деле по иску супруги умершего члена сельскохозяйственного производственного кооператива о признании ее членом кооператива с учетом того, что на половину паенакопления она претендовала как сособственница совместно нажитого имущества, а на вторую — как его наследница, притом что другие члены кооператива препятствовали вхождению истицы в состав членов кооператива. Суд принял во внимание положение устава кооператива о правопреемстве наследниками прав и обязанностей членов кооператива, провел аналогию между правовым статусом участников ООО и членов производственного кооператива и, сославшись на аналогию закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ), спроецировал вышеуказанный вывод Верховного Суда РФ из определения от 01.02.2024 № 306-ЭС23-11144 на динамику спорных правоотношений в рамках производственного кооператива (в ситуации, когда уставом кооператива предусмотрен свободный переход пая к наследникам члена кооператива, не может считаться подразумеваемым ограничение на переход соот-

ветствующей части пая к пережившему супругу в порядке посмертного выдела из состава общего совместно нажитого имущества, в том числе с учетом возможности предоставления последнему статуса ассоциированного члена кооператива)¹⁸.

Обобщая изложенное, можно прийти к ряду выводов:

— в корпоративно-правовом регулировании посмертного выдела супружеской части в праве на долю в уставном капитале ООО обнаруживается действительный правовой пробел;

— статус пережившего супруга как обладателя части доли в уставном капитале ООО, трансформировавшейся из общей совместной собственности в индивидуальную, отличается от статуса наследника, однако аналогичен именно таковому;

— порядок обретения пережившим супругом умершего участника ООО корпоративных прав в отношении конкретного ООО может быть урегулирован уставом дифференцированно, иначе, чем порядок наследственного правопреемства долей корпоративного участия, но при умолчании такие процессы должны регламентироваться одинаково.

Соглашаясь с тем, что проблему фактического игнорирования законодателем корпоративно-правового аспекта правомочий супруга как участника общей совместной собственности в отношении доли в уставном капитале ООО, приобретенной в период брака за счет общего имущества супругов, предпочтительнее решить нормативным путем¹⁹, видится целесообразным воспользоваться аналогией не только как способом казуального преодоления пробелов, но и как логическим инструментом выработки устраняющего пробелы нормотворчества и внести соответствующие законодательные уточнения, а именно: в абз. 1 п. 8 ст. 21 Закона «Об ООО» после слов «к наследникам граждан» добавить «к их пережившим супругам».

¹⁷ Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М. : Статут, 2006. С. 105.

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.02.2024 № А03-364/2023.

¹⁹ Левушкин А. Н. Участие нотариуса в наследственных правоотношениях при переходе корпоративных прав и семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 1. С. 17–20.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батрова Т. А. Проблемы сохранения бизнеса при наследовании // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2024. — № 6. — С. 51–55.
2. Илюшина М. Н. Переход прав на долю в ООО: современное состояние системы оснований и опосредующих механизмов // Предпринимательское право. — 2023. — № 4. — С. 23–28.
3. Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. О праве участия в обществе с ограниченной ответственностью лица, состоящего в браке. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 7. — С. 4–21.
4. Кузнецов А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы // Вестник гражданского права. — 2023. — № 4. — С. 7–54.
5. Лаптев В. А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. — 2024. — № 4. — С. 3–36.
6. Левушкин А. Н. Участие нотариуса в наследственных правоотношениях при переходе корпоративных прав и семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. — 2021. — № 1. — С. 17–20.
7. Макарова О. А., Желонкин С. С. Судьба доли в уставном капитале ООО при разделе общего имущества супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2024. — № 7. — С. 52–55.
8. Микрюков В. А. О практике ограничения гражданских прав по аналогии // Законодательство и экономика. — 2013. — № 9. — С. 18–22.
9. Смирнов С. А. Выдел супружеской доли в ООО: собственность или наследство? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.03.2023 № 305-ЭС22-26611 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 7. — С. 22–34.
10. Смирнов С. А. Корпоративный статус пережившего супруга: актуализация проблемы. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.06.2023 № 310-ЭС23-663 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 9. — С. 4–16.
11. Харитонова Ю. С. Судьба права на участие в хозяйственном обществе при выделе супружеской доли в уставном капитале ООО // Нотариальный вестник. — 2023. — № 11. — С. 5–14.
12. Цветкова Е. С. Актуальные проблемы наделения корпоративными правами супруга // Хозяйство и право. — 2024. — № 12. — С. 109–122.
13. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. — 2-е изд., доп. — М. : Статут, 2006. — 240 с.
14. Langenbacher K. Argument by Analogy in European Law // The Cambridge Law Journal. — 1998. — № 57 (3). — P. 481–521.

Материал поступил в редакцию 26 декабря 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Batrova T. A. Problemy sokhraneniya biznesa pri nasledovanii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2024. — № 6. — S. 51–55.
2. Ilyushina M. N. Perekhod prav na dolyu v OOO: sovremennoe sostoyanie sistemy osnovaniy i oposreduyushchikh mekhanizmov // Predprinimatelskoe pravo. — 2023. — № 4. — S. 23–28.
3. Kozlova N. V., Filippova S. Yu. O prave uchastiya v obshchestve s ogranichennoy otvetstvennostyu litsa, sostoyashchego v brake. Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 6 aprelya 2023 goda № 305-ES22-26611 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 7. — S. 4–21.

4. Kuznetsov A. A. Perekhod doli v ustavnom kapitale (aktsiy): prakticheskie i teoreticheskie problemy // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2023. — № 4. — S. 7–54.
5. Laptev V. A. Vyplata deystvitelnoy stoimosti doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu // Khozyaystvo i pravo. — 2024. — № 4. — S. 3–36.
6. Levushkin A. N. Uchastie notariusa v nasledstvennykh pravootnosheniyakh pri perekhode korporativnykh prav i semeynogo biznesa po nasledstvu // Nasledstvennoe pravo. — 2021. — № 1. — S. 17–20.
7. Makarova O. A., Zhelonkin S. S. Sudba doli v ustavnom kapitale OOO pri razdele obshchego imushchestva suprugov // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2024. — № 7. — S. 52–55.
8. Mikryukov V. A. O praktike ogranicheniya grazhdanskikh prav po analogii // Zakonodatelstvo i ekonomika. — 2013. — № 9. — S. 18–22.
9. Smirnov S. A. Vydel supruzheskoy doli v OOO: sobstvennost ili nasledstvo? Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 6 aprelya 2023 goda № 305-ES22-26611 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 7. — S. 22–34.
10. Smirnov S. A. Korporativnyy status perezhivshogo supruga: aktualizatsiya problemy. Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 6 iyunya 2023 goda № 310-ES23-663 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 9. — S. 4–16.
11. Kharitonova Yu. S. Sudba prava na uchastie v khozyaystvennom obshchestve pri vydele supruzheskoy doli v ustavnom kapitale OOO // Notarialnyy vestnik. — 2023. — № 11. — S. 5–14.
12. Tsvetkova E. S. Aktualnye problemy nadeleniya korporativnymi pravami supruga // Khozyaystvo i pravo. — 2024. — № 12. — S. 109–122.
13. Yakovlev V. F. Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy. — 2-e izd., dop. — M.: Statut, 2006. — 240 s.
14. Langenbucher K. Argument by Analogy in European Law // The Cambridge Law Journal. — 1998. — № 57 (3). — P. 481–521.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.059-066

В. А. Мун*

Актуальные проблемы правового регулирования семейной медиации: отечественный и зарубежный опыт

Аннотация. Изучение международного опыта формирования и развития института семейной медиации, который служит важным инструментом для разрешения конфликтов в семейных отношениях, способствует научному осмыслению необходимости его внедрения в сферу брачно-семейных отношений в России. Несмотря на закрепление в российском законодательстве медиации как альтернативного способа урегулирования спора, реализация данных положений на практике пока не получила масштабного применения. В то же время в контексте поиска баланса между государственным невмешательством в частную жизнь и стремлением государства создать условия для защиты семьи, материнства, отцовства и детства актуален запрос на изучение мировой практики использования медиативных технологий в социально значимых сферах: восстановительной и семейной медиации. В связи с этим возникает ряд вопросов, касающихся профессионализации медиации в сфере семейных споров. К ним относятся квалификационные требования, предъявляемые к семейным медиаторам; необходимость разработки этических норм их поведения, а также определение в законодательстве области деятельности, в рамках которой может функционировать семейный медиатор, и другие аспекты. В заключение подчеркивается важность исследований и развития семейной медиации для адаптации к новым реалиям и потребностям общества. Ожидается, что медиация станет не только инструментом разрешения конфликтов, но и важным элементом профилактики семейных споров, способствуя созданию более гармоничных отношений в семьях.

Ключевые слова: семейная медиация; закон; семейный кодекс; примирительные процедуры; семья; материнство; отцовство; детство; брак; расторжение брака.

Для цитирования: Мун В. А. Актуальные проблемы правового регулирования семейной медиации: отечественный и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 59–66. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.059-066.

Current Issues in the Legal Regulation of Family Mediation: Domestic and International Experience

Victoria A. Mun, Cand. Sci. (Law), Associate Professor Department of History of State and Law
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mun.viktoriya@mail.ru

Abstract. The study of international experience in the formation and development of the institution of family mediation that serves as an important tool for resolving conflicts in family relationships contributes to the

© Мун В. А., 2025

* Мун Виктория Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
mun.viktoriya@mail.ru

scholarly understanding of its necessity in marital and family relations in Russia. Although Russian legislation has formally recognized mediation as an alternative method of dispute resolution, the practical implementation of these provisions has yet to reach a wide scale. At the same time, in the context of seeking a balance between non-interference of the state in private life and its aspiration to create conditions for the protection of family, motherhood, fatherhood, and childhood, there is an increasing demand for the examination of global practices in applying mediation technologies to socially significant areas, including restorative and family mediation. In this regard, a range of issues arise concerning the professionalization of mediation in the field of family disputes. Professionalization include the establishment of qualification requirements for family mediators, development of ethical standards governing their conduct, and the legislative definition of the “scope of activities” within which a family mediator may operate, and other considerations. In conclusion, the author underscores the importance of advancing research and development in family mediation with the goal of adapting to emerging social realities and needs. The author expects that mediation will evolve not only into a tool for conflict resolution, but also into a key mechanism for the prevention of family disputes, thereby fostering more harmonious family relationships.

Keywords: family mediation; law; Family Code; conciliation procedures; family; motherhood; fatherhood; childhood; marriage; dissolution of marriage.

Cite as: Mun VA. Current Issues in the Legal Regulation of Family Mediation: Domestic and International Experience. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2025;20(8):59-66. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.059-066.

Примириательные процедуры — явление не новое. Их можно было встретить еще в VII в. до н. э. Так, в Древней Греции был развит институт проксении, который способствовал образованию обширной сети взаимосвязей между гражданами различных полисов. Эта система играла ключевую роль в поддержании единства греческого мира, несмотря на его политическую фрагментацию и географическую разбросанность¹. В XIII в. во время правления Людовика IX Святого во Франции был введен «королевский мир», который запрещал частные войны между баронами. Так, устанавливался 40-дневный период, в течение которого конфликтующие стороны должны были обратиться в королевский суд для мирного разрешения спора. Лишь по прошествии этого срока, если суд не смог разрешить дело, стороны имели право начать военные действия. С течением времени на фоне увеличения сложности частных конфликтов государственные суды в индустриальной и постиндустриальной Европе начали осознавать необходимость содействия примирению между сторонами и поощрения достижения мировых

соглашений. К началу XX в. внесудебные механизмы разрешения споров стали официально внедряться в правовую практику².

Спустя полвека семейная медиация широко распространилась в государствах с англосаксонской правовой системой, а затем была внедрена и в странах континентального права. Примириательные программы изначально формировались в контексте ювенальной юстиции, а затем их применение расширилось и на взрослых правонарушителей. Активно реализовывались такие программы, как семейные конференции, круги правосудия, общественные советы и т.д. Условно можно выделить несколько моделей технологии медиации. Суть первой модели заключается в том, чтобы в рамках рассматриваемого уголовного дела в суде убедить подсудимого возместить вред и тем самым способствовать смягчению наказания (по такой модели работает уголовный суд в Бельгии, Германии, Австрии). Согласно второй модели, применяемой в Голландии и Франции, дело выводится за рамки уголовного судопроизводства и рассматривается в плоскости частного права как спор

¹ Шарнина А. Б. Проксения в межполисных отношениях Эллады // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира : сборник статей / под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 14. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. С. 129–142.

² Давыдченко Д. Л. Примириательные процедуры в европейской правовой традиции. М. : Инфотропик Медиа, 2013. С. X.

между сторонами. Если стороны не приходят к консенсусу, прокурор возбуждает уголовное дело. Наконец, третья модель предусматривает диалог жертвы и преступника уже после вынесенного приговора³.

В Германии семейная медиация — наиболее распространенная форма гражданского посредничества (по сравнению с экологическим, коммерческим, трудовым посредничеством). Хотя только 10 % бракоразводных дел (от 5 тыс. до 10 тыс.) ежегодно рассматриваются в рамках процедуры медиации. Основной организацией, занимающейся семейной медиацией в Германии, является междисциплинарная организация — Федеральная ассоциация семейной медиации (Bundesarbeitsgemeinschaft für Familienmediation, BAFM). В 1993 г. BAFM подготовила руководящие принципы медиации в семейных спорах. За этой инициативой последовали разработка программы аккредитации медиации и официальное признание программ обучения семейной медиации по всей Германии. Закон о юрисдикции без разрешения споров (Freiwillige Gerichtsbarkeit, FGG) поощряет принятие решений по семейным делам на основе консенсуса. В контексте родительских договоренностей суд может приостановить разбирательство, чтобы можно было провести медиацию⁴.

Альтернативные подходы к разрешению споров в Англии и Уэльсе стали доступны разводящимся парам с 1930-х гг., с тех пор как специальная служба начала расследовать семейные споры и причину увеличения числа разводов. Медиация существует в нынешней форме в Англии и Уэльсе с 1970-х гг., но только в последние 20 лет она в качестве основной альтернативы заняла центральное место среди механизмов разрешения супружеских споров. Правительство Англии и Уэльса впервые выделило государ-

ственные средства на поддержку услуг медиации. Супругам, намеренным расторгнуть брак, предлагаются различные виды услуг: предоставление информации, консультирование по вопросам брака, юридические услуги и посредничество. Информация предоставляется парам на встречах со специалистом и носит ознакомительный характер. Далее сторонам нужно определить, в каких услугах они нуждаются, и воспользоваться ими. Консультирование по вопросам брака представляет собой метод, позволяющий сохранить те браки, которые всё еще имеют шанс на восстановление. Юридические услуги предлагаются в качестве защиты отдельных членов семьи, которые могут нуждаться в правовой защите, особенно при бытовом насилии и когда речь идет об интересах детей. Семейная медиация как вид посредничества — попытка разрешения конфликтов и снижения вреда для детей и семей вследствие развода. Основная идея заключается в сохранении брака, а когда это невозможно, в придании разводам менее ожесточенного психоэмоционального фона, который негативно сказывается на всех членах семьи, особенно детях⁵.

В 1988 г. в Великобритании была основана Ассоциация семейных посредников (FMA), и сейчас ее членами являются около 350 семейных посредников. FMA — ведущий орган и один из основателей Совета по семейной медиации (FMC), который координирует регулирование и разрабатывает общие стандарты для профессиональных семейных медиаторов. По инициативе FMA проводятся ежегодные конференции семейных медиаторов, на которых обсуждаются наиболее важные проблемы в данной области. Так, конференция 2025 г. посвящена актуальным практикам семейного посредничества, в том числе на повестке дня стоят такие вопросы, как

³ Махов В. Н., Василенко А. С. Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 13–15.

⁴ Alexander N. M., Gottwald W., Trenzcek Th. Mediation in Germany: The Long and Winding Road (December 29, 2003). Global Trends in Mediation. 2003 // URL: <https://ssrn.com/abstract=3756904> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Hayes Sh. Family mediation in the 21st century: policy and practice in England and Wales. Thesis (Ph. D.) University of Newcastle upon Tyne, 2005. P. 3. URL: <http://ethos.bl.uk/OrderDetails.do?uin=uk.bl.ethos.413029> (дата обращения: 01.11.2024).

гибридная медиация (работа с семьями юристов совместно с узкопрофильными специалистами в области психологии, медицины); вопросы домашнего насилия; особенности медиации с участием детей; особенности культурного и религиозного аспектов в семейной медиации. Указанное свидетельствует как об актуальности института семейной медиации, так и о наличии практических вопросов, требующих повсеместного обсуждения, обмена опытом и мнениями.

Сегодня институт семейной медиации действует в Австрии, Швейцарии, Канаде, США. В течение последних 39 лет в этих странах накапливались опыт и знания по семейной медиации, стали проводиться специальные исследования, вырабатываться различные теоретические конструкции, научные подходы. В 1995 г. Г. Ирвинг и М. Бенджамин (США) сделали обзор 50 исследований по семейной медиации и выяснили, что «даже если две медиативные службы выглядят одинаково на бумаге, не исключено, что они весьма отличаются друг от друга по типу услуг, предоставляемых разным категориям клиентов, используют абсолютно разные модели обслуживания клиентов и привлекают к работе по-разному обученных медиаторов»⁶. Соответственно, помимо учета особенностей семейных споров, конечный результат дела зависит от подготовки медиатора, его опыта и навыков, а также применяемых им инструментов.

Стоит различать медиацию и примирительное производство. Медиация представляет собой процесс досудебного разрешения конфликтов, который осуществляется в специализированных центрах семейной медиации или в кабинетах независимых медиаторов. В отличие от этого, примирительное производство происходит в рамках судебного разбирательства. В ряде стран законодательство обязывает граждан, планирующих обратиться в суд с иском, вытекающим из брачно-семейного спора, сначала пройти предварительную информационную встречу с медиатором (некоторые штаты Австралии (например, Новый Южный Уэльс),

некоторые провинции Канады (Онтарио), Италия, Испания, Франция). Кроме того, в юридических системах ряда государств судьи имеют полномочия направлять конфликтующие стороны на консультации с квалифицированным медиатором (Новая Зеландия, США)⁷. Тем не менее в большинстве стран участие в процессе медиации остается на добровольной основе.

Семейная медиация практикуется в Китае, при этом часть китайских исследователей наряду с положительной оценкой деятельности медиаторов высказывают опасения, что широкое распространение этого способа разрешения конфликтов может негативно сказаться на укреплении верховенства закона в стране. Ставится под сомнение значимость медиации как метода разрешения споров. Суть опасений заключается в том, что в стремлении к урегулированию конфликтов судебное посредничество может приводить к ущемлению законных прав истцов, умалчиванию об истинных причинах конфликта. Такой исход может быть следствием поиска компромисса любой ценой. Недостаток данных о реальной работе медиации, которая сегодня активно используется в китайской правовой системе, оставляет пробелы в понимании ее непосредственного влияния на участников гражданских процессов. Особенно уязвимая группа среди истцов — женщины, ставшие жертвами домашнего насилия, которые ищут защиты от агрессии со стороны своих партнеров. Проблема домашнего насилия в Китае становится всё более актуальной, по некоторым данным, до 30 % семей сталкиваются с этой проблемой. По результатам этнографических наблюдений и интервью с судьями, которые вели бракоразводные процессы, чтобы исследовать, как судебная медиация может подрывать права женщин, столкнувшихся с насилием в браке, было обнаружено, что даже при наличии доказательств домашнего насилия судьи часто недооценивали или игнорировали эти факты в процессе медиации. Это явление можно рассматривать как форму «стирания», аналогичную «маргинализации

⁶ *Irving H., Behjamin M. Family Meditation: Contemporary Issues. 1995. P. 408.*

⁷ *Паркинсон Л. Семейная медиация. М. : Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2016. С. 11.*

домашнего насилия»⁸. Таким образом, практика удаления фактов насилия подчеркивает более глубокие структурные проблемы, связанные с судебной медиацией, причем не только в Китае, но и во всех странах, в которых практикуется семейная медиация.

Для оценки современного состояния семейной медиации в России интерес представляют материалы парламентских слушаний, посвященных теме «Использование медиации и медиативных технологий в социально значимых сферах: восстановительная и семейная медиация» (13 апреля 2023 г.). Открывая парламентские слушания, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей Т. В. Буцкая отметила, что вопрос «нужна ли семейная медиация?» не стоит. Ответ, безусловно, утвердительный. Другое дело, что в настоящее время идет поиск инструментов для того, чтобы этот механизм работал.

Специальный закон, регламентирующий проведение процедуры медиации, принят в России в июле 2010 г.⁹ Несмотря на отсутствие конкретной статистики по прекращению непосредственно семейных споров в связи с медиативными процедурами, в целом можно судить о том, насколько эта процедура популярна в России, по следующим данным: в 2020 г. стороны заключили 500 медиативных соглашений по гражданским и административным делам в совокупности, что составило 0,2 % от общего числа дел соответственно, в 2021 г. — 200 медиативных соглашений, или 0,1 %¹⁰. Таким образом, медиативных соглашений по семейным делам было заключено еще меньше.

Причинами столь низкого процента могут быть недостаточное финансирование, отсутствие необходимой осведомленности и правовой грамотности населения. Так, по сведениям, предоставленным Е. В. Майоровой, все обращения, которые поступают к ней как к уполномоченному по правам ребенка в Челябинской области по спорам между родителями о месте проживания и порядке общения с детьми, а также в случае конфликтных ситуаций в образовательных организациях, всегда рассматриваются с участием профессиональных медиаторов. Подобный подход дает свои положительные результаты, и это возможно благодаря финансированию процедуры ассоциацией «Лига медиаторов Южного Урала», в которой имеются различные специалисты (психологи, педагоги)¹¹.

В Пермском крае профессиональные медиаторы в качестве эксперимента осуществляют прием граждан и проводят примирительные процедуры в районных судах и у мировых судей. Так, в Дзержинском районном суде г. Перми работает профессиональный медиатор, который помогает сторонам разрешить спор путем переговоров. Прием ведется еженедельно. Медиативные услуги оказываются на безвозмездной основе в рамках сотрудничества Дзержинского суда и Пермского государственного педагогического университета. Цель взаимодействия — повышение информированности населения о новой технологии разрешения конфликтов, содействие в развитии нового социального института — судебной медиации. Работа медиатора заключается в консультировании судей, сторон спора по вопросам внесудебного разрешения конфликтов, проведении предварительных

⁸ He Xin, Ng Kwai. In the Name of Harmony: The Erasure of Domestic Violence in China's Judicial Mediation // International Journal of Law Policy and the Family. 2013. Vol. 27. No. 1. P. 97–115. URL: <https://doi.org/10.1093/lawfam/ebs014>.

⁹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

¹⁰ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2021 году // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsr.fu/documents/statistics/?year=2021> (дата обращения: 01.12.2024).

¹¹ Использование медиации и медиативных технологий в социально значимых сферах: восстановительная и семейная медиация : материалы парламентских слушаний. М. : Издание Государственной Думы, 2023. С. 22.

встреч со сторонами, желающими участвовать в процедуре медиации, и непосредственно медиаций¹².

Интересной представляется практика, сложившаяся в Республике Татарстан, где уполномоченный по правам ребенка И. В. Волинец направляет рекомендательные письма практически всем судьям Республики с просьбой предлагать услугу медиации, и это имеет свои положительные результаты¹³.

Институт медиации постепенно начинает внедряться в правовую сферу и повседневную практику. Тонкая материя семейных отношений делает очевидными преимущества семейной медиации, где сторонам предлагается сохранить то, что еще можно сберечь. Важно отметить, что речь идет не о сохранении брака любой ценой, а о выявлении общих ценностей и сосредоточении внимания супругов на них. Даже если в конечном счете стороны придут к решению расторгнуть брак, важно вести речь о том, чтобы их дальнейшее общение было комфортным и адекватным.

Указанный подход — новшество не только в зарубежных странах, но и в российской правовой практике. В советский период семейные вопросы выносились на публичное обсуждение, им придавалась огласка, тем самым оказывался воспитательный эффект на советского гражданина. Государство, партия, общество принимали участие в семейных отношениях отдельных лиц. Если же данные институты не могли примирить стороны, то последней инстанцией становился советский суд, который практиковал выездные суды (например, когда гражданское дело рассматривалось по месту работы одной из сторон) для еще большего воспитательного эффекта. Вероятнее всего, подобная практика имела

следствием не укрепление семьи, как это было определено в законе¹⁴, а формальное сохранение брака.

В настоящее время реализуется провозглашенная в ст. 23 Конституции РФ «неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны»¹⁵. С учетом кризиса института семьи, испытываемого повсеместно, ощущается острая потребность в эффективных инструментах, призванных сберечь традиционные семейные ценности, которые начинаются с сохранения семьи. Опыт зарубежных стран в области семейной медиации подтверждает жизнеспособность этого института, однако его реализация требует адаптации к российской правовой системе.

Во-первых, внедрение пилотных проектов в ряде регионов России, в рамках которых будут предусмотрены медиативные практики (например, обязательная досудебная семейная медиация, обязательное участие в брачно-семейных делах семейного медиатора в качестве третьего лица и др.), позволит предметно исследовать, насколько эффективны медиативные практики.

Во-вторых, необходимо разработать требования к семейным медиаторам и их профессиональной этике, а также создать единый реестр медиаторов.

В-третьих, в рамках реализации процедур семейной медиации возможно обнаружение фактов насилия в семье, нарушения прав человека, что должно быть предметом расследования компетентных органов. В свою очередь, медиаторы должны иметь законодательно установленные полномочия для обращения в соответствующие органы.

В-четвертых, требуется организация профессиональной подготовки медиаторов, унифика-

¹² Геодонова М. В. Медиация как альтернативный метод разрешения семейных конфликтов. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. С. 51.

¹³ Использование медиации и медиативных технологий в социально значимых сферах: восстановительная и семейная медиация : материалы парламентских слушаний. С. 39.

¹⁴ Закон СССР от 27.06.1968 № 2834-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241.

¹⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 01.12.2024).

ции технологий медиации, разработка теории, споров, выработка понятийно-терминологической методологии и практики разрешения семейных споров, выработка понятийно-терминологического аппарата в этой области.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Геодонова М. В.* Медиация как альтернативный метод разрешения семейных конфликтов. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. — 68 с.
2. *Давыдченко Д. Л.* Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. — М. : Инфотропик Медиа, 2013. — 232 с.
3. Использование медиации и медиативных технологий в социально значимых сферах: восстановительная и семейная медиация : материалы парламентских слушаний. — М. : Издание Государственной Думы, 2023. — 112 с.
4. *Махов В. Н., Василенко А. С.* Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права : монография. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 192 с.
5. *Паркинсон Л.* Семейная медиация. — М. : Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2016. — 314 с.
6. *Шарнина А. Б.* Проксения в межполисных отношениях Эллады // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира : сборник статей / под ред. проф. Э. Д. Фролова. — Вып. 14. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. — С. 129–142.
7. *Alexander N. M., Gottwald W., Trenczek Th.* Mediation in Germany: The Long and Winding Road (December 29, 2003). *Global Trends in Mediation*. 2003 // URL: <https://ssrn.com/abstract=3756904> (дата обращения: 01.11.2024).
8. *Hayes Sh.* Family mediation in the 21st century: policy and practice in England and Wales. Thesis (Ph. D.). — University of Newcastle upon Tyne, 2005. — URL: <http://ethos.bl.uk/OrderDetails.do?uin=uk.bl.ethos.413029> (дата обращения: 01.11.2024).
9. *He Xin, Ng Kwai.* In the Name of Harmony: The Erasure of Domestic Violence in China's Judicial Mediation // *International Journal of Law Policy and the Family*. — 2013. — Vol. 27. — No. 1. — P. 97–115. — URL: <https://doi.org/10.1093/lawfam/ebs014>.
10. *Irving H., Behjamine M.* Family Mediation: Contemporary Issues. — 1995. — 462 p. — URL: <https://doi.org/10.1017/S0829320100005470>.

Материал поступил в редакцию 23 декабря 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Geodonova M. V. *Mediatsiya kak alternativnyy metod razresheniya semeynykh konfliktov*. — Perm: Permskiy gos. nats. issled. un-t, 2013. — 68 s.
2. Davydchenko D. L. *Primiritelnye protsedury v evropeyskoy pravovoy traditsii*. — M.: Infotropik Media, 2013. — 232 s.
3. *Ispolzovanie mediatsii i mediativnykh tekhnologiy v sotsialno znachimykh sferakh: vosstanovitel'naya i semeynaya mediatsiya: materialy parlamentskikh slushaniy*. — M.: Izdanie Gosudarstvennoy Dumy, 2023. — 112 s.
4. Makhov V. N., Vasilenko A. S. *Mediatsiya i drugie programmy vosstanovitel'nogo pravosudiya v ugolovnom protsesse stran anglosaksonskogo prava: monografiya*. — M.: Yurлитinform, 2015. — 192 s.
5. Parkinson L. *Semeynaya mediatsiya*. — M.: Mezhtseionalnyy tsentr upravlencheskogo i politicheskogo konsultirovaniya, 2016. — 314 s.

6. Sharnina A. B. Prokseniya v mezhpolisnykh otnosheniyakh Ellady // Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira: sbornik statey / pod red. prof. E. D. Frolova. — Vyp. 14. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2014. — S. 129–142.
7. Alexander N. M., Gottwald W., Trenczek Th. Mediation in Germany: The Long and Winding Road (December 29, 2003). Global Trends in Mediation. 2003 // URL: <https://ssrn.com/abstract=3756904> (data obrashcheniya: 01.11.2024).
8. Hayes Sh. Family mediation in the 21st century: policy and practice in England and Wales. Thesis (Ph. D.). — University of Newcastle upon Tyne, 2005. — URL: <http://ethos.bl.uk/OrderDetails.do?uin=uk.bl.ethos.413029> (data obrashcheniya: 01.11.2024).
9. He Xin, Ng Kwai. In the Name of Harmony: The Erasure of Domestic Violence in China's Judicial Mediation // International Journal of Law Policy and the Family. — 2013. — Vol. 27. — No. 1. — P. 97–115. — URL: <https://doi.org/10.1093/lawfam/ebs014>.
10. Irving H., Behjamin M. Family Meditation: Contemporary Issues. — 1995. — 462 p. — URL: <https://doi.org/10.1017/S0829320100005470>.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.067-077

С. В. Пивченко*

Доктринально-методологические и практические аспекты социально-правовой защиты и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на современном этапе развития российского общества

Аннотация. Современная Россия появилась вследствие геополитического слома системы правовых отношений, завершившего существование СССР. Кардинальное разрушение замкнутой системы экономических отношений предопределило период социальных катастроф на постсоветском пространстве, закономерным результатом которых стало явление массового сиротства. Реализация признанных Российской Федерацией международных принципов защиты ребенка привела к провозглашению приоритета семейного воспитания детей. Политику всеобъемлющей институционализации воспитания детей в системе государственных учреждений, проводимую в СССР, сменил курс на деинституционализацию системы организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В статье анализируется изменение правовых подходов к обеспечению реализации прав детей и законодательной базы в новой правовой и экономической реальности, определяются и характеризуются отдельные формы воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на современном этапе развития российского общества.

Ключевые слова: дети, оставшиеся без попечения родителей; формы воспитания несовершеннолетних; беспризорность; безнадзорность; социальное сиротство; государственное социальное обеспечение детей-сирот; опека и попечительство; передача детей на воспитание в приемную семью; патронат; детские дома и учреждения; деинституционализация; право на воспитание.

Для цитирования: Пивченко С. В. Доктринально-методологические и практические аспекты социально-правовой защиты и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на современном этапе развития российского общества // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 67–77. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.067-077.

© Пивченко С. В., 2025

* Пивченко Светлана Васильевна, аспирант Уральского института управления — филиала РАНХиГС, г. Екатеринбург,
8 Марта ул., д. 66, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620144
spivchenko@mail.ru

Doctrinal-Methodological and Practical Aspects of Social and Legal Protection and Upbringing of Orphans and Children Deprived of Parental Care at the Present Stage of Russian Society's Development

Svetlana V. Pivchenko, Postgraduate Student, Ural Institute of Management – Branch of RANEPA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Yekaterinburg, Russian Federation
spivchenko@mail.ru

Abstract. Modern Russia emerged as a consequence of the geopolitical rupture of the system of legal relations that marked the dissolution of the USSR. The profound dismantling of a closed system of economic relations predetermined a period of social crises across the post-Soviet area, a natural outcome of which was the phenomenon of mass orphanhood. The adoption by the Russian Federation of internationally recognized principles for the protection of children led to the proclamation of a paradigm prioritizing family-based upbringing. The Soviet policy of all-encompassing institutional upbringing of children in the system of state agencies was substituted by the strategy aimed at deinstitutionalization of organizations for orphans and children deprived of parental care. The paper examines the evolution of legal approaches and the legislative framework ensuring the realization of children's rights in the new legal and economic reality. It also identifies and characterizes specific contemporary forms of care for orphans and children without parental care at the current stage of Russia's social development.

Keywords: children deprived of parental care; forms of upbringing of minors; child homelessness; lack of supervision; social orphanhood; state social welfare for orphaned children; guardianship and trusteeship; placement of children in foster families; patronage care; orphanages and childcare institutions; deinstitutionalization; right to upbringing.

Cite as: Pivchenko SV. Doctrinal-Methodological and Practical Aspects of Social and Legal Protection and Upbringing of Orphans and Children Deprived of Parental Care at the Present Stage of Russian Society's Development. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2025;20(8):67-77. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.067-077.

Вследствие радикального изменения геополитического статуса России, связанного с распадом СССР, российское общество столкнулось с проявлением прогрессирующего экономического неравенства, расслоением населения, демографической стагнацией и вместе с тем с феноменом социального сиротства¹. В области защиты прав детей в новом государстве — Российской Федерации, как некогда это было в Российской империи и Союзе ССР, снова проявились колоссальные проблемы, что было обусловлено стремительным ростом числа детей, оказавшихся вне семьи. В 1992 г. в России насчитывалось 426 тыс. таких детей, к началу 1997 г. — уже 572,4 тыс., в 1998 г. — 620 тыс., к 2000 г. — 639,9 тыс.²

Тем не менее система органов и учреждений попечения сирот, сформировавшаяся в советское время³, к 2000-м гг. трансформировалась в систему охраны прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, регламентируемую Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁴.

Но если в советский период преследовалась цель купирования явления массового сиротства посредством его локализации в специализированных государственных воспитательных учреждениях⁵, то новая Россия в соответствии с общепризнанными международным сообществом критериями права сирот на защиту со стороны

¹ Брутман В. Социальное сиротство: по пути отчаяния // Народное образование. 2009. № 9. С. 22–27.

² Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат, 2007.

³ Зезина М. Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. 2000. № 3. С. 58–67.

⁴ СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

государства провозгласила приоритет семейного воспитания ребенка. Вследствие этого социальная политика в сфере защиты прав детей, не имеющих попечения, стала базироваться на принципах профилактики сиротства, приоритета возвращения ребенка в родную семью и стимулирования граждан, желающих принять на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей⁶.

Признание международного принципа необходимости особой правовой защиты ребенка, лишённого семейного окружения⁷, повлекло вычленение наряду с понятием «дети-сироты» также категории «дети, оставшиеся без попечения родителей», легализованных в разд. IV СК РФ⁸ и Федеральном законе от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»⁹. С учетом этого выявление и устройство на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, стало рассматриваться не как цель ликвидации безнадзорности, а как институт обеспечения реализации гарантированных ребенку прав на гармоничное развитие, обучение и подготовки к самостоятельной жизни.

При этом устройство ребенка на воспитание в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, признается

вынужденной и временной мерой¹⁰, промежуточной ступенью на пути к подбору органами опеки и попечительства ребенку «замещающей» семьи. На обеспечение исполнения указанных обязанностей направлено действие норм Федерального закона от 16.04.2001 № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей»¹¹, регламентирующих порядок создания и функционирования банка данных учета детей, подлежащих устройству в семью, и данных о гражданах, желающих принять на воспитание детей в свои семьи.

Восприятие российским обществом парадигмы семейного воспитания указанных категорий детей обусловило идею деинституционализации государственных учреждений по воспитанию детей и обеспечения условий семейной жизни¹².

Предвестником этого процесса стала концепция создания детских учреждений нового типа — городков, образованных семейными малочисленными воспитательными домами по европейскому образцу¹³. Четких критериев программы образования таких учреждений постановление Совета Министров СССР от 17.08.1988 № 1022 «О создании детских домов семейного типа»¹⁴ не содержало, оно передало полномочия по проведению эксперимента республикам.

⁵ Тяпкина Т. Ю. Сиротство в СССР: причины и общее состояние проблемы // Евразийский союз ученых. 2015. № 4-11 (13). С. 29–32.

⁶ Филипова А. Г. Профилактика социального сиротства в 1990-е годы: региональный опыт // Альманах современной науки и образования. 2007. № 5. С. 235–237.

⁷ Конвенция о правах ребенка, принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989 // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. 44-я сессия. Convention of the Rights of the Child. New York, 20 November 1989 [пер. с англ.]. Нью-Йорк : ООН, 1989. Р. 230–239.

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁹ СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.

¹⁰ Федеральный закон от 28.12.2004 № 185-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I) ст. 11.

¹¹ СЗ РФ. 2001. № 17. Ст. 1643.

¹² Цинченко Г. М., Орлова И. С. Политика деинституционализации сиротских учреждений в России: сдвиг парадигмы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 84–90.

¹³ Социально-педагогические технологии семейного устройства и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : учеб.-метод. пособие / под ред. Г. И. Климантовой. М. : Изд-во РГСУ, 2008. С. 56.

¹⁴ Собрание постановлений Совета Министров СССР. 1988. № 30. Ст. 85.

Однако отсутствие в то время частной собственности у граждан влекло необходимость в предоставлении жилых помещений для этих целей из государственного жилищного фонда, а значит, значительного финансирования. Вероятно, поэтому широкого распространения такой тип учреждений на закате существования СССР не получил. Впоследствии идея частично была реализована отдельными регионами России как семейная воспитательная группа, действующая в составе детских учреждений¹⁵, что закреплено в постановлении Правительства РФ от 27.11.2000 № 896 «Об утверждении примерных положений о специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации»¹⁶. И лишь в 2001 г. принято постановление Правительства РФ от 19.03.2001 № 195¹⁷, которое определило порядок создания детского дома семейного типа.

Но детский дом семейного типа как отдельная форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в СК РФ не получил закрепления¹⁸, поскольку его учредителем могли быть или орган исполнительной власти субъекта РФ, или орган местного самоуправления, принимающий решение о создании детского дома на основании заявления граждан, являющихся супругами. Супруги при создании учреждения приобретали статус воспитателей и вступали в трудовые отношения с соответствующими органами по поводу воспитания в таком учреждении детей, наделявшихся статусом воспитанников.

Таким образом, детский дом семейного типа не стал принципиально новой правовой формой устройства детей, признаваемой семейной. По сути, такой тип учреждения предлагал решение

проблемы воспитания сирот через уменьшение количества совместно проживающих детей, сокращение обслуживающего их персонала до двух человек и тем самым увеличение количества учреждений. Вследствие этого устройство ребенка в детский дом семейного типа не отвечало приоритетной задаче обеспечения права ребенка на воспитание в семье.

Однако идея воспитания отдельными гражданами нескольких детей по месту своего проживания, без расширения сети детских учреждений становилась всё более актуальной. В начале 2000-х гг. концепция детских домов семейного типа, семейно-воспитательных групп преобразовывалась на региональном уровне в патронатное воспитание, которое представляло собой передачу ребенка на пребывание в семью гражданина без утраты ребенком статуса воспитанника детского учреждения. Но в итоге оно не стало повсеместным и не закрепилось за короткое время своего существования на федеральном уровне.

В действующем СК РФ содержится лишь упоминание о патронатной семье (ст. 123). Других законов федерального значения, регулирующих организацию патронатных семей, в российском законодательстве тоже не принималось. Впрочем, в федеральной целевой программе «Дети России» на 2003–2006 годы¹⁹, предусматривавшей активное развитие семейных форм воспитания, патронат вошел в общее понятие приемных семей, подразумевающее все существующие на тот момент семейные формы устройства. Субъекты РФ вводили патронат по своему усмотрению на основании ст. 123 СК РФ, относившей в действовавших до 2008 г. редакциях²⁰ его установление на региональном

¹⁵ Манжула Е. В. Актуальные проблемы правового регулирования деятельности семейных воспитательных групп // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 2 (162). С. 85–88.

¹⁶ СЗ РФ. 2000. № 49. Ст. 4822.

¹⁷ СЗ РФ. 2001. № 13. Ст. 1251.

¹⁸ Федеральный закон от 02.01.2000 № 32-ФЗ «О внесении дополнения в статью 123 Семейного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 153.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 03.10.2002 № 732 «О федеральной целевой программе “Дети России” на 2003–2006 годы» // СЗ РФ. 2002. № 41. Ст. 3984.

²⁰ Федеральный закон от 24.04.2008 № 49-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об опеке и попечительстве”» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1756.

уровне к «иным формам» устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, наряду с поименованными в Кодексе семейными формами — усыновления, опеки (попечительства) и приемной семьи. Поэтому патронат инициировался законами субъектов РФ с учетом региональных особенностей и различного субъектного состава как орган опеки (попечительства), детское учреждение и патронатный воспитатель²¹; детское учреждение и патронатный воспитатель²²; орган опеки (попечительства) и патронатный воспитатель²³; орган опеки (попечительства), детское учреждение, патронатный воспитатель и законный представитель²⁴. При этом основаниями возникновения подобных правовых связей служили гражданско-правовые и трудовые договоры, в том числе заключаемые с патронатным воспитателем одновременно²⁵.

Сущность возникших правоотношений состояла в том, что на патронатного воспитателя возлагалась ответственность за сохранение жизни и здоровья ребенка, организацию его образования и досуга в пределах обязанности сотрудника детского учреждения при условии совместного проживания с принятым ребенком в личном жилье без приобретения прав и обязанностей опекуна в отношении ребенка. Круг обязанных субъектов в отношении реализации прав ребенка оставался неизменным: защиту прав осуществляло детское учреждение, надзор за соблюдением прав ребенка — орган опеки и попечительства. Передача ребенка на патронатное воспитание всё так же не обеспечивала

решения задачи реализации права ребенка на воспитание в семье посредством установления усыновления или опеки (попечительства) и учета ребенка в государственном банке данных о детях-сиротах. Фактически изменялось лишь место проживания и воспитания ребенка, а не сущность правового положения несовершеннолетнего, продолжающего оставаться воспитанником детского учреждения.

Нередко получалось, что патронатными воспитателями были сотрудники учреждения, обеспечивающие воспитание и проживание детей, зачисленных в контингент воспитанников детского учреждения, по своему месту жительства, в своей семье на определенный договором срок²⁶. К патронатным воспитателям не предъявлялось каких-либо требований о наличии специального образования, но им необходимо было пройти курс подготовки²⁷. Так создавалась возможность в краткие сроки разгрузить детские учреждения передачей детей на пребывание в семье граждан, приобретших статус патронатного воспитателя, за счет доукомплектования детского учреждения кадровым составом со специфическим статусом патронатных воспитателей. К 2007 г. законы о патронате были приняты в 42 субъектах РФ²⁸.

С принятием Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»²⁹ патронатное воспитание в вышеприведенном виде перестало существовать, трансформировавшись в разновидность опеки. В комментарии к федеральным законам «Об опеке и попечительстве» и «О внесении измене-

²¹ Закон Пермской области от 06.10.2000 № 1129-164 «О патронатном воспитании» // Бюллетень Законодательного Собрания и Администрации Пермской области. 2000. № 9.

²² Закон Курганской области от 02.07.2001 № 55 «О порядке передачи детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на патронат» // Газета «Новый мир». 2001. № 120.

²³ Закон Владимирской области от 30.12.1997 № 70-ОЗ «Об оплате труда приемных родителей, патронатных воспитателей» // Вестник Законодательного Собрания Владимирской области. 1997. № 5 (17).

²⁴ Закон Тверской области от 28.12.2006 № 149-ЗО «О патронате» // Тверские ведомости. 2006. № 57.

²⁵ Закон Пермской области «О патронатном воспитании».

²⁶ Закон Курганской области «О порядке передачи детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на патронат».

²⁷ Закон Тверской области «О патронате».

²⁸ Где применяется патронатное воспитание // Усыновление в России: информационно-консультационный портал Министерства образования и науки РФ. URL: <http://www.usynovite.ru/adoption/patronage/patronat/chapter4/> (дата обращения: 25.11.2024).

²⁹ СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

ний в отдельные законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «Об опеке и попечительстве»³⁰ указывалось: «Рабочая группа сочла нецелесообразным расщепление по договору о патронатном воспитании функций законного представительства между детским домом и патронатным воспитателем»³⁰.

С этого времени преобладающей формой устройства детей-сирот становится установление опеки одним гражданином (одной семьей граждан) в отношении нескольких детей, в том числе не являющихся братьями/сестрами, что воплощается в институте приемной семьи.

Необходимо отметить, что приоритетной формой устройства ребенка-сироты в законодательстве РФ всегда признавалось усыновление, возможность и желательность которого не исключается устройством ребенка под опеку (попечительство), в приемную семью. Усыновление, являясь правовым институтом, заключает в себе совокупность норм, регулирующих в ракурсе семейного и гражданского права общественные отношения, возникающие на основании включения ребенка в семью³¹. Юридически усыновление — единственная полноценная гарантия обеспечения реализации семейных прав ребенка, оказавшегося вне семьи, посредством судебного установления гражданско-правового состояния между ребенком и гражданами, не связанными кровным происхождением³². Правовое установление связей социального родства³³ исключает временность семейного статуса и ведет к отпадению необходимости вмешательства государства в дела семьи. Глава СК РФ, регламентирующая усыновление, стала полностью ориентированной на рассмотрение усыновления исключительно как формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, хотя и усыновляемы

могут быть не только дети, оставшиеся без попечения родителей (например, усыновление отчимом). Вместе с тем на усыновление могут передаваться не все дети, признанные в установленном законом порядке оставшимися без попечения родителей, поскольку усыновление совершается при согласии родителей (ст. 129 СК РФ), а без такового — в определенных случаях, предусмотренных статьей 130 СК РФ. При этом ситуацию ограничения в родительских правах, заключения родителя под стражу и отсутствия при указанных обстоятельствах согласия родителя на усыновление ребенка Семейный кодекс не рассматривает. Вероятно, в этом не возникло практической необходимости: на усыновление граждане решались и решаются не так часто, чтобы проблема устройства детей, оставшихся без попечения родителей, могла быть решена. Еще дореволюционный цивилист Г. Ф. Шершеневич заметил, что усыновление восполняет недостаток в детях, а опека — в родителях³⁴.

Многочисленность детей, оказавшихся вне семьи, гарантия прав которых стала государственной обязанностью, требовала узаконения универсального общеприменимого способа обеспечения реализации права ребенка на семейное воспитание. Так, институт опеки и попечительства, исторически имеющий характер охраны имущества вследствие недостатка самостоятельности и воли субъекта прав на имущество, развиваясь и приобретая характер охраны личности, неспособной к реализации своих прав, окончательно закрепился в российском семейном праве как форма воспитания детей, преобразовываясь соответственно идеям семейного устройства.

В принятый в 1995 г. СК РФ вошли положения об опеке, действовавшие в РСФСР. Характер института был направлен на защиту личности

³⁰ Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» / под ред. П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2010. С. 17.

³¹ *Задесенская Я. В., Смолина Л. А.* Институт усыновления в России и странах Европы: сравнительное теоретико-правовое исследование : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 7.

³² *Пчелинцева Л. М.* Семейное право России. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2012. С. 482.

³³ *Кириллова Е. А.* Круг наследников по закону в гражданском праве России: расширение действия принципа кровного и социального родства // Вопросы современной юриспруденции : материалы XXVII Международной заочной научно-практической конференции (31 июля 2013 г.). Новосибирск : СибАК, 2013. С. 23–29.

³⁴ *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М. : Спарк, 1995. С. 456.

и воспитания ребенка через установление корреспондирующих обязанностей опекуна административным актом (назначением). Опекун обязывался к безвозмездному надзору за ребенком до его совершеннолетия: совместному проживанию, обеспечению реализации его прав; при этом он не приобретал иных обязанностей, например по содержанию ребенка. Такая форма защиты личности могла прекратиться и досрочно в силу уважительных причин или злоупотребления опекунскими правами и не предполагала, что опекун получает статус родителя-воспитателя.

Понятие «родитель-воспитатель»³⁵, появившееся в связи с экспериментом по введению семейных воспитательных домов и неизменно предполагавшее воспитание нескольких детей одновременно одним или двумя гражданами-супругами на основании трудового договора, соединившись со статусом опекуна, транслировалось в правовой статус приемного родителя, получив легальное закрепление в СК РФ.

Основанием создания приемной семьи служил договор о передаче детей на воспитание приемным родителям, относительно правовой природы которого в юриспруденции не сложилось единого мнения³⁶. Как и в советское время, при передаче детей в семьи трудящихся³⁷ приемные родители приобретали обязанности опекунов в отношении переданных им на воспитание детей на основании договора. Однако теперь договор предусматривал не только льготы приемным родителям, но и оплату их труда в зависимости от числа принятых на воспитание детей. Нормы СК РФ о приемной семье были конкретизированы Положением о приемной семье, утвержденным постановлением Правительства РФ от 17.07.1996 № 829³⁸, согласно которому на воспитании приемных родителей могло находиться, как правило, до восьми детей.

Так или иначе, как и в советский период, в российском законодательстве образовалось два способа установления опеки: назначение административным актом и заключение договора. И если первый происходил из понимания принятия опеки как гражданской и нравственной обязанности, то второй строился на противоположном, «капиталистическом» подходе — двусторонней возмездной сделке. Указанные расхождения были вызваны имеющимися юридическими способами возложения ответственности за воспитание и сохранения жизни детей, взятых под государственную охрану (трудовым договором на воспитателя или актом о назначении опекуна на гражданина), и необходимостью обеспечения одновременного воспитания и проживания нескольких детей с частным лицом, не состоящим в трудовых отношениях с детским учреждением, в жилом помещении гражданина, что, собственно, и привело к сочетанию понятий опекуна и воспитателя в одном лице, которое приобретало статус приемного родителя и целью деятельности которого должно было стать воспитание нескольких детей-сирот в личном жилье.

С принятием Федерального закона «Об опеке и попечительстве» и последовавшими изменениями СК РФ остался один способ установления опеки: назначение опекуна административным актом органа опеки и попечительства. Статья 151 СК РФ, закреплявшая, что приемная семья образуется на основании договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью, утратила силу. Приемной семьей в соответствии со ст. 152 СК РФ признается опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной семье. Акт о назначении опекуна предшествует заключению договора о приемной семье. Таким образом, правоотношения по опеке в отношении ребенка устанавливаются актом о назначении

³⁵ Приказ Государственного комитета СССР по народному образованию от 23.10.1989 № 800 «О введении в действие временного положения о детских домах семейного типа» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2024).

³⁶ См.: Дрожжина И. В. Договор о приемной семье: понятие и особенности заключения // Юридическая наука. 2011. № 2. С. 30–32.

³⁷ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 01.04.1936 «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» // СУ РСФСР. 1936. № 9. Ст. 49.

³⁸ СЗ РФ. 1996. № 31. Ст. 3721.

опекуна, с момента же заключения договора, на который в настоящее время распространены правила гражданского законодательства о возмездном оказании услуг (ст. 152 СК РФ), опекун главным образом получает право на вознаграждение за исполнение своих обязанностей по воспитанию ребенка, что закреплено в постановлении Правительства РФ от 18.05.2009 № 423³⁹.

По данным Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на 2013 г. число детей, охваченных семейными формами устройства, составляло 78,3 % от общего числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а на 2020 г. — 89,7 %⁴⁰, что говорит об успешной реализации задачи обеспечения устройства детей-сирот в семью. Помимо всего прочего, это свидетельствует в пользу возможности деинституционализации системы организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что соответствует государственной политике семейного жизнеустройства российского общества⁴¹.

Согласно Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы⁴², в соответствии с рекомендациями, указанными в письме Министерства образования и науки РФ от 01.09.2014 № ВК-1850/07 «О реструктуризации и реформировании организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и совершенствованию сети служб сопровождения замещающих семей»⁴³, проведены реструктуризация и реформирование системы детских учреждений в субъектах России. Часть учреждений ликвидирована, другие в большинстве своем реорганизованы в организации, оказывающие социальные услуги (социально-реабилитационные центры для несовер-

шеннолетних) либо вошли в состав действующих организаций социального обслуживания. Подведомственность учреждений министерствам образований субъектов РФ изменилась на подведомственность министерствам социальной политики. Управления социальной защиты населения, исполняющие полномочия органа опеки и попечительства, переименованы в управления социальной политики. Произошла унификация типов детских учреждений, которая свелась к понятию организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оказывающих социальные услуги, деятельность которых регламентируется постановлением Правительства РФ от 24.05.2014 № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей»⁴⁴. Таким образом, произошла централизация управления системой защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Вместе с тем действующее законодательство пронизывают лейтмотивы, свидетельствующие о невозможности отказа от существования организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, — основополагающий принцип свободного принятия опеки и свободного отказа от нее; принципы защиты детей при злоупотреблениях законных представителей: при отмене усыновления, отстранении опекуна от исполнения обязанностей, лишении родительских прав, отобрании ребенка. В правовом аспекте существование таких организаций есть действенная гарантия свободного выхода из приемной семьи и обеспечения реализации прав на воспитание детей, оказавшихся вне родной или приемной семьи.

³⁹ Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» // СЗ РФ. 2009. № 21. Ст. 2572.

⁴⁰ Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся на воспитании в семьях, в общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

⁴² Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

⁴³ СПС «Гарант» (дата обращения: 03.09.2024).

⁴⁴ СЗ РФ. 2014. № 22. Ст. 2887.

В противоположность статистическим данным, констатирующим успех, достигнутый на поприще устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семьи граждан, средства массовой информации с периодичностью освещают вопиющие случаи нарушения приемными родителями прав переданных им детей. И это несмотря на создание правового противовеса такому поведению — регулярной плановой проверки органами опеки и попечительства условий жизни подопечных в соответствии с постановлением Правительства РФ от 18.05.2009 № 423, законодательно закрепленные меры их административной и уголовной ответственности — ст. 5.35 КоАП РФ⁴⁵, ст. 156 УК РФ⁴⁶, организацию школ приемных родителей⁴⁷ и социальное сопровождение семей.

Статус приемного родителя подразумевает принятие на воспитание не одного ребенка, а нескольких⁴⁸, этому соответствует и правительственная задача стимулирования граждан, желающих стать приемными родителями⁴⁹. Иное решение данного вопроса экономически нецелесообразно, как и содержание организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Тем не менее непростой социальный анамнез, отягощенность психической сферы здоровья детей, нуждающихся в опеке, уже предопределяют сложности в их воспитании еще на пороге образования приемной семьи, не говоря уже об одновременном и совместном воспитании не одного такого ребенка.

Во избежание отказов от исполнения обязанностей опекуна и сохранения приемной семьи в интересах ребенка для решения проблем, в целях ликвидации которых, по сути, и назначались приемные родители, появилась практика временного помещения подопечного ребенка в организацию для детей-сирот и детей, остав-

шихся без попечения родителей, на основании договора о предоставлении ребенку социальных услуг, которая именуется социальной реабилитацией. Указанные услуги реализуются на основании Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»⁵⁰, в соответствии с которым узаконен порядок временного помещения подопечных детей в организации социального обслуживания, одновременно являющиеся и организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

С помощью инструментария этого Федерального закона акцент с выявления и признания детей нуждающимися в государственной опеке сместился в сторону признания детей нуждающимися в социальном обслуживании и таким образом нивелирования причин их истинного помещения и пребывания в учреждениях государственного воспитания в рамках Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» — отсутствия попечения вследствие неисполнения родительских обязанностей родителями, страдающими алкоголизмом, наркоманией. Акцент с лишения родительских прав как меры ответственности родителей и меры защиты прав ребенка сместился в сторону годами проводимой профилактической работы с семьей (неоднократной постановки на профилактический учет).

Из изложенного можно сделать вывод, что действующая пропаганда семейного воспитания сменила пропаганду общественного воспитания в СССР, задачи по ликвидации последствий социального сиротства разрешаются лишь отчасти, прежде всего сохранением детям жизни, реализацией их биологических потребностей. Это косвенно говорит о том, что не имеется абсолютных гарантий обеспечения условий лучшей

⁴⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁴⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴⁷ Письмо Минобрнауки РФ от 24.08.2012 № ИР-713/07 «О подготовке лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей» // СПС «Гарант» (дата обращения: 03.09.2024).

⁴⁸ Антокольская М. В. Семейное право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2013. С. 313.

⁴⁹ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р.

⁵⁰ СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.

жизни для ребенка ни в системе организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ни в системе гражданско-правовых форм передачи детей на воспитание. Эти формы обеспечения правовой защиты детей не могут быть признаны взаимозаменяемыми в полной мере, но являются востребованными и

должны существовать в совокупности. Поэтому ликвидация призрения, под которым понимается существование учреждений для нуждающихся, не отвечает, как отмечал русский военный инженер и общественный деятель в области защиты покинутых детей М. А. Ошанин, запросам населения⁵¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антокольская М. В. Семейное право. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2013. — 431 с.
2. Брутман В. Социальное сиротство: по пути отчаяния // Народное образование. — 2009. — № 9. — С. 22–27.
3. Дрожжина И. В. Договор о приемной семье: понятие и особенности заключения // Юридическая наука. — 2011. — № 2. — С. 30–32.
4. Жвитиашвили А. Ш. Андеркласс в классово-стратификационной структуре российского общества // Теория и практика общественного развития. — 2007. — № 2. — С. 120–127.
5. Задесенская Я. В., Смолина Л. А. Институт усыновления в России и странах Европы: сравнительное теоретико-правовое исследование : монография. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 189 с.
6. Зезина М. Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. — 2000. — № 3. — С. 58–67.
7. Кириллова Е. А. Круг наследников по закону в гражданском праве России: расширение действия принципа кровного и социального родства // Вопросы современной юриспруденции : материалы XXVII Международной заочной научно-практической конференции (31 июля 2013 г.). — Новосибирск : СибАК, 2013. — С. 23–29.
8. Корсунский Б. Л., Леонов С. Н. Депрессивный район в переходной экономике. — Владивосток : Дальнаука, 1999. — 155 с.
9. Манжула Е. В. Актуальные проблемы правового регулирования деятельности семейных воспитательных групп // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2011. — № 2 (162). — С. 85–88.
10. Ошанин М. А. О призрении покинутых детей // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 1. Ч. 2. — Петроград, 1914. — С. 1–12.
11. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» / под ред. П. В. Крашенинникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2010. — 695 с.
12. Пчелинцева Л. М. Семейное право России. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2012. — 719 с.
13. Социально-педагогические технологии семейного устройства и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : учеб.-метод. пособие / под ред. Г. И. Климантовой. — М. : Изд-во РГСУ, 2008. — 192 с.
14. Тяпкина Т. Ю. Сиротство в СССР: причины и общее состояние проблемы // Евразийский союз ученых. — 2015. — № 4-11 (13). — С. 29–32.
15. Филипова А. Г. Профилактика социального сиротства в 1990-е годы: региональный опыт // Альманах современной науки и образования. — 2007. — № 5. — С. 235–237.
16. Цинченко Г. М., Орлова И. С. Политика деинституционализации сиротских учреждений в России: сдвиг парадигмы // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 455. — С. 84–90.
17. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М. : Спарк, 1995. — 556 с.

Материал поступил в редакцию 9 декабря 2024 г.

⁵¹ Ошанин М. А. О призрении покинутых детей // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 1. Ч. 2. Петроград, 1914. С. 1–12.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antokolskaya M. V. *Semeynoe pravo*. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, 2013. — 431 s.
2. Brutman V. *Sotsialnoe sirotstvo: po puti otchayaniya* // *Narodnoe obrazovanie*. — 2009. — № 9. — S. 22–27.
3. Drozhzhina I. V. *Dogovor o priemnoy seme: ponyatie i osobennosti zaklyucheniya* // *Yuridicheskaya nauka* — 2011. — № 2. — S. 30–32.
4. Zhvitiashvili A. Sh. *Anderklass v klassovo-stratifikatsionnoy strukture rossiyskogo obshchestva* // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. — 2007. — № 2. — S. 120–127.
5. Zadesenskaya Ya. V., Smolina L. A.: *Institut usynovleniya v Rossii i stranakh Evropy: sravnitelnoe teoretiko-pravovoe issledovanie: monografiya*. — M.: Yurlitinform, 2014. — 189 s.
6. Zezina M. R. *Sistema sotsialnoy zashchity detey-sirot v SSSR* // *Pedagogika*. — 2000. — № 3. — S. 58–67.
7. Kirillova E. A. *Krug naslednikov po zakonu v grazhdanskom prave Rossii: rasshirenie deystviya printsipa krovnoy i sotsialnoy rodstva* // *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii: materialy XXVII Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (31 iyulya 2013 g.)*. — Novosibirsk: SibAK, 2013. — S. 23–29.
8. Korsunskiy B. L., Leonov S. N. *Depressivnyy rayon v perekhodnoy ekonomike*. — Vladivostok: Dalnauka, 1999. — 155 s.
9. Manzhula E. V. *Aktualnye problemy pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti semeynykh vospitatelnykh grupp* // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. — 2011. — № 2 (162). — S. 85–88.
10. Oshanin M. A. *O prizrenii pokinutykh detey* // *Trudy sezda po obshchestvennomu prizreniyu, sozvanogo ministerstvom vnutrennikh del 11–16 maya 1914 g. T. 1: Doklady i zhurnaly zasedaniy. Chast 2: Doklady*. — Petrograd, 1914. S. 1–12.
11. *Postateynny kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii i Federalnomu zakonu «Ob opeke i popечitel'stve»* / pod red. P. V. Krasheninnikova. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2010. — 695 s.
12. Pchelintseva L. M. *Semeynoe pravo Rossii*. — 6-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, 2012. — 719 s.
13. *Sotsialno-pedagogicheskie tekhnologii semeynogo ustroystva i vospitaniya detey-sirot i detey, ostavshikh'sya bez popечeniya roditel'ey: ucheb.-metod. posobie* / pod red. G. I. Klimantovoy. — M.: Izd-vo RGSU, 2008. — 192 s.
14. Tyapkina T. Yu. *Sirotstvo v SSSR: prichiny i obshchee sostoyanie problemy* // *Evraziyskiy soyuz uchenykh*. — 2015. — № 4-11 (13). — S. 29–32.
15. Filipova A. G. *Profilaktika sotsialnogo sirotstva v 1990-e gody: regionalnyy opyt* // *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. — 2007. — № 5. — S. 235–237.
16. Tsinchenko G. M., Orlova I. S. *Politika deinstitutsionalizatsii sirotskikh uchrezhdeniy v Rossii: sdvig paradigmy* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2020. — № 455. — S. 84–90.
17. Shershenevich G. F. *Uchebnyk russkogo grazhdanskogo prava*. — M.: Spark, 1995. — 556 s.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.078-088

А. В. Родионов*

Квалификация понятия электронной трансграничной коммерческой сделки

Аннотация. Отечественные и зарубежные доктринальные подходы к соотношению понятий «электронная сделка», «электронная коммерция», «электронная торговля» и «электронный бизнес» позволяют сделать вывод, что электронная коммерция выступает разновидностью электронного бизнеса. Отношения, связанные с заключением, исполнением и расторжением электронных сделок, — основной компонент электронной коммерции. Подход с ограничением способа осуществления электронной трансграничной коммерческой сделки исключительно сетью Интернет не соответствует признакам технологической нейтральности. Трансграничный характер рассматриваемых сделок может быть выявлен через тесную связь с правовыми порядками двух или более государств. Традиционный подход, предусматривающий в качестве основополагающего критерия для признания правоотношений трансграничными местонахождение коммерческих предприятий в разных государствах, не способен исчерпывающим образом отвечать на вызовы реалий цифрового пространства. Тесная связь с несколькими правовыми порядками может быть установлена посредством применения совокупно различных критериев: места осуществления деловых операций, доменной и эксплуатационной связи, доктрины целенаправленной деятельности. Корректной является характеристика сделки как трансграничной, а не международной, что подчеркивает существо частных правоотношений и исключает межгосударственные правоотношения субъектов международного публичного права, наделенных суверенитетом.

Ключевые слова: электронная трансграничная коммерческая сделка; электронная коммерция; электронная торговля; электронный бизнес; информационно-телекоммуникационные сети; трансграничный характер; тесная связь с правовыми порядками двух или более государств; коммерческое предприятие; место осуществления деловых операций; критерий доменной связи; критерий эксплуатационной связи; доктрина целенаправленной деятельности.

Для цитирования: Родионов А. В. Квалификация понятия электронной трансграничной коммерческой сделки // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 78–88. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.078-088.

© Родионов А. В., 2025

* Родионов Артем Владимирович, аспирант кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
artemrodionov.work@mail.ru

Qualification of the Concept of Electronic Cross-Border Commercial Transaction

Artem V. Rodionov, Postgraduate Student, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
artemrodionov.work@mail.ru

Abstract. Domestic and foreign doctrinal approaches to the correlation between the concepts of “electronic transaction,” “electronic commerce,” “electronic trade,” and “electronic business” suggest that electronic commerce constitutes a specific form of electronic business. Legal relations arising from the conclusion, performance, and termination of electronic transactions constitute the core element of electronic commerce. An approach that limits the execution of cross-border electronic commercial transactions exclusively to the Internet does not align with the principle of technological neutrality. The cross-border nature of such transactions may be identified through a close connection with the legal systems of two or more states. The traditional approach, which defines the principal criterion for recognizing legal relations as cross-border by the location of commercial enterprises in different states, fails to fully address the challenges presented by the realities of the digital environment. A close connection with multiple legal systems may be established through a combination of various criteria, including the place where business operations are conducted, a domain name and operational links, and the doctrine of targeting activities. It is conceptually accurate to define such a transaction as “cross-border” rather than “international,” as this terminology emphasizes the nature of private legal relations and excludes intergovernmental relations between subjects of public international law vested with sovereignty.

Keywords: electronic cross-border commercial transaction; electronic commerce; e-commerce; e-business; information and telecommunication networks; cross-border nature; close connection with the legal systems of two or more states; commercial enterprise; place of business operations; domain-based connection criterion; operational connection criterion; doctrine of purposeful activity.

Cite as: Rodionov AV. Qualification of the Concept of Electronic Cross-Border Commercial Transaction. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2025;20(8):78-88. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.078-088.

Использование категорий «электронная коммерция», «электронная торговля», «электронный бизнес», «электронная транзакция (сделка)» как тождественных ввиду отсутствия легальной дефиниции в российском законодательстве обуславливает необходимость обращения к международным и зарубежным актам, а также к доктрине. В работах отечественных авторов употребляются понятия «электронная коммерция» и «электронная торговля» как взаимозаменяемые¹.

Восприятие понятий как тождественных восходит к лингвистическим особенностям. Английское слово *commerce* означает «торговля, особенно между странами; покупка и продажа товаров и услуг»² и, соответственно, может переводиться на русский язык и как торговля, и как коммерция. Вносимые в Государственную Думу проекты федеральных законов содержали соответствующее определение понятия электронной торговли³. В статье 3 проекта федерального закона № 11081-3 под электронной торговлей по-

¹ См., например: Кауракова М. В. Изучение опыта исходного состояния отрасли электронной коммерции в России // Евразийская адвокатура. 2023. № 4 (63). С. 118.

² См., например: Oxford Dictionary for Speakers of Russian / English ed. by Sh. Burridge ; Hebrew by J. Levy ; Russian by S. Tomshinsky. Oxford : Lonnie Kahn & Co: Kernerman Publ., 1993.

³ См.: проект федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле», внесенный 3 октября 2000 г. депутатами Государственной Думы РФ В. И. Волховским, Л. С. Маевским, О. А. Финько, А. В. Шубиным ; проект федерального закона № 47432-3 «Об электронной торговле», внесенный 12 января 2001 г. депутатом Государственной Думы РФ В. Я. Комиссаровым ; проект федерального закона № 310163-4 «Об электронной торговле», внесенный 16 июня 2006 г. депутатами В. Я. Комиссаровым, С. В. Ивановым,

нимается заключение путем обмена электронными документами следующих сделок, предусмотренных Гражданским кодексом РФ (но не ограничиваясь ими): купля-продажа, поставка, возмездное оказание услуг, перевозка, заем и кредит, финансирование под уступку денежного требования, банковский вклад, банковский счет, расчеты, хранение, страхование, поручение, комиссия, агентирование, доверительное управление имуществом, коммерческая концессия, простое товарищество, публичное обещание награды, публичный конкурс, а также приобретение и осуществление с использованием электронных средств иных прав и обязанностей в сфере предпринимательской деятельности⁴. Ряд отечественных авторов полагают нецелесообразным применять заимствованный термин «коммерция» при наличии эквивалента на русском языке — «торговля». Так, профессор А. А. Тедеев обосновывает невозможность эффективного правового регулирования экономической деятельности с использованием понятия «электронная коммерция» отсутствием единого подхода на законодательном, доктринальном и практическом уровнях⁵. Взамен автором предлагается не «электронная торговля», а «электронная экономическая деятельность» или более полное «экономическая деятельность, осуществляемая в электронной форме с использованием глобальной компьютерной сети Интернет»⁶.

Использование понятий «электронная коммерция» и «электронная торговля» как взаимо-

заменяемых некорректно в силу того, что данный подход искажает существо содержащихся в них явлений. Электронная торговля не может отождествляться с электронной коммерцией, так как является ее компонентом.

В Рабочей программе ВТО по электронной коммерции электронная коммерция понимается как «производство, распределение, маркетинг, продажа или доставка товаров и услуг с помощью электронных средств»⁷. В рамках Европейского Союза электронная коммерция охватывает широкий спектр экономической деятельности, осуществляемой с помощью сети Интернет, в частности продажу товаров в режиме онлайн; услуги, предлагающие информацию или коммерческие сообщения в режиме онлайн; услуги, предоставляющие инструменты для поиска, доступа и извлечения данных⁸. При этом из сферы электронной коммерции исключаются использование электронной почты или эквивалентных индивидуальных сообщений физическими лицами, действующими вне сферы их торговли, бизнеса или профессии; договорные отношения между работником и его работодателем; обязательный аудит счетов компании или медицинская консультация, требующая физического обследования пациента. Впрочем, подход Европейского Союза находит широкое воплощение.

Закон США о свободе налогообложения в Интернете (The Internet Tax Freedom Act) определяет понятие «электронная коммерция» как любую сделку, осуществляемую через Интернет

А. Н. Хайруллин, К. В. Ветровым, А. А. Кармеевым, С. А. Насташевским, Б. Л. Резником, А. В. Островским, И. В. Лебедевым // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Ст. 3 проекта федерального закона № 11081-З.

При рассмотрении во втором чтении постановлением ГД от 24.04.2004 № 440-IV ГД принято решение отклонить законопроект и снять с дальнейшего рассмотрения.

⁵ См.: Тедеев А. А. Электронная коммерция (электронная экономическая деятельность). Правовое регулирование и налогообложение. М., 2002. С. 14.

⁶ Цит. по: Тедеев А. А. Указ. соч. С. 14.

⁷ Yasmin I. E-commerce in the World Trade Organization: History and latest developments in the negotiations under the Joint Statement. International Institute for Sustainable Development and CUTS International, Geneva. 2020. P. 2.

⁸ Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce) // URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2000/31/oj> (дата обращения: 22.12.2024).

или посредством доступа к Интернету⁹. В судебной практике доступ к Интернету трактуется расширительно, как включающий в себя услуги, которые считаются «сопутствующими» предоставлению интернет-соединения, в том числе домашнюю страницу (home page), электронную почту и обмен мгновенными сообщениями с поддержкой голоса и видео, видеоклипы и персональные электронные хранилища¹⁰.

Например, в докладе по налогообложению электронной коммерции Министерства финансов Индии 2001 г. коммерция рассматривается как «сделки, в которых и оферта, и акцепт производятся с помощью электронных средств связи»¹¹. Аналогичной трактовки придерживается и Министерство международной торговли и промышленности Японии¹². Отечественный экономист С. К. Ильичев понимает электронную коммерцию как совокупность любых форм сделок через информационно-телекоммуникационную сеть¹³.

Сведение электронной коммерции к электронной торговле, а электронной торговли — только лишь к совокупности сделок, проводимых с помощью сети Интернет, исключает существенный перечень видов экономической деятельности, составляющих коммерцию, включая иные интернет-технологии, существующие наряду с сетью Интернет.

Американский экономист Г. П. Шнайдер считает необходимым рассматривать понятие «электронная коммерция» в самом широком

смысле и включать в него все виды деятельности, в которых используются интернет-технологии¹⁴. С точки зрения видов деятельности, помимо четырех категорий электронной торговли (B2B, B2C, B2G, C2G), определяющее значение имеет и такая составляющая, как бизнес-процессы. В нее могут быть включены внешние и внутренние сношения участников рынка в части транзакций, найма персонала, планирования и прогнозирования, маркетинговых процессов, действий, направленных на поддержку своих закупок и продаж, функционирования комплаенс-отделов и иных структурных подразделений, функционирование электронного предприятия, электронные услуги бизнес-консультирования. С технологической стороны не стоит опосредовать осуществление сделок исключительно сетью Интернет. К интернет-технологиям относятся Интернет, Всемирная паутина (World Wide Web) и другие технологии, такие как беспроводная передача данных в мобильных телефонных сетях.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной коммерции (торговле) 1996 г.¹⁵ в ст. 2 не упоминает определение понятия «электронная коммерция». Вместе с тем в примечании к ст. 1 Модельный закон оговаривает, что «термин “торговая” следует толковать широко, с тем чтобы он охватывал вопросы, вытекающие из всех отношений торгового характера, как договорных, так и недоговорных».

В результате стремительного развития технологий возможно и потенциальное изменение

⁹ Section 1104 (3) The Internet Tax Freedom Act, 1998 // URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/senate-bill/442/text> (дата обращения: 22.12.2024).

¹⁰ Colo. DOR, Pvt. Ltr. Rul. PLR-15-003 (Feb. 4, 2015) ; Colo. DOR, Pvt. Ltr. Rul. PLR-15-001 (Feb. 4, 2015).

¹¹ Васильева Н. М. Электронная коммерция как правовая категория // Юрист. 2006. № 5. С. 2–6.

¹² Например, в докладе, посвященном эпохе цифровой экономики, электронная коммерция рассматривается как проведение коммерческих сделок с помощью электронных средств с использованием интернет-технологий. См.: Towards the Age of the digital Economy — For Rapid Progress in the Japanese Economy and World Economic Growth in the 21st Century. Ministry of International Trade and Industry, Government of Japan. 1997.

¹³ См.: Ильичев С. К. Особенности налогообложения в сфере электронной коммерции. М. : Маркет ДС, 2004. С. 12.

¹⁴ См.: Schneider G. P. E-Business. 9th ed. United States of America, 2011. P. 4.

¹⁵ UNCITRAL. Model Law on Electronic Commerce (1996) with additional article 5 bis as adopted in 1998 // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/19-04970_ebook.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

содержания понятия «электронная коммерция» в связи с появлением и онтогенезом новых видов экономической деятельности: электронного обмена данными (Electronic Data Interchange — EDI), электронных переводов средств (Electronic Funds Transfers — EFTs), мобильной телефонной коммерции (mobile commerce).

В работах ряда авторов понятия «электронная коммерция» и «электронный бизнес» используются как синонимичные, что не является верным¹⁶. Электронный бизнес предполагает определенную (полностью или частично цифровую) модель ведения хозяйственной деятельности.

В Справочнике по электронному бизнесу корпорации IBM электронный бизнес (e-business) понимается как преобразование бизнес-процессов с использованием технологий Всемирной паутины (Интернет — Internet, Интранет — Intranet и Экстранет — Extranet) для обеспечения возможности ведения бизнеса в любом месте и в любое время¹⁷. Электронная коммерция, сводимая к продаже товаров и услуг через сеть Интернет, в таком случае выступает ядром, одним из основных элементов электронного бизнеса. Американский статист и экономист Т. Мезенбург определяет электронный бизнес иначе — как используемую для поддержки операционных бизнес-процессов и ведения электронной торговли инфраструктуру, включающую в себя аппаратное и программное обеспечение, телекоммуникационные сети, вспомогательные услуги и человеческий капитал¹⁸. Российский экономист В. Г. Борщев отмечает, что электронный бизнес прежде всего предполагает такую модель осуществления бизнес-процессов, при которой вся коммерче-

ская деятельность или ее часть основана на использовании сети Интернет, иных информационных и компьютерных технологий¹⁹. В правовой доктрине А. И. Савельев приходит к выводу, что в «электронный бизнес» необходимо включать цифровые технологии, обеспечивающие оптимизацию хозяйственных бизнес-процессов, а потому понятие «электронная коммерция» уже понятия «электронный бизнес»²⁰.

Анализ сложившихся походов показывает, что понятие электронного бизнеса (e-business) является наиболее широким, включает в себя в том числе использование совокупности различных информационных технологий в связи с ведением бизнеса: внутренние формы оптимизации бизнес-процессов (онлайн-предприятие, совершенствование системы планирования и контроля, управления штатом, разработки продукта, управления взаимоотношений с клиентами (CRM), устранения отходов) и внешние (в части транзакций, найма, поддержки закупок и продаж, функционирования комплаенс-отделов, электронных услуг бизнес-консультирования). Так, электронная коммерция — частное проявление, разновидность электронного бизнеса. Электронная коммерция охватывает как непосредственно продажу (поставку, аренду, агентирование, кредит и пр.), так и производство, распределение, доставку, продвижение товаров и услуг с помощью электронных средств связи. Таким образом, отношения по осуществлению электронных коммерческих сделок выступают основным компонентом электронной коммерции.

При квалификации электронной трансграничной коммерческой сделки ошибочно

¹⁶ См., например: *Кобелев О. А.* Электронная коммерция : учеб. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Дашков и К, 2020. С. 7 ; *Jackson P., Harris L., Eckersley P.* E-Business Fundamentals. London ; New York : Routledge, 2011. P. 131–133.

¹⁷ IBM iSeries e-business Handbook : A V5R1 Technology and Product Reference. IBM. October 2001. P. 5–6 // URL: <https://www.redbooks.ibm.com/redbooks/pdfs/sg246711.pdf>.

¹⁸ *Mesenbourg Th. L.* Measuring Electronic Business. U. S. Bureau of the Census // URL: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2001/econ/ebusasa.pdf> (дата обращения: 22.12.2024).

¹⁹ *Борщев В. Г.* Становление и развитие предпринимательской деятельности в интернет-экономике : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2004. С. 16–17.

²⁰ См.: *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. С. 25–28.

ограничивать способ ее осуществления исключительно сетью Интернет. Этот подход не соответствует признакам технологической нейтральности, закрепленным в Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронной коммерции 1996 г. На корректность употребления именно словосочетания «информационно-телекоммуникационная сеть» обращает внимание А. И. Савельев. Однако автор делает вывод, что «на данном этапе о наличии каких-либо иных информационно-телекоммуникационных сетей не приходится говорить»²¹, потому при определении понятия электронной коммерции целесообразно упоминать только Интернет. С подобным подходом затруднительно согласиться.

Во-первых, речь идет об информационно-телекоммуникационных сетях и электронных средствах связи. Комплекс включает разнообразные технические средства: сети, электронную почту, телеграф, телекс, телефакс и другие электронные средства связи.

Во-вторых, следует принимать во внимание технологические аспекты. Интернет не единственная информационно-телекоммуникационная сеть. Существует, например, сеть Aeronet, созданная для авиационных предприятий, в том числе предоставляющая сервис, связанный с резервированием и продажей авиационных билетов²². Эта сеть также предполагает стандартизацию приборов, калибровки, обработки и распространения данных²³. Другим примером может служить созданная в рамках Европейского Союза сеть Euronet, предоставляющая обширный спектр сервиса для пользователей²⁴. Вопрос об использовании Интранета как средства обеспечения ведения бизнеса в части осуществления сделок может подвергаться дискуссии. Однако Экстранет является связывающей клиентов, партнеров и поставщиков, изолированной от

Интернета частной сетью, хотя и построенной на технологиях Интернета, но могущей быть физически изолированной от него.

Не следует включать в электронные трансграничные коммерческие сделки только лишь сделки купли-продажи. В данной перспективе отнесение широкого спектра правоотношений неисчерпывающим перечнем является единственно верным. Подобный подход, отраженный, в частности, в Типовом законе ЮНСИТРАЛ, в проекте федерального закона «Об электронной торговле»²⁵, в американском The Internet Tax Freedom Act²⁶, является проекцией бизнес-практики, которая демонстрирует многообразии заключаемых сделок. В примечании к ст. 1 Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной коммерции 1996 г. оговаривает, что отношения торгового характера включают следующие сделки, не ограничиваясь ими: любые торговые сделки на поставку товаров или услуг или обмен товарами или услугами; дистрибьюторские соглашения; коммерческое представительство и агентские отношения; факторинг; лизинг; строительство промышленных объектов; предоставление консультативных услуг; инжиниринг; куплю/продажу лицензий; инвестирование; финансирование; банковские услуги; страхование; соглашения об эксплуатации или концессии; совместные предприятия и другие формы промышленного или предпринимательского сотрудничества; перевозку товаров и пассажиров воздушным, морским, железнодорожным или автомобильным транспортом.

Трансграничный характер рассматриваемых в настоящей работе сделок может быть выявлен через тесную связь с правопорядками двух или более государств. Ключевым вопросом в таком случае выступает выявление конкретных признаков, на основании которых можно сделать

²¹ Савельев А. И. Указ. соч.

²² См.: Смоленцев Н. И. Информационные сети и телекоммуникации. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2011. С. 26–27.

²³ См.: URL: <https://aeronet.gsfc.nasa.gov>.

²⁴ См.: Бройдо В. Л., Ильина О. П. Вычислительные системы, сети и телекоммуникации : учебник для вузов. 4-е изд. СПб. : Питер, 2011. С. 439–441.

²⁵ Проект федерального закона № 11081-3.

²⁶ Section 1104 (3) The Internet Tax Freedom Act, 1998.

вывод о наличии тесной связи с правопорядками нескольких стран применимо к отношениям, закрепленным в цифровой форме.

Трансграничный коммерческий характер сделок большинством авторов (И. С. Зыкиным, Л. П. Ануфриевой, Г. К. Дмитриевой, М. М. Богуславским) определяется по двум критериям: опосредованности предпринимательской деятельности и местонахождению коммерческих предприятий в разных государствах. Последний находит свое отражение и в положениях законодательных актов, в частности в альтернативной диспозиции нормы, закрепленной в ч. 3 ст. 1 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже»²⁷.

Первично характерный территориальный признак и само понятие «коммерческое предприятие» используются в целом ряде международных конвенций: Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г., Конвенции УНИДРУА по международным факторинговым операциям 1988 г., Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже товаров 1974 г., Конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986 г. Закрепление критерия «местонахождение коммерческих предприятий в разных государствах» в многочисленных международных договорах свидетельствует о его универсальности и общепризнанности. Поскольку упомянутые конвенции не раскрывают содержания данного понятия, возникают трудности с его толкованием.

Стоит акцентировать внимание на том, что используемое в англоязычных текстах указанных документов понятие *place of business* лексически не тождественно понятию «коммерческое предприятие». Как отмечает Л. П. Ануфриева,

очевидно и то, что мы не можем ставить знак равенства между понятиями *place of business* и «национальность юридического или физического лица», или «оседлость», или же «местонахождение» юридического либо физического лица²⁸. В комментарии к Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. И. С. Зыкин пишет, что из анализа отдельных положений, использования этого понятия в различных иностранных языках и комментариев других авторов можно сделать вывод, что речь идет о постоянном месте осуществления деловых операций²⁹. Так, необходима разработка единого универсального определения понятия «местонахождение коммерческих предприятий в разных государствах».

Возможно заключить, что под коммерческим предприятием следует понимать место осуществления деловой активности субъекта предпринимательской деятельности.

При определении места осуществления деловых операций необходимо учитывать специфику электронных сделок, развитие способов заключения сделок в сети Интернет, особенности использования доменов, появление *click-wrap*- и *browse-wrap*-соглашений, общедоступный характер веб-сайта. Если речь идет о деятельности так называемых виртуальных компаний (у компании нет физического присутствия и персонала, есть только веб-сайт, работу которого обеспечивает веб-сервер), не в каждом случае возможно установить местонахождение коммерческого предприятия — участника сделки, поскольку отсутствует связь с физическим (географическим) местонахождением³⁰. Вопреки выводам А. В. Зажигалкина о том, что место расположения оборудования или установленного на нем программного обеспечения может быть квалифицировано как место

²⁷ Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240.

²⁸ См.: Ануфриева Л. П. Международное частное право : учебник : в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 2. М. : Бек, 2002. С. 134.

²⁹ См.: Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: Комментарий / М. М. Богуславский [и др.] ; ред. В. И. Кулешова. М. : Юридическая литература, 1994. С. 9–12.

³⁰ См.: Горшкова Л. В. Правовые проблемы регулирования частных правовых отношений международного характера в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 99–100.

нахождения предприятия при наличии на него вещных прав, включая, но не ограничиваясь арендой³¹, с данным подходом сложно согласиться. При очевидном осложнении вопроса существованием «международных» доменов (com, edu, online, shop, tech, space, могущие быть приобретенными любым лицом любого государства) веб-сайты в своем большинстве располагаются на серверах, физически находящихся в странах Европейского Союза и США, могущих принадлежать любому лицу любого государства на любом вещном праве, от собственности до аренды. Это обусловлено как техническими причинами, так и целями минимизации затрат поставщиков соответствующих услуг при обеспечении максимально возможного качества, поиска наиболее комфортного правового режима.

Выявление трансграничного характера сделок, осуществляемых в цифровой форме, осложняется тем, что информация мгновенно пересекает границы государств и доступ к ней может быть осуществлен географически из любой точки мира. При использовании технологий и сервисов, которые позволяют установить зашифрованное соединение в сети Интернет через подключение к виртуальной частной сети, де-юре местоположение стороны не будет соответствовать фактическому. Как следствие, отношения, возникающие в сфере электронной трансграничной коммерции, одновременно могут быть связаны с правом широкого круга государств: по доктрине оседлости, доменной связи, эксплуатационной связи.

Более того, сделка может быть заключена, когда одна из сторон является анонимом. Сервисы, внедрившие электронных агентов (например, интеграция бота на веб-сайт или в мессенджер) позволяют покупателю, в том числе индивидуальному предпринимателю, заклю-

чить сделку без идентифицирующих признаков, используя при этом анонимные формы и способы оплаты. Обязательную идентификацию пользователя по номеру телефона для заключения сделок на маркетплейсах, будь то российские Ozon, «Яндекс.Маркет», Wildberries или зарубежные Amazon, Ebay, Walmart, возможно обойти посредством получения кода на виртуальный номер (например, с помощью сервисов Grizzly SMS или 365SMS).

И. В. Гетьман-Павлова обращает внимание на имеющую место заинтересованность государства в распространении своей юрисдикции на те или иные регулируемые общественные отношения. Характеристика же правоотношений по осуществлению электронной сделки как трансграничных должна опираться на реальную связь с двумя и более правопорядками. Такая связь, по мнению автора, подразумевает две составляющие. Первая — правоустанавливающие, правоизменяющие или правопрекращающие факты вызывают наступление правовых последствий в нескольких правопорядках. Вторая — в основе трансграничного правоотношения лежит юридический факт, юридическое значение которому придается в рамках правопорядков соответствующих государств³².

Для установления трансграничного характера электронной сделки представляется верной предложенная в доктрине концепция «целенаправленной деятельности»³³. Целенаправленность может быть активной и пассивной. К активным способам относятся, например, email- и СМС-рассылки, персональные предложения, к пассивным — рекламные сообщения, предназначенные для неопределенного круга лиц, информация на веб-сайтах компании. Об ориентированности на соответствующий рынок свидетельствуют язык веб-сайта, валюты цены товара или услуги, доменная зона.

³¹ См.: *Зажигалкин А. В.* Международно-правовое регулирование электронной коммерции : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 48–54.

³² См.: *Гетьман-Павлова И. В.* Международное частное право : учебник для вузов : в 3 т. Т. 3. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 149–159.

³³ См.: *Мальцев А. С.* Коллизионно-правовое регулирование трансграничных гражданско-правовых отношений, возникающих в процессе электронного взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 17–18.

Так, только лишь реальная тесная связь сделки с двумя и более правопорядками выступает основанием для ее квалификации как трансграничной. Традиционный подход, устанавливающий в качестве основополагающего критерия для признания правоотношений трансграничными местонахождение коммерческих предприятий в разных государствах, не способен исчерпывающим образом отвечать на вызовы реалий цифрового пространства. Выявить реальную связь с несколькими правопорядками отношений в цифровой среде возможно посредством применения совокупно различных подходов: опираясь на концепции постоянного места осуществления деловых операций, места нахождения сервера, доктрины доменной и эксплуатационной связи, целенаправленной деятельности с учетом как активных, так и пассивных способов передачи информации.

Из вышеизложенного можно сделать ряд выводов. Под электронной трансграничной коммерческой сделкой следует понимать заключенную посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей и электронных средств связи, имеющую реальную тесную связь с правопорядками двух или более государств, опосредованную предпринимательской деятельностью сделку, направленную на возникновение, изменение и прекращение частноправовых отношений. Использование понятий «электронная коммерция», «электронная торговля», «электронный бизнес», «электронная

сделка» как взаимозаменяемых некорректно и искажает существо содержащихся в них явлений. Электронный бизнес включает цифровые технологии, обеспечивающие оптимизацию хозяйственных бизнес-процессов, а потому понятие электронного бизнеса шире понятия электронной коммерции. Отношения по заключению, исполнению и расторжению электронных сделок выступают основным компонентом электронной коммерции.

При квалификации электронной трансграничной коммерческой сделки ошибочно ограничивать способ ее осуществления исключительно сетью Интернет. Такой подход не соответствует признакам технологической нейтральности, закрепленным в Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронной коммерции 1996 г.

Трансграничный характер подобных сделок может быть выявлен через реальную тесную связь с правопорядками двух или более государств, которая может быть установлена посредством применения совокупно различных критериев: местонахождения коммерческих предприятий в разных государствах, места осуществления деловых операций, доменной и эксплуатационной связи, доктрины целенаправленной деятельности. При этом корректна характеристика сделки как трансграничной, а не международной, что подчеркивает существо частных правоотношений и исключает межгосударственные правоотношения субъектов международного публичного права, наделенных суверенитетом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ануфриева Л. П.* Международное частное право : учебник : в 3 т. Т. 2. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Бек, 2002. — 656 с.
2. *Борщев В. Г.* Становление и развитие предпринимательской деятельности в интернет-экономике : дис. ... канд. экон. наук. — СПб., 2004. — 150 с.
3. *Бройдо В. Л., Ильина О. П.* Вычислительные системы, сети и телекоммуникации : учебник для вузов. — 4-е изд. — СПб. : Питер, 2011. — 560 с.
4. *Васильева Н. М.* Электронная коммерция как правовая категория // Юрист. — 2006. — № 5. — С. 2–6.
5. *Гетьман-Павлова И. В.* Международное частное право : учебник для вузов : в 3 т. Т. 3. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2024. — 271 с.
6. *Горшкова Л. В.* Правовые проблемы регулирования частноправовых отношений международного характера в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 184 с.

7. *Зажигалкин А. В.* Международно-правовое регулирование электронной коммерции : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2005. — 189 с.
8. *Ильичев С. К.* Особенности налогообложения в сфере электронной коммерции. — М. : Маркет ДС, 2004. — 188 с.
9. *Кауракова М. В.* Изучение опыта исходного состояния отрасли электронной коммерции в России // Евразийская адвокатура. — 2023. — № 4 (63). — С. 117–129.
10. *Кобелев О. А.* Электронная коммерция : учеб. пособие. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Дашков и К, 2020. — 682 с.
11. *Мальцев А. С.* Коллизионно-правовое регулирование трансграничных гражданско-правовых отношений, возникающих в процессе электронного взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 26 с.
12. *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2020. — 918 с.
13. *Смоленцев Н. И.* Информационные сети и телекоммуникации. — Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2011. — 93 с.
14. *Тедеев А. А.* Электронная коммерция (электронная экономическая деятельность). Правовое регулирование и налогообложение. — М., 2002. — 224 с.
15. *Schneider G. P.* E-Business. — 9th ed. — United States of America, 2011. — 534 p.
16. *Jackson P., Harris L., Eckersley P.* E-Business Fundamentals. — London ; New York : Routledge, 2011. — 272 p.
17. *Yasmin I.* E-commerce in the World Trade Organization: History and latest developments in the negotiations under the Joint Statement. — International Institute for Sustainable Development and CUTS International, Geneva, 2020. — 29 p.

Материал поступил в редакцию 23 декабря 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anufrieva L. P. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: v 3 t. T. 2: Osobennaya chast: uchebnik. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Bek, 2002. — 656 s.
2. Borshchev V. G. Stanovlenie i razvitie predprinimatelskoy deyatel'nosti v internet-ekonomike: dis. ... kand. ekon. nauk. — SPb., 2004. — 150 s.
3. Broydo V. L., Ilina O. P. Vychislitel'nye sistemy, seti i telekommunikatsii: uchebnik dlya vuzov. — 4-e izd. — SPb.: Piter, 2011. — 560 s.
4. Vasileva N. M. Elektron'naya kommertsiya kak pravovaya kategoriya // Yurist. — 2006. — № 5. — S. 2–6.
5. Getman-Pavlova I. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: v 3 t. T. 3: Materialno-protsessualnye i protsessualnye otrasli: uchebnik dlya vuzov. — 6-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurayt, 2024. — 271 s.
6. Gorshkova L. V. Pravovye problemy regulirovaniya chastnopravovykh otnosheniy mezhdunarodnogo kharaktera v seti Internet: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2005. — 184 s.
7. Zazhigalkin A. V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie elektronnoy kommertsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2005. — 189 s.
8. Ilichev S. K. Osobennosti nalogooblozheniya v sfere elektronnoy kommertsii. — M.: Market DS, 2004. — 188 s.
9. Kaurakova M. V. Izuchenie opyta iskhodnogo sostoyaniya otrasli elektronnoy kommertsii v Rossii // Evraziyskaya advokatura. — 2023. — № 4 (63). — S. 117–129.
10. Koblelev O. A. Elektron'naya kommertsiya: ucheb. posobie. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Dashkov i K, 2020. — 682 s.

11. Maltsev A. S. Kollizionno-pravovoe regulirovanie transgranichnykh grazhdansko-pravovykh otnosheniy, vznikayushchikh v protsesse elektronnoy vzaimodeystviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2006. — 26 s.
12. Savelev A. I. Elektronnaya kommertsiya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2020. — 918 s.
13. Smolentsev N. I. Informatsionnye seti i telekommunikatsii. — Chelyabinsk: Izdatelskiy tsentr YuUrGU., 2011. — 93 s.
14. Tedeev A. A. Elektronnaya kommertsiya (elektronnaya ekonomicheskaya deyatel'nost'). Pravovoe regulirovanie i nalogooblozhenie. — M., 2002. — 224 s.
15. Schneider G. P. E-Business. — 9th ed. — United States of America, 2011. — 534 p.
16. Jackson P., Harris L., Eckersley P. E-Business Fundamentals. — London; New York: Routledge, 2011. — 272 p.
17. Yasmin I. E-commerce in the World Trade Organization: History and latest developments in the negotiations under the Joint Statement. — International Institute for Sustainable Development and CUTS International, Geneva, 2020. — 29 p.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.089-096

В. С. Блинов*

Особенности ответственности контролирующих акционеров перед компанией и иными акционерами в корпоративном праве Китая

Аннотация. В рамках исследования особенностей привлечения к ответственности контролирующих акционеров за ущерб, причиненный корпорации и иным ее участникам, автором делаются следующие выводы: 1) в китайском законодательстве и доктрине корпоративного права наблюдается явный отход от категорий миноритарного и мажоритарного акционера, на место которых приходит концепция контролирующего и неконтролирующего акционера; 2) базовыми основаниями привлечения контролирующих акционеров к ответственности перед корпорацией и (или) другими участниками являются, во-первых, злоупотребление правами, нарушение закона, устава корпорации или административных правил в целях причинения ущерба корпорации и (или) иным акционерам; во-вторых, использование отношений аффилированности с другими компаниями во вред корпорации; в-третьих, дача указаний управляющим и директорам с целью причинения последними ущерба интересам корпорации; 3) китайское корпоративное право предусматривает возможность предъявления прямых исков неконтролирующих акционеров к контролирующим.

Ключевые слова: корпоративный контроль; контролирующие лица; контролирующие акционеры; ответственность контролирующих лиц; корпоративное право Китая; право КНР; корпорация в Китае; корпоративный конфликт; злоупотребление правами; косвенный иск; прямой иск акционера.

Для цитирования: Блинов В. С. Особенности ответственности контролирующих акционеров перед компанией и иными акционерами в корпоративном праве Китая // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 89–96. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.089-096.

Distinctive Features of Controlling Shareholders' Liability to the Company and Other Shareholders under Chinese Corporate Law

Vladimir S. Blinov, Postgraduate Student, Department of Business and Corporate law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
blinov.vladimir1998@gmail.com

Abstract. Within the framework of the study examining the mechanisms for holding controlling shareholders liable for damage caused to the corporation and its other shareholders, the author arrives at the following conclusions: (1) Chinese legislation and corporate law doctrine departure from the categories of a “minority” and “majority” shareholder that are being replaced by the concepts of “controlling” and “non-controlling” shareholder; (2) The principal grounds for imposing liability on controlling shareholders towards the corporation and/or other participants are as follows: the abuse of rights, violation of law, the corporation’s charter, or administrative

© Блинов В. С., 2025

* Блинов Владимир Сергеевич, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
blinov.vladimir1998@gmail.com

regulations for the purpose of causing harm to the corporation and/or other shareholders; the use of affiliated relationships with other entities to the detriment of the corporation; giving instructions to executives and directors with the intent of inducing them to take actions harmful to the corporation's interests; (3) Chinese corporate law provides for the possibility for non-controlling shareholders to bring direct claims against controlling shareholders.

Keywords: Corporate control; controlling parties; controlling shareholders; liability of controlling parties; corporate law of China; PRC law; corporation in China; corporate conflict; abuse of rights; derivative claim; direct shareholder claim.

Cite as: Blinov VS. Distinctive Features of Controlling Shareholders' Liability to the Company and Other Shareholders under Chinese Corporate Law. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2025;20(8):89-96. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.089-096.

Введение

Проблема юридической ответственности акционеров — одна из наиболее дискуссионных тем в науке корпоративного права, в то время как правоприменительная практика предоставляет обширную эмпирическую базу.

Как известно, юридическое лицо является самостоятельным субъектом права, владеющим имуществом и самостоятельно несущим имущественную ответственность по своим долгам. Это, в свою очередь, является его преимуществом и важнейшим фактором, обуславливающим выбор такой формы осуществления предпринимательской деятельности. Вместе с тем признание за юридическим лицом прав и самостоятельных интересов непременно налагает на его учредителей определенные обязанности и ограничения, в частности отдельный запрет на совершение действий, влекущих причинение юридическому лицу ущерба.

Можно заметить, что в российской правовой науке наблюдается сравнительно малое количество исследований, посвященных анализу указанной проблематики через призму китайского законодательства. Помимо этого, учитывая, что в России и Китае фиксируется высокая степень концентрации акционерного капитала в руках отдельных лиц¹, многие выводы, сделанные в отношении одного правового порядка, можно при-

менить и при исследовании другого. И в то же время различные правовые подходы к решению одних и тех же проблем можно сравнить с точки зрения их эффективности.

В связи с вышеизложенным видится целесообразным описание правил привлечения контролирующих акционеров к юридической ответственности за вред, причиненный корпорации и иным акционерам, в соответствии с нормами корпоративного права КНР именно с позиции выделения особенностей данного института, не характерных для российского правового порядка.

Понятие «контролирующий акционер» в праве КНР

Контролирующим акционером в соответствии со ст. 265 Закона КНР о компаниях² является:

- а) акционер, владеющий более чем 50 % акций компании, либо
- б) акционер, владеющий 50 и менее процентами акций, при условии что его голоса в силу имеющейся доли в уставном капитале достаточно, чтобы повлиять на принятие решений общим собранием акционеров.

На первый взгляд может показаться, что первая часть этого определения настолько же ясна и понятна, насколько расплывчата формулировка второй части. Поэтому необходимо обратиться к иным актам. Например, согласно

¹ Ян Тяньфан. Правовое регулирование корпоративного управления в РФ и КНР: сравнительное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 3, 161.

² Закон КНР «О компаниях» (《中华人民共和国公司法》) : принят Всекитайским собранием народных представителей 29 декабря 1993 г. (в ред. от 29.12.2023) // URL: <https://flk.npc.gov.cn/> (дата обращения: 23.11.2024).

п. 84 положения «О регулировании приобретения крупных пакетов акций листинговых компаний»³ контролирующим акционером компании, прошедшей процедуру листинга, признается акционер, владеющий более чем 30 % акций либо способный определять более половины состава совета директоров.

Таким образом, подзаконными актами для публичных компаний расширяется (уточняется) перечень оснований для признания акционера контролирующим, тем не менее он остается открытым и крайне неопределенным.

Отсюда китайские правоведы выделяют два подхода к понятию «контролирующий акционер»: формальный, то есть основанный на владении акционерами определенным количеством голосующих акций, и материальный, обозначающий наличие права на контроль у акционера, владеющего 50 и менее процентами участия в уставном капитале компании⁴. Выделение формального и материального подходов, в свою очередь, привело к отходу от классификации акционеров на мажоритарных и миноритарных и замене указанных категорий на «контролирующих» и «неконтролирующих»⁵. В настоящее время проблема сводится лишь к определению наличия контроля.

Некоторые китайские правоведы отмечают и недостатки такого законодательного подхода. Например, Чжао Сюдун⁶ обосновывает наличие в китайском корпоративном законодательстве разрыва между фактическим положением контролирующего акционера и его юридическим статусом, а точнее его полным отсутствием. Данная проблема актуальна и для российского правопорядка.

С одной стороны, общий принцип корпоративного права one share — one vote, предполагающий пропорциональность объема правомочий участника количеству принадлежащих ему акций, должен сводить на нет любые попытки наделения особыми правами и обязанностями мажоритарных акционеров, так как они обладают теми же правами и обязанностями, что и любые другие акционеры. Различия сводятся лишь к критерию владения определенным количеством акций. В связи с этим можно бы было сделать однозначный вывод об отсутствии необходимости рассматривания контролирующего акционера в качестве особого субъекта корпоративных правоотношений.

С другой стороны, нельзя упускать из виду следующие обстоятельства:

— *во-первых*, как в России, так и в Китае широкое распространение в практике получил акционероцентричный подход к корпоративному управлению, предполагающий закрепление за общим собранием акционеров всех важных вопросов судьбы корпорации. Следовательно, контролирующий акционер, владеющий более чем 50 % голосов на общем собрании акционеров, фактически вправе самостоятельно принимать почти все важные для компании решения, в том числе формировать состав иных органов корпорации, если иное не предусмотрено уставом корпорации, следовательно, члены остальных органов корпорации, избранные контролирующим акционером, чаще всего являются зависимыми от него;

— *во-вторых*, никто не запрещает участникам самим установить особенности корпоративного управления и размер распределяемой

³ Положение «О регулировании приобретения крупных пакетов акций листинговых компаний» (《上市公司收购管理办法》): приказ Комиссии по регулированию ценных бумаг Китая от 28.09.2002 № 10 (в ред. от 20.03.2020) // URL: <http://www.csrc.gov.cn/csrc/c106256/c1653983/content.shtml> (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ Ван Цзяньвэнь. Об основах и способах введения фидуциарных обязанностей контролирующих акционеров в законодательство Китая // Сравнительно-правовые исследования. 2020. № 1. С. 96 (王建文:论我国构建控制股东信义义务的依据与路径 // 《比较法研究》2020年第1期 第96页).

⁵ Ван Цзяньвэнь. Указ. соч. С. 95.

⁶ Чжао Сюдун. Контролирующие акционеры в корпоративном управлении и их правовое положение // Правовые исследования. 2020. № 4. С. 96 (赵旭东:公司治理中的控股股东及其法律规制 // 《法学研究》2020年第4期 第96页).

компанией прибыли в уставе и корпоративном договоре;

— в-третьих, законодательство России и Китая знает примеры наделения участников корпораций определенными правами в зависимости от наличия у них определенного процента долей в уставном капитале. Например, согласно ст. 113 Закона КНР о компаниях акционеры, владеющие не менее чем 10 % акций, вправе требовать созыва внеочередного общего собрания акционеров, и в российском законодательстве имеется аналогичная норма⁷.

Таким образом, вопрос о наделении контролирующего акционера особым статусом актуален и противоречив как для России, так и для Китая.

Основания привлечения к ответственности контролирующих акционеров

Говоря об основаниях возникновения юридической ответственности контролирующих акционеров, можно отметить следующие положения Закона КНР о компаниях и Гражданского кодекса КНР⁸ (далее — ГК КНР):

1. Нарушение общего правила о запрете нарушения закона, административных правил и устава компании, а также злоупотребление правами акционера с целью нанесения ущерба интересам компании и иным акционерам (ст. 21 Закона КНР о компаниях, ст. 83 ГК КНР). Если нарушение явно выраженных правил устава и закона поддается сравнительно несложной идентификации, то злоупотребление правами всегда является крайне субъективной категорией. Как справедливо отмечает О. В. Поротикова, *«запрет злоупотреблять гражданскими правами из-за своей абсолютизации превратился в обратное — в плохо дока-*

*зуемое, а следовательно, почти не требующее доказывания утверждение стороны, которое волюнтаристски может быть поддержано судом»*⁹. И. А. Покровский также видел в запрете на злоупотребление правами каучуковую норму¹⁰, предполагающую, что ее содержание будет раскрыто уже в суде. Наиболее распространенный случай злоупотребления правами акционеров — злоупотребление правом на информацию, например запрос одних и тех же документов. Вместе с тем, если говорить о контролирующих акционерах, которым очевидно не нужно направлять в общество запросы, поскольку им, как правило, подконтрольны совет директоров и законный представитель компании, здесь злоупотребление правом не распространено. Такие акционеры злоупотребляют своими правами, как правило, с явно корыстной целью использования имущества корпорации в своих интересах.

Так, в одном из дел Верховный народный суд КНР установил, что ответчик злоупотребил своим правом в качестве контролирующего акционера, владея 51 % акций компании и являясь ее законным представителем, путем предоставления обществу фиктивных займов в размере 20 млн юаней с целью дальнейшего и уже реального получения возврата денежной суммы в размере около 50 млн юаней. При этом сделки были совершены в период судебного спора о правах ответчика на акции общества¹¹. Однако из условий этого дела прямо следует, что ответчик скорее злоупотребил своим положением контролирующего акционера, а не правами, так как прав на предоставление фиктивного займа нет ни у кого в принципе. Но практика по вопросу о злоупотреблении правами контролирующими акционерами всё еще находится на стадии формирования.

⁷ Ст. 55 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

⁸ Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. П. В. Трощинский. М. : Синосфера, 2020.

⁹ Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.] ; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023. С. 70.

¹⁰ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М. : Статут, 2020. С. 118.

¹¹ Решение Верховного народного суда КНР (2021) по заявлению от 28.04.2021 № 1357 (дата публикации: 30 августа 2021 г.) (民事裁定书中华人民共和国最高人民法院 案号 (2021) 最高法民申1357号 裁判日期: 2021-04-28 (发布日期2021-08-30)) // URL: <http://wenshu.court.gov.cn> (дата обращения: 27.11.2024).

2. Использование отношений аффилированности во вред интересам корпорации и иных акционеров (ст. 22 Закона КНР о компаниях, ст. 84 ГК КНР). Одновременно китайские правоведы вполне справедливо отмечают недостаточную ясность данного законодательного положения, что приводит к общей неэффективности указанной нормы¹². Стоит отметить, что приведенное законоположение не предусматривает никаких презумпций вины контролирующего акционера при совершении сделки между компанией и аффилированным лицом такого акционера. Более того, отсюда могло бы следовать то, что запрет на использование отношений аффилированности во вред интересам корпорации не распространяется на неконтролирующих акционеров. Тем не менее только из Толкования Верховного народного суда КНР Закона КНР о компаниях № 5¹³ следует, что в этой норме закона имеется в виду осуществление сделок с заинтересованностью, контрагентом по которым является аффилированное лицо контролирующего акционера, при этом в случае получения соответствующего одобрения от уполномоченного органа компании на совершение данной сделки иск о возмещении убытков, основанный на ссылке на ст. 22 Закона КНР о компаниях, не может быть удовлетворен. Согласно указанному толкованию (п. 1), отчет о совершении сделки с заинтересо-

ванностью подлежит раскрытию перед советом директоров и общим собранием акционеров.

Судебной практикой китайских судов выработан ряд критериев, позволяющих суду решить вопрос о наличии ущерба от такой сделки:

— соответствие цены сделки рыночной стоимости ее предмета и выполнение иных существенных условий¹⁴;

— возмездность совершения сделки¹⁵;

— взаимосвязь совершенной сделки с получением иных выгод, связанных с этой сделкой¹⁶.

Отметим, что ни Гражданский кодекс КНР, ни Закон КНР о компаниях не предусматривают возможности оспаривания сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, в результате которых общество было вынуждено претерпевать убытки. Согласно ныне действующей ст. 153 ГК КНР сделка, нарушающая императивные положения законодательства или подзаконных актов, является недействительной, кроме случаев, когда эти императивные положения не влекут недействительности такой сделки. Статья 21 Закона КНР о компаниях не предусматривает возможности оспаривания таких сделок. Подобный вывод уже озвучивался Верховным народным судом КНР, однако со ссылкой на действующий во время рассмотрения судебного спора Закон КНР о договорах¹⁷.

¹² Чень Дзешу. Системное осмысление регулирования деятельности фактического контролера с точки зрения корпоративного права // Журнал Пекинского технологического института (Общественные науки). 2022. № (24) 5. С. 66 (陈洁实: 实际控制人公司法规制的体系性思考 // 《北京理工大学学报 (社会科学版)》2022, 24(5) 第66页).

¹³ Постановление Верховного народного суда КНР по ряду вопросов, касающихся применения Закона КНР от 28.04.2019 № 5 «О компаниях» (最高人民法院关于适用《中华人民共和国公司法》若干问题的规定 (五)) // URL: <https://flk.npc.gov.cn> (дата обращения: 27.11.2024).

¹⁴ Решение Верховного народного суда КНР (2021) по заявлению от 30.08.2021 № 181 (дата публикации: 14 декабря 2021 г.) (民事判决书 中华人民共和国最高人民法院 案号 (2021) 最高法民再181号 裁判日期: 2021-08-30 (发布日期2021-12-14)) // URL: <http://wenshu.court.gov.cn> (дата обращения: 27.11.2024).

¹⁵ Решение Верховного народного суда КНР (2021) по заявлению 194 от 17.06.2021 (дата публикации: 15 сентября 2021 г.) (民事判决书 中华人民共和国最高人民法院 案号 (2021) 最高法知民终194号 裁判日期: 2021-06-17 (发布日期2021-09-15)) // URL: <http://wenshu.court.gov.cn> (дата обращения: 27.11.2024).

¹⁶ Чжао Сюдун, Лю Бинь. Применение нового закона о компаниях и интерпретация дел, опубликованных Верховным народным судом КНР // Юридическая пресса. 2024. С. 61–62 (赵旭东、刘斌: 新公司法适用与最高人民法院公布案例解读 // 法律出版社、出版时间2024年 第61-62页).

¹⁷ Решение Верховного народного суда КНР (2016) по заявлению от 31.06.2016 № 724 (дата публикации: 28 сентября 2016 г.) (民事裁定书 中华人民共和国最高人民法院 案号 (2016) 最高法民申724号 裁判日期: 2016-06-21 (发布日期2016-09-28)) // URL: <http://wenshu.court.gov.cn> (дата обращения: 27.11.2024).

Стоит обратить внимание и на то, что, согласно последним поправкам к ст. 23 Закона КНР о компаниях, ответственность за вред по сделке будет нести также аффилированная с контролирующим акционером компания.

3. Основанием привлечения к солидарной ответственности контролирующего акционера перед компанией и иными акционерами за вред, причиненный директором, служит получение последним указаний от такого акционера (ст. 192 Закона КНР о компаниях, п. 1 ст. 1169 ГК КНР). Данная норма была введена новой реформой Закона КНР о компаниях 2023 г. и направлена на регламентацию порядка привлечения к ответственности контролирующих лиц компании, включая контролирующих акционеров. Абзац 3 ст. 180 Закона КНР о компаниях прямо вводит определение того, что в западной доктрине именуется *shadow directors* (теневые директора), то есть контролирующего лица, фактически осуществляющего полномочия директора, вручную управляя делами корпорации. Согласно приведенной норме к таким лицам применяются требования, аналогичные требованиям к директорам и законным представителям. Этот пересмотр закона усилил ответственность «теневых директоров» и «фактических директоров» в дополнение к вышеупомянутой ст. 180, подчеркивающей, что контролирующие акционеры, которые не являются директорами компании, но фактически осуществляют дела общества, также обязаны проявлять лояльность к компании. Указанные положения соответствуют солидарной деликтной ответственности, предусмотренной Гражданским кодексом КНР, и помогают в большей степени защитить интересы неконтролирующих акционеров.

Таким образом, китайский законодатель проводит дифференциацию оснований привлечения контролирующего акционера к деликтной ответственности за вред, причиненный компании или другим акционерам.

Прямой и косвенный иски акционеров в корпоративном праве КНР

В китайском корпоративном праве закрепляется возможность предъявления двух видов исков к контролирующему акционеру:

- косвенного иска, предъявляемого от имени компании, направленного на возмещение прямых убытков, причиненных корпорации¹⁸;
- прямого иска, предъявляемого акционером самостоятельно в целях возмещения косвенных убытков истца.

Если концепция косвенного иска нашла отражение в российском правопорядке, то возможность предъявления одним акционером к другому акционеру прямого иска, основанного на нарушении ответчиком прав и (или) интересов истца и связанного с обладанием сторонами прав на акции компании, в России не принимается.

Как можно заметить, совершенно иной подход закреплен в Законе КНР о компаниях. Вместе с тем, учитывая основополагающее правило существования юридического лица, а именно имущественную обособленность компании и акционеров, необходимо понимать, в каких случаях потерпевшей стороной будет компания, а в каких акционер. От ответа на этот вопрос прямо зависит определение надлежащего истца по делу о возмещении причиненных убытков.

Полагаем, что любой прямой ущерб, причиняемый эмитенту, всегда косвенно сказывается на действительной и рыночной стоимости выпущенных им акций, в связи с этим правопорядки многих государств предусматривают возможность предъявления косвенных исков к менеджменту и контролирующим лицам компании. Концепция одна, но конкретные механизмы реализации права на такой иск в каждой юрисдикции будут иметь свои особенности.

Утвердительно отвечая на вопрос о возможности причинения одним акционером ущерба другому акционеру без непосредственного

¹⁸ Подробнее см.: *Ян Тяньфан*. Правовой механизм косвенного иска в России и Китае: сравнительное исследование // Вестник арбитражной практики. 2021. № 5. С. 91–97.

(либо незначительного) вреда для компании, Лю Цзюньхай приводит следующие примеры¹⁹:

1) подделка отчетности компании, вследствие которой:

а) миноритарные акционеры продают акции по заниженной цене, либо

б) миноритарные акционеры покупают акции по завышенной цене (например, при IPO), либо

в) не производится выплата дивидендов или дивиденды распределяются в меньшем размере, чем это могло бы быть;

2) размытие долей миноритарных акционеров.

К сожалению, Лю Цзюньхай не приводит ссылок на практику судов о рассмотрении большинства таких примеров.

Впрочем, Верховным народным судом КНР в 2017 г. был рассмотрен следующий спор: кон-

тролирующий акционер осуществил действия по присвоению получаемой обществом прибыли путем скрытого вывода активов в пользу иных подконтрольных ему компаний. Суд пришел к заключению, что в таком случае акционеры могут напрямую предъявить иск к контролирующему лицу и менеджерам, допустившим такую ситуацию, с требованием о выплате суммы, равной той, на которую они могли бы рассчитывать, если бы нарушения со стороны ответчиков не было²⁰.

Подводя итог, следует сказать, что законодательный и правоприменительный подходы к вопросу ответственности контролирующих корпорацию лиц могут быть различными в тех или иных государствах, но, говоря о китайском регулировании, можно сделать вывод об усилении тенденции повышения внимания к фигуре контролирующего лица в данной юрисдикции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ван Цзяньвэнь. Об основах и способах введения фидуциарных обязанностей контролирующих акционеров в законодательство Китая // Сравнительно-правовые исследования. — 2020. — № 1. — С. 93–105 (王建文:论我国构建控制股东信义义务的依据与路径 // 《比较法研究》2020年第1期 第93-105页).
2. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. П. В. Трошинский. — М.: Синосфера, 2020. — 448 с.
3. Лю Цзюньхай. Об ответственности контролирующих акционеров и контролирующих лиц, злоупотребляющих корпоративным контролем, перед уязвимыми акционерами // Юридический форум. — 2022. — № 2. — С. 81–97 (刘俊海, 论控制股东和实控人滥用公司控制权时对弱势股东的赔偿责任 // 《法学论坛》, 第2期, 2022年3月, 第81-97页).
4. Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.]; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. — М.: Статут, 2023. — 272 с.
5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — 8-е изд. — М.: Статут, 2020. — 351 с.
6. Чень Дзеши. Системное осмысление регулирования деятельности фактического контролера с точки зрения корпоративного права // Журнал Пекинского технологического института (Общественные науки). — 2022. — № (24) 5. — С. 59–70 (陈洁实: 实际控制人公司法规制的体系性思考 // 《北京理工大学学报(社会科学版)》2022, 24(5) 第59-70页).

¹⁹ Лю Цзюньхай. Об ответственности контролирующих акционеров и контролирующих лиц, злоупотребляющих корпоративным контролем, перед уязвимыми акционерами // Юридический форум. 2022. № 2. С. 90 (刘俊海, 论控制股东和实控人滥用公司控制权时对弱势股东的赔偿责任 // 《法学论坛》, 第2期, 2022年3月, 第90页).

²⁰ Решение Верховного народного суда КНР (2016) по заявлению от 28.12.2017 № 528 (дата публикации: 4 марта 2019 г.) (民事裁定书 中华人民共和国最高人民法院 (2016) 最高法民终528号 裁判日期: 2017-12-28 (发布日期2019-03-04)) // URL: <http://wenshu.court.gov.cn> (дата обращения: 27.11.2024).

7. Чжао Сюдун. Контролирующие акционеры в корпоративном управлении и их правовое положение // Правовые исследования. — 2020. — № 4. — С. 92–108 (赵旭东:公司治理中的控股股东及其法律规制 // 《法学研究》2020年第4期第92-108页).
8. Чжао Сюдун, Лю Бинь. Применение нового закона о компаниях и интерпретация дел, опубликованных Верховным народным судом КНР // Юридическая пресса. — 2024. — С. 61–62 (赵旭东、刘斌:新公司法适用与最高人民法院公布案例解读 // 法律出版社、出版时间2024年 页数61–62页).
9. Ян Тяньфан. Правовое регулирование корпоративного управления в РФ и КНР: сравнительное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 268 с.
10. Ян Тяньфан. Правовой механизм косвенного иска в России и Китае: сравнительное исследование // Вестник арбитражной практики. — 2021. — № 5. — С. 91–97.

Материал поступил в редакцию 27 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Van Tszyanven. Ob osnovakh i sposobakh vvedeniya fidutsiarnykh obyazannostey kontroliruyushchikh aktsionerov v zakonodatelstvo Kitaya // Sravnitelno-pravovye issledovaniya. — 2020. — № 1. — S. 93–105 [王建文:论我国构建控制股东信义义务的依据与路径 // 《比较法研究》2020年第1期第93-105页].
2. Grazhdanskiy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliki / otv. red. P. V. Troshchinskiy. — М.: Sinosfera, 2020. — 448 s.
3. Lyu Tszyunkhay. Ob otvetstvennosti kontroliruyushchikh aktsionerov i kontroliruyushchikh lits, zloupotreblyayushchikh korporativnym kontrolem, pered uyazvimymi aktsionerami // Yuridicheskiy forum. — 2022. — № 2. — S. 81–97 [刘俊海, 论控制股东和实控人滥用公司控制权时对弱势股东的赔偿责任 // «法学论坛», 第2期, 2022年3月, 第81-97页].
4. Peregovory v grazhdanskom prave i tsivilisticheskom protsesse: monografiya / R. Yu. Bannikov, O. I. Velichkova, E. A. Evtukhovich [i dr.]; pod red. E. I. Nosyrevoy, D. G. Filchenko. — М.: Statut, 2023. — 272 s.
5. Pokrovskiy I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — 8-e izd. — М.: Statut, 2020. — 351 s.
6. Chen Dzeshi. Sistemnoe osmyslenie regulirovaniya deyatel'nosti fakticheskogo kontrolera s tochki zreniya korporativnogo prava // Zhurnal Pekinskogo tekhnologicheskogo instituta (Obshchestvennye nauki), № (24)5, 2022. — S. 59–70 [陈洁实: 实际控制人公司法规制的体系性思考 // 《北京理工大学学报 (社会科学版)》2022, 24(5) 第59-70页].
7. Chzhao Syudun. Kontroliruyushchie aktsionery v korporativnom upravlenii i ikh pravovoe polozhenie // Pravovye issledovaniya. — 2020. — № 4. — S. 92–108 [赵旭东:公司治理中的控股股东及其法律规制 // 《法学研究》2020年第4期第92-108页].
8. Chzhao Syudun, Lyu Bin. Primenenie novogo zakona o kompaniyakh i interpretatsiya del, opublikovannykh Verkhovnym Narodnym Sudom KNR // Yuridicheskaya pressa. — 2024. — S. 61–62 [赵旭东、刘斌:新公司法适用与最高人民法院公布案例解读 // 法律出版社、出版时间2024年 页数61–62页].
9. Yan Tianfan. Pravovoe regulirovanie korporativnogo upravleniya v RF i KNR: sravnitel'noe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2022. — 268 s.
10. Yan Tianfan. Pravovoy mekhanizm kosvennogo iska v Rossii i Kitae: sravnitel'noe issledovanie // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2021. — № 5. — S. 91–97.

Психическое расстройство как признак тяжкого вреда здоровью в уголовном законодательстве

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия «психическое расстройство» как критерия уголовно наказуемого вреда здоровью, определяющего степень общественной опасности деяния. Обсуждение данного критерия, его смысла и содержания является насущной теоретической и практической проблемой, поскольку его гносеологический аспект требует обращения к различным областям науки. В работе подчеркивается актуальность междисциплинарного подхода, объединяющего правовые и медицинские знания, что необходимо для корректной правоприменительной практики. Рассматриваются исторические изменения терминологии в УК РФ, такие как замена понятий «душевная болезнь» на «психическое расстройство», «телесное повреждение» на «вред здоровью», их влияние на квалификацию преступлений против здоровья. Авторы обосновывают важность учета медицинских классификаций и гармонизации их с юридическими реалиями для обеспечения объективности и единообразия в классификации тяжкого вреда здоровью. На основе сопоставления медико-правового, научного смыслов физической и психической травмы, вреда здоровью и вреда от психического повреждения предлагаются практические решения по определению категории психических расстройств, которые должны оцениваться в качестве причиненного материального, физического, и морального, психического, вреда. Представлена медико-правовая модель психического расстройства как критерия тяжкого вреда здоровью. Статья адресована ученым, юристам и медицинским экспертам, специалистам, занимающимся вопросами правоприменения в области уголовного права.

Ключевые слова: вред в уголовном праве; вред здоровью; психический вред; физический вред; моральный вред; психическая травма; физическая травма; повреждение; психическое расстройство; критерий вреда здоровью; преступление; медико-правовая модель; телесное повреждение.

Для цитирования: Злобина О. Ю., Солодун Ю. В. Психическое расстройство как признак тяжкого вреда здоровью в уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 97–114. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.097-114.

© Злобина О. Ю., Солодун Ю. В., 2025

* Злобина Ольга Юрьевна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры анатомии, оперативной хирургии и судебной медицины Иркутского государственного медицинского университета (ИГМУ) Красного Восстания ул., д. 1, г. Иркутск, Российская Федерация, 664003
o_zlobina70@mail.ru

** Солодун Юрий Владимирович, доктор медицинских наук, профессор кафедры анатомии, оперативной хирургии и судебной медицины Иркутского государственного медицинского университета (ИГМУ) Красного Восстания ул., д. 1, г. Иркутск, Российская Федерация, 664003
vera200450@mail.ru

Mental Disorder as a Sign of Serious Harm to Health in Criminal Legislation

Olga Yu. Zlobina, Cand. Sci. (Medicine), Associate Professor, Department of Anatomy, Operative Surgery and Forensic Medicine, Irkutsk State Medical University (ISMU), Irkutsk, Russian Federation
o_zlobina70@mail.ru

Yuri V. Solodun, Dr. Sci. (Medicine), Professor, Department of Anatomy, Operative Surgery and Forensic Medicine, Irkutsk State Medical University (ISMU), Irkutsk, Russian Federation
vera200450@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the term “mental disorder” as a criterion of criminally punishable harm to health, which determines the degree of social danger of an act. The discussion of this criterion, its meaning and content is a pressing theoretical and practical problem, since its epistemological aspect requires reference to various fields of knowledge. The work emphasizes the relevance of an interdisciplinary approach that combines legal and medical knowledge, which is necessary for correct law enforcement practice. The paper examines historical changes in terminology in the Criminal Code of the Russian Federation, such as the replacement of the concept of “mental illness” with “mental disorder”, “bodily injury” with “harm to health”, and their impact on the classification of crimes against health. The authors justify the importance of considering medical classifications and harmonizing them with legal realities to ensure objectivity and uniformity in the classification of serious harm to health. Based on a comparison of the medical, legal and scientific meanings of physical and mental trauma, harm to health, and harm from mental damage, the paper proposes practical solutions for defining the category of mental disorders that should be assessed as causing material, physical, and moral (mental) harm. A medical-legal model of mental disorder as a criterion for serious harm to health is presented. The paper aims at scientists, lawyers and medical experts, specialists involved in the enforcement of criminal law.

Keywords: harm in criminal law; harm to health; mental harm; physical harm; moral harm; mental trauma; physical trauma; injury; mental disorder; criterion of harm to health; crime; medical legal model; bodily injury.

Cite as: Zlobina OYu, Solodun YuV. Mental Disorder as a Sign of Serious Harm to Health in Criminal Legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(8):97-114. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.097-114.

Введение

Среди общественно опасных последствий преступлений выделяется тяжкий вред здоровью, одним из признаков которого является психическое расстройство. Длительное время этот критерий не вызывал какого-либо теоретического и практического интереса. Однако после терминологической замены «телесных повреждений» на «вред здоровью» и «душевной болезни» на «психическое расстройство» были предприняты попытки переосмыслить его

роль и место в уголовно-правовой категории вреда здоровью человека, причиненного преступлением, поскольку здоровье является предметом внимания многих наук, универсальной потребностью и ценностью человека и общества, охраняемым законом благом¹. Существует несколько концептуальных определений понятия здоровья человека, уровней его изучения и оценки, существенно отличающихся друг от друга в подходах к оценке здоровья², а определение психического расстройства затруднено, поскольку это не единое состояние, а группа

¹ Бойко И. Б. Психическое расстройство: медико-правовой аспект // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2012. № 3. С. 122–127.

² Здоровье и здравоохранение : учеб. пособие / А. А. Шабунова, К. Н. Калашников, М. В. Морев [и др.] ; под ред. А. А. Шабуновой. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. С. 5–12.

расстройств, имеющих некоторые общие черты, а точные границы категории психического расстройства зависят от множества факторов и устанавливаются национальными законодательствами в зависимости от цели³. Поэтому их формальное перенесение в сферу уголовного закона может существенно изменить уголовно-правовой смысл вреда здоровью, где психическое расстройство выступает одним из квалифицирующих признаков конкретного состава преступления. Основная тенденция состоит в расширительном толковании вреда здоровью и криминализации вреда психическому здоровью⁴. Поэтому необходима выработка единого подхода к пониманию сущности и содержания критерия «психическое расстройство» как проявления вреда здоровью и квалифицирующего признака состава преступления, чтобы он соответствовал тому уголовно-правовому явлению, которое обозначается данным термином.

Цель настоящей работы — исследование критерия «психическое расстройство» как части существующей медико-правовой парадигмы вреда здоровью человека на основе междисциплинарного и проблемно-теоретического подходов для его однозначного правоприменения и судебно-медицинской оценки. Использовались следующие методы: исторический, логический, системный, сравнительный, структурно-функциональный, формально-юридический.

Соотношение «душевной болезни» и «психического расстройства» в историческом контексте

Расстройства психики в качестве юридически значимых обстоятельств обозначались как «болезни души», «душевные болезни» в XVIII в., а люди, страдавшие ими, описывались словами, связанными с повреждением ума («безумные», «сумасшедшие», «умопомешательство», «умалишенные», «слабоумные»)⁵. Под таким именованием они вошли в российское законодательство (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Свод законов гражданских Российской империи 1832 г.) и в качестве одного из критериев тяжкого телесного повреждения появились в гл. 23 Уголовного уложения 1903 г.⁶ В психиатрии в этот период активно разрабатывались не только случаи полного помешательства, общего сумасшествия, но и частичного, а также расстройств отдельных сфер душевной деятельности, морального помешательства. Изучались течение, проявление, обсуждались причины (этиология), предлагались обозначения и систематика душевных расстройств⁷.

К началу XX в. Э. Крепелиным была изложена новая психиатрическая классификация душевных расстройств, учитывающая их причины, механизмы, проявления (нозологию), в восьми изданиях учебника, которая в дальнейшем раз-

³ Справочник базовой информации ВОЗ по психическому здоровью, правам человека и законодательству / Всемирная организация здравоохранения. Женева, 2005. URL: <https://www.ruig-gian.org/ressources/chastonay-WHOresourcebook-rus.pdf?ID=7&FILE=/ressources/chastonay-WHOresourcebook-rus> (дата обращения: 24.06.2024).

⁴ См.: *Домбровский И. С.* О психическом аспекте причинения вреда здоровью человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 56. Вып. 4. С. 69–72; *Агаев Г. А., Сафонов В. Н.* Криминализация и уголовно-правовая оценка причинения психических расстройств с позиций принципа справедливости // Теория и практика общественного развития. 2023. № 1. С. 76–80.

⁵ *Гречишкина Н. А.* Психические расстройства в терминологии русских юридических памятников XI–XIX вв. Часть I // Российский психиатрический журнал. 2013. № 1. С. 83–88.

⁶ *Загородников Н. И.* Преступления против здоровья. М.: Юрид. лит., 1969. С. 37.

⁷ См.: *Дворский А. Е.* П. А. Бутковский — основоположник российской психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2016. № 116. Вып. 9. С. 75–80; *Пятницкий Н. Ю.* Эволюция концепции «психопатии» в отечественной психиатрии от В. Х. Кандинского до С. А. Суханова // Там же. 2020. № 120. Вып. 6. С. 75–81; *Beer M. D.* The dichotomies: psychosis/neurosis and functional/organic: a historical perspective // History of Psychiatry. 1996. Vol. 7. No. 26. Pt. 2. P. 231–255.

работывалась школой А. В. Снежневского⁸, была принята в России и других странах. В ней были выделены психозы вследствие внешних телесных повреждений и психогенные заболевания. Помешательство после повреждения мозга включало травматический делирий, травматическую эпилепсию и травматическое слабоумие. Основой их отнесения к самостоятельной нозологической группе являлось наличие очевидных данных о повреждении головного мозга вследствие внешнего воздействия, включая бессознательное состояние и последующее нарушение когнитивных функций в современном понимании (затруднение восприятия впечатлений, мышления, пробелы памяти относительно ушиба), а в ряде случаев болезненные симптомы, очевидно, указывающие на локализацию поражения. Однако в случаях незначительности повреждения и отсутствия каких-либо очаговых явлений допускалась возможность развития душевного расстройства с резко выраженным чувством болезни и яркими нервными жалобами, в развитии которых важную роль играют рентгеновские установки и отсутствие воли к выздоровлению, трактуемого как травматический невроз⁹. Логично сделать вывод о том, что к введению понятия душевного расстройства в уголовное законодательство России в качестве квалифицирующего критерия тяжести вреда здоровью имелось представление о нем как имеющем в основе анатомические изменения, способные объяснить болезненные явления, относящиеся к умственным способностям.

В УК РСФСР 1922 г., последующих кодексах (1926, 1960 гг.) и правилах судебно-медицин-

ского определения степени тяжести телесных повреждений (1928, 1961, 1978 гг.) лексико-грамматическая конструкция обсуждаемого критерия отсылала к первичности телесного повреждения и причинной вторичности психического расстройства, что и сохранилось в действующем уголовном законодательстве и подзаконных актах. Согласно п. 6.8 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, возникновение психического расстройства «должно находиться в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью, т.е. быть его последствием»¹⁰. Эта формулировка определяет общие характеристики и природу психических расстройств, которые составляют критерий тяжкого вреда здоровью человека.

Несмотря на то что современная систематика психических расстройств постоянно пересматривается, испытывая экономические, политические, организационные влияния¹¹, в общенаучном смысле остается представлением об эндогенном (без воздействия какой-либо значимой внешней патогенной причины), экзогенном (обусловленном какой-либо внешней соматической патогенной причиной) и о психогенном (воздействии психического фактора) механизме формирования психопатологических синдромов¹², позволяющее определить нозологию психических расстройств, что осуществимо через производство судебно-психиатрической экспертизы.

Итак, если в историческом контексте, как отмечал В. П. Сербский, главными, практически официально признанными обозначениями ду-

⁸ Heckers S., Kendler K. S. The evolution of Kraepelin's nosological principles // World Psychiatry. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 381–388.

⁹ Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику / послесл. С. А. Овсянникова. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2004. С. 279.

¹⁰ Утверждены приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24.04.2008 № 194н // Российская газета. 2008. № 188. С. 12–13.

¹¹ Краснов В. Н. МКБ-11 как этап смены парадигм в классификации психических расстройств // Consortium Psychiatricum. 2021. № 2. Вып. 2. С. 72–75.

¹² См.: Менделевич В. Д. Классификация психических расстройств vs. систематика поведенческих девиаций: Медиализация как тренд // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2016. № 1. С. 10–16; Шевченко Ю. С. Систематизация психических расстройств (отечественный взгляд на международную классификацию) // Практическая медицина. 2009. № 38. С. 5–12.

шевной болезни в российском законодательстве конца XVIII в. — начала XIX в. были «безумие» и «сумасшествие»¹³, то последующее расширение спектра болезненных состояний, которые попали в сферу интересов психиатров, неизбежно требовало классификационных названий. Термин «расстройство» впервые был введен для обозначения единицы классификации в DSM-I (Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам) в 1952 г., а в дальнейшем стал использоваться в Международной классификации болезней (далее — МКБ). В МКБ-10, в разделе, посвященном «психическим расстройствам и расстройствам поведения», на основе нозологического подхода (учитывающего сущность болезни, общие характеристики, причины, механизмы развития) была выделена рубрика «Органические, включая симптоматические, психические расстройства» с подрубрикой психических расстройств и расстройств личности, обусловленных повреждением и дисфункцией головного мозга или соматической болезнью, с достаточно широким спектром клинико-психопатологических вариаций, а невротические и связанные со стрессом расстройства вошли в отдельный раздел. Последний пересмотр МКБ-11 представил категорию нейрокогнитивных расстройств с различными клинико-психопатологическими вариантами (нейрокогнитивного расстройства различной степени выраженности, делирия и деменции)¹⁴.

Всемирной организацией здравоохранения отмечается, что термином «психическое расстройство» обозначаются разнообразные группы «симптомов или поведенческих признаков, которые в большинстве случаев причиняют страдание и препятствуют личностному функционированию», поэтому при его использовании в законодательстве должны быть опре-

делены точные рамки данной категории. Было признано нецелесообразным использование обозначения «душевная болезнь» в правовых актах как альтернативы «психическому расстройству»: поскольку нет медицинского термина, эквивалентного выражению «душевная болезнь», имеется риск злоупотреблений и оно способно осложнить диалог между представителями медицины и права¹⁵.

Таким образом, имеются все основания считать обозначение юридического критерия «психическое расстройство» приемником термина «душевная болезнь», который использовался в уголовном законодательстве России начиная с XIX в. и в отношении которого имелись представления о его содержании на основе существовавших систематик душевных расстройств. Последующая интеграция душевных/психических расстройств в классификацию болезней человека сопровождалась созданием терминологического аппарата и совершенствованием систематики при сохранении универсального принципа их деления по причине и механизму возникновения, что является основой для определения тех из них, которые будут соответствовать правовому контексту вреда здоровью. Однако решения клинических вопросов, связанных с обозначением категории психических расстройств, приемлемых для рассмотрения в качестве критерия вреда здоровью и его тяжести, недостаточно, чтобы дать определение психического расстройства в контексте уголовно наказуемого вреда, причиненного здоровью человека. Прежде всего, определения психического расстройства, данные в психиатрических, медицинских классификациях, руководствах, предназначены для использования в клинических, образовательных, служебных, исследовательских целях¹⁶, а в DSM-5 прямо отмечается,

¹³ Сербский В. П. Приговор. Об экспертизе душевнобольных и преступников. М. : Алгоритм, 2019. С. 2–3.

¹⁴ МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Г. П. Костюка. М. : Университетская книга, 2022. С. 3–10.

¹⁵ Справочник базовой информации ВОЗ... С. 25.

¹⁶ Психические расстройства и расстройства поведения (F00–F99). Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации / под ред. Б. А. Казаковцева, В. Б. Голланда. М. : Минздрав России, 1998. С. 20.

что его диагностические критерии могут использоваться в качестве «справочного материала для судов и адвокатов», а «не для всех технических потребностей судов и юристов», поскольку существует риск того, что «диагностическая информация будет неправильно использована или неправильно понята из-за неполного соответствия между вопросами, имеющими конечный интерес для закона, и информацией, содержащейся в клиническом диагнозе»¹⁷. Необходимы юридические, контекстно-зависимые уточнения, имеющие отношение к уголовному закону, фокусирующиеся на нормативных потребностях¹⁸.

Модель психического расстройства с позиции судебно-медицинской и уголовно-правовой категории вреда здоровью

Устойчивая преемственность медицинских обозначений (характеристик) группы психических расстройств, которые наполняют юридический критерий «психическое расстройство», с четкой причиной их возникновения, заключающейся в первичности анатомического (телесного) повреждения, и историческое наследие представлений о психической (душевной) болезни как изменяющей отражение в сознании реального мира¹⁹ дают представление о медицинской модели дискутируемого критерия.

С правовой позиции модель психического расстройства формируется на основе уголовно-правовой категории вреда и объективной стороны преступлений против здоровья. В теории уголовного права основная концепция вреда связывается с наступлением неблагоприятных

изменений в объекте уголовно-правовой охраны, вызванных преступлением²⁰. В случае преступлений против здоровья такой вред является физическим и «связан с негативными изменениями в организме человека (так называемый органический характер вреда)»²¹. Следует отметить, что законодателем в ч. 1 ст. 42 УК РФ названо три возможных вида вреда, которые могут быть причинены преступлением (имущественный, физический и моральный).

Медицинский аспект формулы вреда здоровью включает вид повреждения (вид нарушений анатомической целостности тканей, органов), механизм его образования и внешний воздействующий фактор, а правовой — признаки объективной стороны преступных действий (способ совершения, орудие, объект, способ, его негативный результат). Очевидна необходимость их совпадения, т.е., когда преступные действия с использованием определенного способа и орудия (внешнего фактора) направлены на изменение структуры и функций органов и тканей и приводят к этому. Связь между конкретными действиями и наступившими последствиями относится к задачам юридической оценки. С медицинской точки зрения нужна связь полученных телесных повреждений (возникших состояний) с наступлением неблагоприятных последствий. Связь между полученным вредом здоровью и возникшим психическим расстройством устанавливается на основе закономерных и необходимых последовательных изменений в организме, обусловленных полученным повреждением и отражающихся в клинико-морфологических показателях²². В этом случае психическое расстройство

¹⁷ Diagnostic and statistical manual of mental disorders (DSM-5) / American Psychiatric Association. 5th ed. Arlington, VA : American Psychiatric Association. 2013. P. 25.

¹⁸ Walvisch J. Defining «Mental Disorder» in Legal Contexts // International Journal of Law and Psychiatry. 2017. Vol. 52. P. 7–18.

¹⁹ Большая медицинская энциклопедия : в 29 т. Т. 21 / под ред. Б. В. Петровского. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1983.

²⁰ Янина И. Ю. Понятие и виды причинения в уголовном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 117.

²¹ Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex russica. 2016. № 8. С. 62–80.

²² Хрусталева Ю. А. Клинические параметры при установлении причинно-следственных связей в судебно-медицинской практике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2010. № 1. С. 195–199.

выступает в качестве проявлений полученных повреждений.

С учетом достаточно широкого диапазона диагностических рубрик психических расстройств, которые могут иметь связь с полученным повреждением и относиться к нарушениям умственных функций, некоторые из которых представляют трудности для диагностики в силу участия в их течении и проявлении²³ субъективного фактора, ординарного установления даже судебно-психиатрического факта недостаточно. Необходимо дополнительное правовое уточнение, почему психическое расстройство является самостоятельным признаком тяжкого вреда здоровью, если оценке подлежит полученное повреждение. Именно значимость потери умственных способностей (когнитивных в современном обозначении) для личности определяет степень общественной опасности преступления против здоровья. Поэтому правовые последствия установления психического состояния, отличного от ранее имевшегося, здорового, у потерпевшего, обозначенные Конституционным Судом РФ в виде «создания медицинских противопоказаний к выполнению отдельных видов профессиональной деятельности или деятельности, связанной с источником повышенной опасности; оснований для признания его недееспособным или ограничения его в дееспособности»²⁴, являются тем контекстным юридическим уточнением, которое формирует медико-правовую модель психического расстройства как критерия тяжкого вреда здоровью.

Таким образом, медико-правовая модель психического расстройства как критерия тяжкого вреда здоровью включает необходимость его

связи с полученным повреждением и наличия юридических ограничений личностного функционирования в связи с его возникновением.

Терминологическая замена или изменение медико-правовой конструкции вреда здоровью

Следует признать, что терминологическая замена «телесных повреждений» на «вред здоровью» и указание в Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522²⁵, на возможность его причинения психическим фактором создают условия для формулирования новых конструкций вреда здоровью, которые экстраполируют понятия различных областей знаний и подсистем законодательства на уголовно-правовую категорию вреда здоровью, требуя их креолизации судебно-медицинской практикой.

Так, дефиниция здоровья как охраняемого законом блага приведена в преамбуле Устава Всемирной организации здравоохранения и Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где оно определяется как состояние физического, психического и социального благополучия человека²⁶. Конечно, связь психического и соматического была замечена и изучается в течение нескольких веков, со времен Гиппократ и Аристотеля, составляя самостоятельный раздел в медицине и психологии, однако вряд ли такой онтологический и научно-дисциплинарный дискурс может быть распространен на уголовно-правовую

²³ Hall R. C. W., Hall R. C. W., Chapman M. Definition, Diagnosis, and Forensic Implications of Postconcussional Syndrome // *Psychosomatics*. 2005. No. 46. P. 195–202.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401120001> (дата обращения: 31.09.2024).

²⁵ СЗ РФ. 2007. № 35 ст. 4308.

²⁶ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (Нью-Йорк, 22 июля 1946 г.) (с изм. и доп.) // СПС «Гарант»; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

реальность вреда здоровью по аналогии. Также содержащееся в нормативных правовых актах определение вреда здоровью отсылает к медицинской формулировке понятия травмы как повреждения, обусловленного воздействием внешних факторов, одним из которых называется психический фактор²⁷. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о наличии, помимо физического, вреда психического, полученного в результате психической травматизации, обусловленной преступными действиями. Содержанием такого вреда выступают состояния с психопатологическими проявлениями, которые могут развиваться в ответ на травмирующую ситуацию и в медицинской классификации болезней объединены в группу расстройств, непосредственно связанных со стрессом. Возникающая патология может представлять собой как легкие, так и более тяжелые расстройства. Поэтому авторами, исследующими проблематику уголовно-правовой категории вреда здоровью, нередко предлагается рассматривать психическое расстройство, причиной которого является травмирующее воздействия внешнего стрессового события (преступления), в качестве признака вреда здоровью человека и осуществлять его дифференцированную оценку²⁸. Здесь неизбежно возникает вопрос о соответствии объективной стороны преступления, направленного на физическую неприкосновенность личности (нарушение анатомической целостности), возникновению стрессового расстройства вне анатомо-физиологических измерений.

Более того, если юридическая сущность преступного вреда традиционно рассматривается как материальный признак общественно опасного деяния, соединяющий в себе конкретное деяние, его результаты (последствия) и объек-

тивный критерий тяжести совершенного деяния²⁹, а судебно-медицинское понимание вреда здоровью находится в рамках естественно-научной парадигмы, представляющей «совокупность общих принципов познания, предполагающих видение предмета познания как материального объекта, независимого от сознания исследователя»³⁰, и редукции предмета исследования до элементарных форм, описываемых объективными законами, то очевидно, что процесс причинения вреда, сам вред здоровью лежат в плоскости физических форм движения материи. Другими словами, объективная сторона преступлений осуществляется «воздействием одного материального предмета (физическое насилие) на другой материальный предмет (физическое состояние потерпевшего как живого биологического существа)»³¹, поэтому вред здоровью может выражаться только в соматических (относящихся к телу) измерениях.

Психический вред и физический вред. Возможна ли криминализация психического вреда?

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо обратиться к существующим представлениям относительно психической травмы, психических расстройств стрессовой природы. При этом целесообразно прояснить возможность их оценки с позиции судебно-медицинской травматологии, которую интересует происхождение повреждения (механизм образования и особенности повреждающего фактора), позволяющее реконструировать тип насилия, способ его применения и свойства повреждающего фактора, проявления (морфологические и функциональные нарушения), изменчивость повреждения

²⁷ Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522.

²⁸ См.: Шишков С. Н. Психическое расстройство как разновидность вреда, причиненного здоровью потерпевшего // Законность. 2010. № 8. Вып. 910. С. 26–30; Клевно В. А., Ткаченко А. А., Чибисова И. А., Кононов Р. В. Теория и практика оценки степени тяжести вреда здоровью в виде психического расстройства // Судебная медицина. 2015. Т. 1. № 3. С. 11–16.

²⁹ Шкабин Г. С. Указ. соч. С. 64.

³⁰ Левкин В. Е. Основные парадигмы в психологии // Образование и наука. 2008. № 8. Вып. 56. С. 12–26.

³¹ Ткачева Ю. С. Физическое насилие как категория криминального насилия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. С. 123–128.

(динамика морфофункциональных изменений с течением времени), определить давность получения повреждения и присвоить название выявленной патологии в терминах существующих медицинских классификационных систем³².

Термином «психическая травма» обозначают и факторы среды (жизненные события и ситуации), и физическое и психическое состояния, и реакции организма и индивида, его переживания. В свою очередь, воздействующий фактор или важные жизненные события и ситуации именуется стрессом, фрустрацией, кризисом, психогенией и психической травмой³³.

Механизмы психической травматизации лежат в плоскости психологии, предлагающей различные объяснения в зависимости от базовой теоретической модели. Некоторые из них согласуются с данными нейробиологии по исследованию стресса. Очевидно, что понятие психической травмы как вреда, причиненного психическому здоровью человека в результате интенсивного влияния неблагоприятных факторов среды, неизбежно связано с психикой, психическим в целом. Методологический подход, при котором мозг и психика становятся идентичными, поскольку деятельность первого отражается в его продукте — психике, пока не позволил создать единую непротиворечивую морфологическую и психофизиологическую концепцию этих соотношений. Например, А. Ш. Тхостов приводит пример нейрофизиологического эксперимента, проведенного с А. Эйнштейном, когда от его головы отходят электрические провода и его просят «подумать об относительности», регистрируя при этом электрические импульсы, исходящие от его мозга. В этом случае

можно измерить продукцию мозга — материализованную мысль, но то, как она формируется, остается вне возможности прямого физического или химического измерения³⁴. М. М. Решетников, проводя параллели между психической и физической травмами, указывает на важную специфику и различие: во-первых, физическая травма всегда является внешней и доступна для объективной верификации, а психическая травма происходит в психическом пространстве и недоступна непосредственному наблюдению, только предполагается ее наличие. Во-вторых, физическая травма прогнозируема, в ней сила и характер воздействия находят отражение в результате, а психическая травма не имеет таких корреляций, может выразиться как в психических, так и в соматических феноменах, а может и не случиться при наличии устойчивого «психического барьера»³⁵.

Заимствованный из теории сопротивления материалов термин «стресс» и идея избыточности воздействия при недостаточности адаптационного потенциала к нему были оформлены в теорию стресса Г. Селье, которая стала основной психофизиологической моделью психической травмы и дала терминологические обозначения различных аспектов человеческого бытия, обходя его метафизику. В 1990 г. рубрика F43 «Реакции на тяжелый стресс и нарушения адаптации» была включена в МКБ-10. В 2018 г. Всемирная организация здравоохранения представила в 11-ю редакцию МКБ, помимо посттравматического стрессового расстройства (далее — ПТСР), комплексное посттравматическое стрессовое расстройство (далее — КПТСР). Оно расширило спектр симптомов базового посттравматиче-

³² См.: Попов В. Л. Судебно-медицинская травматология. М. : Юридический центр, 2022. С. 50–82 ; Ahne S., Ahne T., Bohnert M. Forensic Traumatology // Forensic aspects in emergency medicine. Berlin, Heidelberg : Springer, 2023. P. 31–88.

³³ Bacciagaluppi M. The study of psychic trauma // Journal of the American Academy Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry. 2011. Vol. 39. No. 3. P. 525–538 ; Freedman K. The Epistemological Significance of Psychic Trauma // Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy. 2006. No. 21. P. 104–125 ; Михеева А. В. Психическая травма в определениях и понятиях современных ученых // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2009. № 2. С. 142–148.

³⁴ Тхостов А. Ш. Психология телесности. М. : Смысл, 2002. С. 11.

³⁵ Решетников М. М. Психическая травма : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. М. : Юрайт, 2018. С. 10–15.

ского расстройства и стало заменяющим для хронического изменения личности после переживания катастрофы³⁶.

В клинических рекомендациях «Посттравматическое стрессовое расстройство», одобренных Научно-практическим советом Минздрава России, травма определяется как «событие, связанное с мощным психотравмирующим воздействием и сопровождающееся стрессом экстремального характера». Отмечается, что диагнозы пролонгированной реакции горя, ПТСР, КПТСР и расстройства адаптации могут встречаться в любом возрасте, а острая реакция на стресс в настоящее время представляется нормальной и поэтому указывается в главе «Факторы, влияющие на состояние здоровья населения и обращения в учреждения здравоохранения». Эта категория считается обоснованной целью для клинических интервенций, но не относится к собственно психическим расстройствам³⁷.

ПТСР и расстройство адаптации считаются одними из наиболее широко используемых диагнозов в психиатрической практике во всем мире³⁸. Даже если не пытаться представить прогнозируемые проблемы экспертной диагностики указанной нозологической группы расстройств, которые высветились еще во времена Э. Крепелина, очевидно, что рассмотрение психической травмы в парадигме физической невозможно: в первую очередь в силу происхождения травматизации в разных

реальностях трудно определить сущность самого повреждения. Конечно, с достижением новых уровней знаний и технологий в области биомедицинских наук становится возможным изучение психоэндокринологии и нейробиологии протекания стресса и риска его возникновения (молекулярная визуализация, метаболические процессы, генные маркеры и другие агенты мозговой деятельности)³⁹. Несомненно, эти исследования далеки от повседневной экспертной практики, апеллируют к работе мозга, подразумевая дисбаланс между гиперактивацией отдельных областей мозга с ингибированием других, дисбаланс систем нейроэндокринной, генной регуляции, межклеточных взаимодействий и сетевых связей, оставляя за кадром собственно психическую деятельность, запускающую эти процессы. Сам субъект, его психика, которая травмируется в этом случае, исключены из происходящих событий, поскольку биохимические процессы становятся эквивалентом психической деятельности. Воздействующий стимул материальной объективной реальности беспрепятственно перетекает в идеальный (субъективный) образ действительности, и, наоборот, нематериальный психический стрессор вызывает в неоднородной с ней, материальной/морфофункциональной точке приложения изменения. Как отмечает В. А. Абрамов, механизмы таких переходов от сложной психической деятельности к работе структур головного мозга

³⁶ См.: *Бонкало Т. И.* Посттравматическое стрессовое расстройство : дайджест. М. : ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. URL: <https://niioz.ru/upload/iblock/de1/de1f1cfd4b7c00135e8b38db43fce32c.pdf> (дата обращения: 11.07.2024) ; *Васильева А. В.* Посттравматическое стрессовое расстройство в центре международных исследований: от «солдатского сердца» к МКБ-11 // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2022. № 122. Вып. 10. С. 72–81.

³⁷ Клинические рекомендации. Посттравматическое стрессовое расстройство. ID: 753 (утв. Минздравом России 28.02.2023) // Рубрикатор клинических рекомендаций Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/schema/753_1 (дата обращения: 06.08.2024).

³⁸ *Maercker A., Brewin C. R., Bryant R. A.* [et al.]. Diagnosis off classification of disorders specifically associated with stress: Proposals for ICD-11 // *World Psychiatry*. 2013. No. 12. P. 198–206.

³⁹ *Davis M. T., Holmes S. E., Pietrzak R. H., Esterlis J.* Neurobiology of Chronic Stress-Related Psychiatric Disorders: Evidence from Molecular Imaging Studies // *Chronic Stress*. 2017. Vol. 1. P. 1–21 ; *Carletto S., Panero M., Cavallo M., Pagani M.* Neurobiology of Posttraumatic Stress Disorder // *PET and SPECT in Psychiatry / R. A. Dierckx, A. Otte, E. F. J. de Vries, A. van Waarde, I. E. Sommer* (eds.). Springer, 2021. P. 411–435 ; *Позанов В. А.* Стресс и психическое здоровье (нейробиологические аспекты) // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2013. № 23. Вып. 1. С. 79–86.

и, напротив, от структур к какой бы то ни было психической деятельности в настоящее время неизвестны⁴⁰.

Как известно, общепризнанной характеристикой психики является идеальность (нематериальность). Еще марксистско-ленинская философия указывала на то, что психика не обладает свойствами и признаками, присущими всем материальным явлениям (протяженностью в пространстве, геометрической формой, объемом, массой покоя или движения). Психические явления не имеют никаких физических или химических характеристик. Они не содержат электрических зарядов, атомов, молекул, элементарных частиц, кварков, физических полей и т.д. Эти явления не подчиняются законам физического, химического или биологического движения⁴¹. Поэтому невозможно заменить изменения, происходящие в психике, на изменения в нервной системе, объединить объективную и субъективную реальности, приравнять психическую травму к физической, поскольку последняя исключительно материальная, «организменная», а первая остается постоянно и бесконечно исследуемой. Конечно, предлагаемые психологией модели психической травмы полезны для целей психотерапии, но не могут быть применены к задачам судебно-медицинской деятельности, предопределяющей квалификацию преступлений, направленных на причинение вреда здоровью.

Особенности психических расстройств, обусловленных психической травмой, и их правовая оценка

В психиатрии психические расстройства, обусловленные психической травмой, продолжают обозначаться в терминах травмы и стресса,

считаются как ее подлинным проявлением, так и этиопатогенетически связанными с ней и занимают особое положение, отличающее их от других психических расстройств. Их особенности следующие:

— исключительно психологическая природа происхождения (психологически понятный ответ на экстремальный стресс, исключительная связь с происходящими событиями, вызывающими душевные переживания исключительной интенсивности, девальвирующие основные ценности и смыслы жизни «Я»);

— значительная вариабельность возникновения после столкновения с травматическими событиями (от 13 до 50 %), что зависит от индивидуальной уязвимости;

— возможность развития после событий, воспринимаемых индивидуально как трагические, причем реально экстремальные ситуации могут, напротив, повысить адаптацию индивидуума;

— неспецифичность многих клинических проявлений;

— трудности, возникающие при оценке ПТСР, — субъективный характер симптомов, риск симуляции, возможность вторичной выгоды, трудности в разграничении болезненных состояний с нормальными реакциями на стрессовые события, наличие значимых культуральных особенностей в реагировании на стресс;

— не связаны со снижением когнитивных (умственных) способностей;

— почти все элементы диагностики стрессовых расстройств основаны на самоотчете⁴².

Категория травматического невроза в судебной практике стала использоваться еще в 1884 г. в Германии с принятием постановления о страховании от несчастных случаев, вслед за которым началась лавина так называемых пенсионных неврозов. Альфред Хохе (А. Hoche),

⁴⁰ *Абрамов В. А.* Парадигмы в психиатрии: методологические различия // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2018. № 3. Вып. 43. С. 51–64.

⁴¹ *Ракитов А. И.* Марксистско-ленинская философия. М.: Политиздат, 1988. С. 94.

⁴² *Spitzer C., Dudeck M., Liss H., Orlob S., Gillner M., Freyberger H. J.* Post-traumatic stress disorder in forensic inpatients // The Journal of Forensic Psychiatry. 2001. Vol. 12. No. 1. P. 63–77; *Молчанова Е. С.* Посттравматическое стрессовое и острое стрессовое расстройство в формате DSM-V: внесенные изменения и прежние проблемы // Медицинская психология в России. 2014. Т. 6. № 1. С. 1–13.

мнение которого разделяли очень многие, считал, что наибольший вред в этих случаях наносит сам диагноз, который позволяет использовать его для достижения определенных целей⁴³. Существенные сложности в диагностике ПТСР возникают и в настоящее время при судебных разбирательствах и проведении экспертизы, поскольку почти все его диагностические элементы основаны на самоотчете, что делает их уязвимыми не только для диагностики, но и для симуляции⁴⁴.

Соответственно, включение стрессовых расстройств в уголовно-правовую категорию вреда здоровью не представляется возможным, поскольку требует кардинального изменения всей парадигмы уголовной ответственности за причиненный вред здоровью, когда одни и те же действия (объективная сторона) могут иметь различные последствия или вообще их не иметь.

Вред психическому здоровью в результате психогенного (стрессового) воздействия преступных действий и его правовая оценка

В то же время невозможно отрицать причинение вреда психическому здоровью в результате противоправных действий, которые так или иначе связаны с насилием над личностью, поскольку совершаются против ее воли, имеют высокий травматогенный потенциал для психики. Следует учитывать, что часто используется термин «психологическая травма» вместо «психической», что, вероятно, отражает как задействованные в ее возникновении механизмы, так и уровень наступающих последствий: от

клинически значимых паттернов психического расстройства до проявлений, относящихся к компетенции психолога. Эти неблагоприятные последствия в полной мере соответствуют психическому вреду и подлежат возмещению по признаку необходимости восстановления охраняемого законом блага (затраты на лечение для восстановления психического здоровья) и компенсации по признаку его нематериальности. Решение этих вопросов возможно в рамках существующего правового поля. Так, во многих юрисдикциях существует категория психического или эмоционального вреда, которая реализуется в рамках деликтного права⁴⁵. В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации существует вид морального вреда, смысл которого фактически совпадает с характером стрессовых расстройств. Также стоит учитывать, что вред в уголовном праве имеет различные варианты выражения, позволяя учитывать их как при квалификации состава преступления, так и при защите нарушенных гражданских прав в рамках уголовного судопроизводства.

Поэтому психическая составляющая вреда здоровью как часть универсальной концепции здоровья и права человека на его защиту и охрану в контексте имеющегося уголовного законодательства может быть заложена в степень общественной опасности, влияющей на назначаемое наказание. Затраты на лечение стрессогенного расстройства могут быть возмещены в рамках как уголовного, так и гражданского судопроизводства по признаку ущерба, убытка. Но в наиболее полном варианте может быть компенсирован моральный вред, объем которого может варьировать с учетом возникшего психического расстройства.

⁴³ Федунина Н. Ю., Бурмистрова Е. В. Психическая травма. К истории вопроса // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 2. Вып. 45. С. 164–190.

⁴⁴ Hall R. C. W., Hall Rich C. W. Malingering of PTSD: forensic and diagnostic considerations, characteristics of malingers and clinical presentations // *General Hospital Psychiatry*. 2006. No. 28. P. 525–535 ; Szogi E. G., Sullivan K. A. Malingered Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) and the Effect of Direct Versus Indirect Trauma Exposure on Symptom Profiles and Detectability // *Psychological Injury and Law*. 2018. No. 11. P. 351–361.

⁴⁵ Ahmed R. The Influence of Reasonableness in Determining Delictual or Tort Liability for Emotional Distress or Mental Harm in American and French Law // *Potchefstroom Electronic Law Journal / Potchefstroomse Elektroniese Regsblad*. 2023. No. 26.

Заключение

Как показало исследование, имеется достаточно оснований для однозначного понимания критерия «психическое расстройство» при оценке тяжести вреда здоровью, содержанием которого является категория психических расстройств, обозначенная по принципу причины их происхождения уже в первых классификациях душевных расстройств. Но также была поименована и другая группа расстройств, происхождение которых и клиническая картина находились в другом регистре нарушений психической патологии как по механизмам возникновения, так и по характеру. При этом необходимо отметить следующее.

Во-первых, как в историческом аспекте, так и в существующих судебно-медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, имеется однозначное понимание характера этого психического расстройства: оно должно находиться в причинно-следственной связи с фактически причиненным вредом здоровью, т.е. возникать в силу полученного повреждения. Этим требованиям соответствует только группа психических расстройств органического происхождения, или нейрокогнитивные расстройства в современной классификации. В этом случае вред, причиняемый преступлением, в полном смысле является материальным, имея физический характер, будучи количественно и качественно определяемым. Обобщенная медико-правовая модель включает медицинскую составляющую, характеризующую образование повреждения, механизм реализации биологических процессов ее течения (патогенез) и развитие закономерных и необходимых процессов структурно-функциональных изменений в ответ на повреждение, и юридическую составляющую, которая указывает на наличие юридических последствий, ограничивающих личность в реализации своих гражданских прав.

Во-вторых, закономерно возникают вопросы: что является объектом преступного воз-

действия — телесная/материальная неприкосновенность или психическая, когда устанавливается связь между событием преступления и возникшим психическим расстройством? Может ли психическая травматизация, которая лежит вне поля действия типовых патологических процессов тканей, органов организма, а задействует сферу, не поддающуюся непосредственному наблюдению, стать эквивалентной повреждению в его судебно-медицинском значении?

В-третьих, следует учитывать, что полученное повреждение может выступать в качестве стрессового (психического) фактора, вызывая нарушения психического функционирования по законам и механизмам психической травматизации, а не физической.

В-четвертых, необходимо принять во внимание, что всё чаще поднимаются вопросы о надежности диагностики психических расстройств, упрощении эксплицитной диагностики, при которой психопатологический компонент не всегда фиксируется и всё реже подвергается феноменологическому анализу⁴⁶, что неизбежно найдет отражение и в экспертной практике и что особенно актуально для расстройств стрессовой, психотравматической природы.

В-пятых, решение проблемы психического вреда находится в правовой плоскости. Учет данного вида вреда может осуществляться несколькими способами: как презюмируемого психологического вреда вследствие особенностей совершенного деяния, так и индивидуального вреда, который подлежит возмещению (затраты на лечение, восстановление здоровья) и компенсации. Поэтому учет *специальных знаний, используемых в юридической науке, должен быть соответствующим образом интегрирован в нее. Существующие представления о происхождении психических расстройств и выделение их категорий, которые представлены в медицинских классификациях болезни, требуют разной оценки в правовом поле.*

⁴⁶ Краснов В. Н. Современные изменения принципов диагностики и классификации психических расстройств // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. № 28. Вып. 1. С. 58–61.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамов В. А.* Парадигмы в психиатрии: методологические различия // Журнал психиатрии и медицинской психологии. — 2018. — Т. 3. — № 43. — С. 51–64.
2. *Агаев Г. А., Сафонов В. Н.* Криминализация и уголовно-правовая оценка причинения психических расстройств с позиций принципа справедливости // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 1. — С. 76–80.
3. *Бойко И. Б.* Психическое расстройство: медико-правовой аспект // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. — 2012. — № 3. — С. 122–127.
4. Большая медицинская энциклопедия : в 29 т. Т. 21 / под ред. Б. В. Петровского. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1983.
5. *Бонкало Т. И.* Посттравматическое стрессовое расстройство : дайджест. — М. : ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. — URL: <https://niioz.ru/upload/iblock/de1/de1f1cfd4b7c00135e8b38db43fce32c.pdf>.
6. *Васильева А. В.* Посттравматическое стрессовое расстройство в центре международных исследований: от «солдатского сердца» к МКБ-11 // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. — 2022. — Т. 122. — № 10. — С. 72–81.
7. *Гречишкина Н. А.* Психические расстройства в терминологии русских юридических памятников XI–XIX вв. Часть I // Российский психиатрический журнал. — 2013. — № 1. — С. 83–88.
8. *Двирский А. Е.* П. А. Бутковский — основоположник российской психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. — 2016. — Т. 116. — № 9. — С. 75–80.
9. *Домбровский И. С.* О психическом аспекте причинения вреда здоровью человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2012. — Т. 56. — № 4. — С. 69–72.
10. *Загородников Н. И.* Преступления против здоровья. — М. : Юрид. лит., 1969. — 166 с.
11. Здоровье и здравоохранение : учеб. пособие для вузов / А. А. Шабунова, К. Н. Калашников, М. В. Морев [и др.] ; под ред. А. А. Шабуновой. — Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. — 154 с.
12. *Клевно В. А., Ткаченко А. А., Чибисова Р. В., Кононов Р. В.* Теория и практика оценки степени тяжести вреда здоровью в виде психического расстройства // Судебная медицина. — 2015. — Т. 1. — № 3. — С. 11–16.
13. Клинические рекомендации. Посттравматическое стрессовое расстройство. ID: 753 (утв. Минздравом России 28.02.2023) // Рубрикатор клинических рекомендаций Министерства здравоохранения Российской Федерации. — URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/schema/753_1.
14. *Краснов В. Н.* МКБ-11 как этап смены парадигм в классификации психических расстройств // Consortium Psychiatricum. — 2021. — № 2. — Вып. 2. — С. 72–75.
15. *Краснов В. Н.* Современные изменения принципов диагностики и классификации психических расстройств // Социальная и клиническая психиатрия. — 2018. — Т. 28. — № 1. — С. 58–61.
16. *Крепелин Э.* Введение в психиатрическую клинику / послесл. С. А. Овсянникова. — М. : Бином. Лаборатория знаний, 2004. — 493 с.
17. *Левкин В. Е.* Основные парадигмы в психологии // Образование и наука. — 2008. — Т. 8. — № 56. — С. 12–26.
18. *Менделевич В. Д.* Классификация психических расстройств vs. систематика поведенческих девиаций: Медиализация как тренд // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. — 2016. — № 1. — С. 10–16.
19. *Михеева А. В.* Психическая травма в определениях и понятиях современных ученых // Полилингвильность и транскультурные практики. — 2009. — № 2. — С. 142–148.
20. МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. — 2-е изд., доп., испр. и перераб. / под ред. Г. П. Костюка. — М. : Университетская книга, 2022. — 452 с.

21. Молчанова Е. С. Посттравматическое стрессовое и острое стрессовое расстройство в формате DSM-V: внесенные изменения и прежние проблемы // Медицинская психология в России. — 2014. — Т. 6. — № 1. — С. 1–13.
22. Полубинская С. В., Галюкова М. И. Уголовно наказуемый вред психическому здоровью: содержание и признаки // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 115–130.
23. Попов В. Л. Судебно-медицинская травматология. — М. : Юридический центр, 2022. — 605 с.
24. Психические расстройства и расстройства поведения (F00–F99). Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации / под ред. Б. А. Казаковцева, В. Б. Голланда. — М. : Минздрав России, 1998. — 512 с.
25. Пятницкий Н. Ю. Эволюция концепции «психопатии» в отечественной психиатрии от В. Х. Кандинского до С. А. Суханова // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. — 2020. — Т. 120. — № 6. — С. 75–81.
26. Ракитов А. И. Марксистско-ленинская философия. — М. : Политиздат, 1988. — 368 с.
27. Решетников М. М. Психическая травма : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. — М. : Юрайт, 2018. — 200 с.
28. Розанов В. А. Стресс и психическое здоровье (нейробиологические аспекты) // Социальная и клиническая психиатрия. — 2013. — Т. 23. — № 1. — С. 79–86.
29. Сербский В. П. Приговор. Об экспертизе душевнобольных и преступников. — М. : Алгоритм, 2019. — 416 с.
30. Справочник базовой информации ВОЗ по психическому здоровью, правам человека и законодательству. — Женева : Всемирная организация здравоохранения, 2005. — URL: <https://www.ruig-gian.org/ressources/chastonay-WHOresourcebook-rus.pdf?ID=7&FILE=/ressources/chastonay-WHOresourcebook-rus>.
31. Ткачева Ю. С. Физическое насилие как категория криминального насилия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 8. — С. 123–128.
32. Тхостов А. Ш. Психология телесности. — М. : Смысл, 2002. — 287 с.
33. Федунина Н. Ю., Бурмистрова Е. В. Психическая травма. К истории вопроса // Московский психотерапевтический журнал. — 2005. — Т. 2. — № 45. — С. 164–190.
34. Хрусталева Ю. А. Клинические параметры при установлении причинно-следственных связей в судебно-медицинской практике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. — 2010. — № 1. — С. 195–199.
35. Шевченко Ю. С. Систематизация психических расстройств (отечественный взгляд на международную классификацию) // Практическая медицина. — 2009. — № 38. — С. 5–12.
36. Шишков С. Н. Психическое расстройство как разновидность вреда, причиненного здоровью потерпевшего // Законность. — 2010. — № 8. — С. 26–30.
37. Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex russica. — 2016. — № 8. — С. 62–80.
38. Янина И. Ю. Понятие и виды причинения в уголовном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 3.
39. Ahmed R. The Influence of Reasonableness in Determining Delictual or Tort Liability for Emotional Distress or Mental Harm in American and French Law // Potchefstroom Electronic Law Journal / Potchefstroomse Elektroniese Regsblad. — 2023. — Vol. 26.
40. Ahne S., Ahne T., Bohnert M. Forensic Traumatology // Forensic aspects in emergency medicine. — Berlin, Heidelberg : Springer, 2023. — P. 31–88.
41. Diagnostic and statistical manual of mental disorders (DSM-5). — 5th ed. — Arlington, VA : American Psychiatric Association, 2013. — 947 p.
42. Bacciagaluppi M. The study of psychic trauma // Journal of the American Academy Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry. — 2011. — Vol. 39. — No. 3. — P. 525–538.

43. *Beer M. D.* The dichotomies: psychosis/neurosis and functional/organic: a historical perspective // *History of Psychiatry*. — 1996. — Vol. 7. — No. 26. — Pt. 2. — P. 231–255.
44. *Carletto S., Panero M., Cavallo M., Pagani M.* Neurobiology of Posttraumatic Stress Disorder // *PET and SPECT in Psychiatry* / R. A. Dierckx, A. Otte, E. F. J. de Vries, A. van Waarde, I. E. Sommer (eds.). — Springer, 2021. — 1084 p.
45. *Davis M. T., Holmes S. E., Pietrzak R. H., Esterlis I.* Neurobiology of Chronic Stress-Related Psychiatric Disorders: Evidence from Molecular Imaging Studies // *Chronic Stress*. — 2017. — Vol. 1. — P. 1–24.
46. *Freedman K.* The Epistemological Significance of Psychic Trauma // *Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy*. — 2006. — No. 21. — P. 104–125.
47. *Hall R. C. W., Hall R. C. W.* Malingering of PTSD: forensic and diagnostic considerations, characteristics of malingerers and clinical presentations // *General Hospital Psychiatry*. — 2006. — Vol. 28. — No. 6. — P. 525–535.
48. *Hall R. C. W., Hall Rich C. W., Chapman M.* Definition, Diagnosis, and Forensic Implications of Postconcussional Syndrome // *Psychosomatics*. — 2005. — No. 46. — P. 195–202.
49. *Heckers S., Kendler K. S.* The evolution of Kraepelin's nosological principles // *World Psychiatry*. — 2020. — Vol. 19. — No. 3. — P. 381–388.
50. *Maercker A., Brewin C. R., Bryant R. A.* [et al.]. Diagnosis off classification of disorders specifically associated with stress: Proposals for ICD-11 // *World Psychiatry*. — 2013. — No. 12. — P. 198–206.
51. *Spitzer C., Dudeck M., Liss H., Orlob S., Gillner M., Freyberger H. J.* Post-traumatic stress disorder in forensic inpatients // *The Journal of Forensic Psychiatry*. — 2001. — Vol. 12. — No. 1. — P. 63–77.
52. *Szogi E. G., Sullivan K. A.* Malingered Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) and the Effect of Direct Versus Indirect Trauma Exposure on Symptom Profiles and Detectability // *Potchefstroom Electronic Law Journal / Potchefstroomse Elektroniese Regsblad*. — 2018. — No. 11. — P. 351–361.
53. *Walvisch J.* Defining «Mental Disorder» in Legal Contexts // *International Journal of Law and Psychiatry*. — 2017. — Vol. 52. — P. 7–18.

Материал поступил в редакцию 25 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Abramov V. A.* Paradigmy v psikiatrii: metodologicheskie razlichiya // *Zhurnal psikiatrii i meditsinskoj psikhologii*. — 2018. — T. 3. — № 43. — S. 51–64.
2. *Agaev G. A., Safonov V. N.* Kriminalizatsiya i ugovolno-pravovaya otsenka prichineniya psikhicheskikh rasstroystv s pozitsiy printsipa spravedlivosti // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. — 2023. — № 1. — S. 76–80.
3. *Boyko I. B.* Psikhicheskoe rasstroystvo: mediko-pravovoy aspekt // *Rossiyskiy mediko-biologicheskij vestnik imeni akademika I.P. Pavlova*. — 2012. — № 3. — S. 122–127.
4. *Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya: v 29 t. T. 21 / pod red. B. V. Petrovskogo*. — 3-e izd. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1983.
5. *Bonkalo T. I.* Posttravmaticheskoe stressovoe rasstroystvo: daydzhest. — M.: GBU «NIOZMM DZM», 2023. — URL: <https://nioz.ru/upload/iblock/de1/de1f1cfd4b7c00135e8b38db43fce32c.pdf>.
6. *Vasileva A. V.* Posttravmaticheskoe stressovoe rasstroystvo v tsentre mezhdunarodnykh issledovaniy: ot «soldatskogo serdtsa» k MKB-11 // *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S.S. Korsakova*. — 2022. — T. 122. — № 10. — S. 72–81.
7. *Grechishkina N. A.* Psikhicheskoe rasstroystva v terminologii russkikh yuridicheskikh pamyatnikov XI–XIX vv. Chast I // *Rossiyskiy psikiatricheskij zhurnal*. — 2013. — № 1. — S. 83–88.
8. *Dvirskiy A. E. P. A. Butkovskiy — osnovopolozhnik rossiyskoj psikiatrii* // *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S.S. Korsakova*. — 2016. — T. 116. — № 9. — S. 75–80.

9. Dombrovskiy I. S. O psikhicheskom aspekte prichineniya vreda zdorovyu cheloveka // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2012. — T. 56. — № 4. — S. 69–72.
10. Zagorodnikov N. I. Prestupleniya protiv zdorovya. — M.: Yurid. lit., 1969. — 166 s.
11. Zdorove i zdavookhraneniye: ucheb. posobie dlya vuzov / A. A. Shabunova, K. N. Kalashnikov, M. V. Morev [i dr.]; pod red. A. A. Shabunovoy. — Vologda: ISERT RAN, 2014. — 154 s.
12. Klevno V. A., Tkachenko A. A., Chibisova R. V., Kononov R. V. Teoriya i praktika otsenki stepeni tyazhesti vreda zdorovyu v vide psikhicheskogo rasstroystva // Sudebnaya meditsina. — 2015. — T. 1. — № 3. — S. 11–16.
13. Klinicheskie rekomendatsii. Posttravmaticheskoe stressovoe rasstroystvo. ID: 753 (utv. Minzdravom Rossii 28.02.20023) // Rubrikator klinicheskikh rekomendatsiy Ministerstva zdavookhraneniya Rossiyskoy Federatsii. — URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/schema/753_1.
14. Krasnov V. N. MKB-11 kak etap smeny paradigim v klassifikatsii psikhicheskikh rasstroystv // Consortium Psychiatricum. — 2021. — № 2. — Vyp. 2. — S. 72–75.
15. Krasnov V. N. Sovremennyye izmeneniya printsipov diagnostiki i klassifikatsii psikhicheskikh rasstroystv // Sotsialnaya i klinicheskaya psixhiatriya. — 2018. — T. 28. — № 1. — S. 58–61.
16. Krepelin E. Vvedeniye v psixhiatricheskuyu kliniku / poslesl. S. A. Ovsyannikova. — M.: Binom. Laboratoriya znaniy, 2004. — 493 s.
17. Levkin V. E. Osnovnyye paradigmy v psixhologii // Obrazovaniye i nauka. — 2008. — T. 8. — № 56. — S. 12–26.
18. Mendelevich V. D. Klassifikatsiya psikhicheskikh rasstroystv vs. sistematika povedencheskikh devyatsiy: Medikalizatsiya kak trend // Obozreniye psixhiatrii i meditsinskoy psixhologii imeni V.M. Bekhtereva. — 2016. — № 1. — S. 10–16.
19. Mikheeva A. V. Psikhicheskaya travma v opredeleniyakh i ponyatiyakh sovremennykh uchenykh // Polilingvialnost i transkulturnye praktiki. — 2009. — № 2. — S. 142–148.
20. MKB-11. Glava 06. Psikhicheskie i povedencheskie rasstroystva i narusheniya neyropsikhicheskogo razvitiya. Statisticheskaya klassifikatsiya. — 2-e izd., dop., ispr. i pererab. / pod red. G. P. Kostyuka. — M.: Universitetskaya kniga, 2022. — 452 s.
21. Molchanova E. S. Posttravmaticheskoe stressovoe i ostroe stressovoe rasstroystvo v формате DSM-V: vnesennyye izmeneniya i prezhnie problemy // Meditsinskaya psixhologiya v Rossii. — 2014. — T. 6. — № 1. — S. 1–13.
22. Polubinskaya S. V., Galyukova M. I. Ugolovno nakazuemyy vred psikhicheskomu zdorovyu: sodержaniye i priznaki // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. — 2023. — T. 18. — № 3. — S. 115–130.
23. Popov V. L. Sudebno-meditsinskaya travmatologiya. — M.: Yuridicheskiy tsentr, 2022. — 605 s.
24. Psikhicheskie rasstroystva i rasstroystva povedeniya (F00–F99). Klass V MKB-10, adaptirovannyy dlya ispolzovaniya v Rossiyskoy Federatsii / pod red. B. A. Kazakovtseva, V. B. Gollanda. — M.: Minzdrav Rossii, 1998. — 512 s.
25. Pyatnitskiy N. Yu. Evolyutsiya kontseptsii «psikhopatii» v otechestvennoy psixhiatrii ot V. Kh. Kandinskogo do S. A. Sukhanova // Zhurnal nevrologii i psixhiatrii imeni S.S. Korsakova. — 2020. — T. 120. — № 6. — S. 75–81.
26. Rakitov A. I. Marksistsko-leninskaya filosofiya. — M.: Politizdat, 1988. — 368 s.
27. Reshetnikov M. M. Psikhicheskaya travma: ucheb. posobie dlya bakalavriata, spetsialiteta i magistratury. — M.: Yurayt, 2018. — 200 s.
28. Rozanov V. A. Stress i psikhicheskoye zdorove (neyrobiologicheskie aspekty) // Sotsialnaya i klinicheskaya psixhiatriya. — 2013. — T. 23. — № 1. — S. 79–86.
29. Serbskiy V. P. Prigovor. Ob ekspertize dushevnobolnykh i prestupnikov. — M.: Algoritm, 2019. — 416 s.
30. Spravochnik bazovoy informatsii VOZ po psikhicheskomu zdorovyu, pravam cheloveka i zakonodatelstvu. — Zheneva: Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya, 2005. — URL: <https://www.ruig-gian.org/ressources/chastonay-WHOresourcebook-rus.pdf?ID=7&FILE=/ressources/chastonay-WHOresourcebook-rus>.
31. Tkacheva Yu. S. Fizicheskoye nasilie kak kategoriya kriminalnogo nasiliya // Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki. — 2022. — № 8. — S. 123–128.
32. Tkhostov A. Sh. Psixhologiya telesnosti. — M.: Smysl, 2002. — 287 s.

33. Fedunina N. Yu., Burmistrova E. V. Psikhicheskaya travma. K istorii voprosa // *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*. — 2005. — T. 2. — № 45. — S. 164–190.
34. Khrustaleva Yu. A. Klinicheskie parametry pri ustanovlenii prichinno-sledstvennykh svyazey v sudebno-meditsinskoj praktike // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Meditsina*. — 2010. — № 1. — S. 195–199.
35. Shevchenko Yu. S. Sistematizatsiya psikhicheskikh rasstroystv (otechestvennyy vzglyad na mezhdunarodnuyu klassifikatsiyu) // *Prakticheskaya meditsina*. — 2009. — № 38. — S. 5–12.
36. Shishkov S. N. Psikhicheskoe rasstroystvo kak raznovidnost vreda, prichinennogo zdorovyu poterpevshego // *Zakonnost*. — 2010. — № 8. — S. 26–30.
37. Shkabin G. S. Vred v ugovnom prave: vidy i pravovoe regulirovanie // *Lex russica*. — 2016. — № 8. — S. 62–80.
38. Yanina I. Yu. Ponyatie i vidy prichineniya v ugovnom prave // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. — 2019. — № 3.
39. Ahmed R. The Influence of Reasonableness in Determining Delictual or Tort Liability for Emotional Distress or Mental Harm in American and French Law // *Potchefstroom Electronic Law Journal / Potchefstroomse Elektroniese Regsblad*. — 2023. — Vol. 26.
40. Ahne S., Ahne T., Bohnert M. *Forensic Traumatology // Forensic aspects in emergency medicine*. — Berlin, Heidelberg: Springer. — 2023. — P. 31–88.
41. *Diagnostic and statistical manual of mental disorders (DSM-5)*. — 5th ed. — Arlington, VA: American Psychiatric Association, 2013. — 947 p.
42. Bacciagaluppi M. The study of psychic trauma // *Journal of the American Academy Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry*. — 2011. — Vol. 39 — No. 3. — P. 525–538.
43. Beer M. D. The dichotomies: psychosis/neurosis and functional/organic: a historical perspective // *History of Psychiatry*. — 1996. — Vol. 7. — No. 26. — Pt. 2. — P. 231–255.
44. Carletto S., Panero M., Cavallo M., Pagani M. Neurobiology of Posttraumatic Stress Disorder // *PET and SPECT in Psychiatry / R. A. Dierckx, A. Otte, E. F. J. de Vries, A. van Waarde, I. E. Sommer (eds.)*. — Springer, 2021. — 1084 p.
45. Davis M. T., Holmes S. E., Pietrzak R. H., Esterlis I. Neurobiology of Chronic Stress-Related Psychiatric Disorders: Evidence from Molecular Imaging Studies // *Chronic Stress*. — 2017. — Vol. 1. — P. 1–24.
46. Freedman K. The Epistemological Significance of Psychic Trauma // *Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy*. — 2006. — № 21. — P. 104–125.
47. Hall R. C. W., Hall R. C. W. Malingering of PTSD: forensic and diagnostic considerations, characteristics of malingerers and clinical presentations // *General Hospital Psychiatry*. — 2006. — Vol. 28. — No. 6. — P. 525–535.
48. Hall R. C. W., Hall Rich C. W., Chapman M. Definition, Diagnosis, and Forensic Implications of Postconcussional Syndrome // *Psychosomatics*. — 2005. — No. 46. — P. 195–202.
49. Heckers S., Kendler K. S. The evolution of Kraepelin's nosological principles // *World Psychiatry*. — 2020. — Vol. 19. — No. 3. — P. 381–388.
50. Maercker A., Brewin C. R., Bryant R. A. [et al.]. Diagnosis off classification of disorders specifically associated with stress: Proposals for ICD-11 // *World Psychiatry*. — 2013. — No. 12. — P. 198–206.
51. Spitzer C., Dudeck M., Liss H., Orlob S., Gillner M., Freyberger H. J. Post-traumatic stress disorder in forensic inpatients // *The Journal of Forensic Psychiatry*. — 2001. — Vol. 12. — No. 1. — P. 63–77.
52. Szogi E. G., Sullivan K. A. Malingered Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) and the Effect of Direct Versus Indirect Trauma Exposure on Symptom Profiles and Detectability // *Potchefstroom Electronic Law Journal / Potchefstroomse Elektroniese Regsblad*. — 2018. — No. 11. — P. 351–361.
53. Walvisch J. Defining «Mental Disorder» in Legal Contexts // *International Journal of Law and Psychiatry*. — 2017. — Vol. 52. — P. 7–18.

Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и некоторых иностранных государств

Аннотация. Вопросы, связанные с использованием специальных знаний в уголовном судопроизводстве, не теряют актуальности, несмотря на то, что участие эксперта и специалиста предусмотрено в законодательстве. Наличие разных подходов в различных отраслях права к толкованию понятий «специальные знания» и «специальные познания» обуславливает не только непрекращающиеся научные дискуссии, но и сложности в правоприменительной практике. В условиях динамично развивающегося законодательства нуждаются в пересмотре уже существующие положения с целью повышения эффективности деятельности этих и других участников уголовного судопроизводства. Сравнительно-правовой анализ законодательства разных государств позволяет использовать положительный опыт зарубежных правовых порядков при оптимизации работы по совершенствованию законодательства, тем более в век развития цифровых технологий. Однако речь идет не о слепом копировании, а о создании собственной модели использования специальных знаний в уголовном процессе, позволяющей их применять еще эффективнее в условиях цифровизации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовный процесс; цифровизация; специальные знания; специальные познания; эксперт; специалист; педагог; психолог; врач.

Для цитирования: Антонович Е. К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и некоторых иностранных государств // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 115–123. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.115-123.

© Антонович Е. К., 2025

* Антонович Елена Константиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), полковник внутренней службы в отставке
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
e.ant@inbox.ru

Use of Specialized Knowledge in Criminal Proceedings: Comparative Legal Analysis of the Legislation of the Russian Federation and Selected Foreign States

Elena K. Antonovich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Retired Colonel of the Internal Service, Moscow, Russian Federation
e.ant@inbox.ru

Abstract. Issues related to the use of specialized knowledge in criminal proceedings remain relevant despite existing legislative provisions for expert and specialist involvement. The existence of different approaches in different branches of law to the interpretation of the concepts of “special knowledge” and “special expertise” causes not only ongoing scientific discussions in this regard, but also difficulties in law enforcement practice. Rapid legislative development necessitates revising existing provisions to enhance the effectiveness of these participants. A comparative analysis of various states’ legislation allows leveraging positive foreign experiences for legislative optimization—especially crucial in the digital age. However, this is not about blind replication, but about developing a distinct model for utilizing special knowledge in criminal proceedings, enabling more effective application amid digitalization.

Keywords: criminal proceedings; criminal procedure; digitalization; special knowledge; expertise; expert; specialist; educator; psychologist; doctor.

Cite as: Antonovich EK. Use of Specialized Knowledge in Criminal Proceedings: Comparative Legal Analysis of the Legislation of the Russian Federation and Selected Foreign States. *Aktual’nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(8):115-123. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.115-123.

При расследовании некоторых видов преступлений достаточно сложно обойтись без помощи лиц, которые обладают определенными знаниями именно в той сфере, с которой связано совершенное преступление. Причем речь идет не только об экспертах, но и о других лицах, оказывающих помощь следователю, дознавателю или судье при расследовании уголовных дел и принятии решений.

Исследование вопроса об использовании специальных знаний в уголовном судопроизводстве следует начать с выяснения подходов к их пониманию не только в российском законодательстве, но и на примере некоторых иностранных государств. Прежде всего, небезынтересен будет опыт законодательства на постсоветском пространстве. Несмотря на возрастающий интерес к сравнительному правоведению, сербское уголовное судопроизводство охвачено в российской науке значительно меньше, чем английское, американское, французское и немецкое, что также послужило причиной изучения этого законодательства в части, касающейся использования специальных знаний. Ведь, несмотря на некоторое сходство, все-таки имеются разные

объяснения этого понятия, а значит, возникают сложности в правоприменительной плоскости. Продолжаются обсуждения соотношения понятий «специальные знания» и «специальные познания». Помимо этого, объем специальных знаний в уголовном судопроизводстве не имеет однозначного наполнения и продолжает обсуждаться на различных дискуссионных площадках. Отсутствуют и однозначные подходы к выявлению форм использования специальных знаний при производстве по делу.

Именно с учетом вышеуказанных аспектов нами будут рассмотрены особенности использования специальных знаний при производстве по уголовному делу.

Отсутствие уже на законодательном уровне единообразного подхода к использованию в разных отраслях права этих терминов обусловило непрекращающиеся дискуссии в научных кругах по данному вопросу. Так, например, в уголовно-процессуальном законодательстве употребляется выражение «специальные знания», а в административном — «специальные познания».

В юридической литературе бытует мнение, что знания — сведения, которыми располагает

данное лицо, в то время как познания — сведения, накопленные человечеством¹. Однако в основном отмечается, что специальные знания следует рассматривать как объективно существующие сведения, накопленные по конкретному предмету и не зависящие от субъекта, ими владеющего, тогда как познание представляет собой, с одной стороны, процесс накопления знаний, а с другой — субъективный объем знаний конкретного лица². На наш взгляд, второй подход более обоснован. Самой точной представляется следующая формулировка специальных знаний: это система теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства, ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта, необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного, гражданского судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях³.

В статье 57 УПК РФ имеется лишь отсылка к специальным знаниям. В законодательстве иностранных государств такие знания иногда сводятся к научным знаниям (ст. 79 УПК Республики Казахстан) либо расширяются за счет познаний в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности (ст. 61 УПК Республики Беларусь). Иногда используется термин «профессиональные знания» (ст. 113 УПК Республики Сербия). Несмотря на выявленные различия толкований понятия «специальные знания» в российском и иностранном законодательстве, сводятся они в основном к тому, что

такие знания не общеизвестны, а обусловлены профессиональным обучением и опытом деятельности по профессии.

Помимо дискуссий о разграничении специальных и общеизвестных знаний, сама грань между ними недостаточно устойчива. Также продолжаются споры о возможности отнесения к ним юридических знаний. Верховный Суд РФ разъяснил, что недопустимо ставить перед экспертом вопросы правового характера, которые относятся к компетенции суда⁴. Такой подход корреспондирует толкованию значения судебной экспертизы в законодательстве о судебно-экспертной деятельности⁵. Интересно, что в зарубежном законодательстве встречается и прямой запрет назначения и производства судебной экспертизы для выяснения или оценки юридических вопросов (например, ст. 113 УПК Республики Сербия).

Между тем ценность специальных знаний в уголовном судопроизводстве было бы несправедливо ограничивать только производством судебной экспертизы. Так, в юридической литературе неоднократно обращалось внимание на то, что наличие консультаций по вопросам юридического характера позволяет разобраться в возникающих правовых коллизиях.

Представляется, что в уголовном судопроизводстве для отнесения знаний к специальным должны быть соблюдены два основных условия: не только сфера этих знаний, но и форма их использования. Это обеспечит оценку и проверку доказательства, полученного с применением специальных знаний, в части не только относи-

¹ См.: Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А. Судебная экспертиза (экспертология) : учеб. пособие. Екатеринбург, 2000. С. 5 ; Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002. С. 7.

² См.: Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. М., 2016. С. 100–102 ; Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2013. С. 297.

³ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2022. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=389911>.

⁴ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» ; от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ст. 9 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

мости, но и допустимости. Основное значение специальных знаний — способность участвовать в формировании доказательств для установления обстоятельств, которые существенны для дела. Именно этим можно объяснить вовлечение в сферу уголовного судопроизводства прежде всего таких участников, как эксперт и специалист. Специальные знания обуславливают получение различных видов доказательств: заключения эксперта и показаний эксперта, заключения специалиста и показаний специалиста. Справедливо обосновывается возможность применения специальных знаний в уголовном процессе в следующих формах: «проведение судебной экспертизы; использование помощи специалиста при расследовании уголовного дела и в рамках судебного разбирательства; допросы как эксперта, так и специалиста; ревизии, документарные и иные проверки»⁶. Между тем вариативность использования специальных знаний значительно шире. Ведь в производстве по уголовному делу участие принимают и другие лица, которые обладают специальными знаниями. В их числе переводчики, психологи и педагоги, а также врачи. К определению их в качестве участников уголовного судопроизводства подходы в законодательстве иностранных государств различаются. Их либо относят к специалистам, либо рассматривают в качестве отдельных лиц. Например, согласно ст. 80 УПК Республики Казахстан специалистами являются также педагог, психолог, участвующие в следственных и иных процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, а равно врач, участвующий в следственных и иных процессу-

альных действиях, за исключением случаев назначения его экспертом. В других государствах, таких как Республика Беларусь, допускаются к участию в уголовном судопроизводстве не только эксперты, но и специалисты (например, ст. 61 и 62 УПК Республики Беларусь). Однако педагог или психолог, участвующие в допросе несовершеннолетних лиц, являются специалистами (ст. 62 УПК Республики Беларусь), в то время как процессуальному статусу переводчика посвящена отдельная статья (ст. 63 УПК Республики Беларусь).

В эпоху развития цифровых технологий спектр востребованности специальных знаний еще шире⁷. Специалисты обеспечивают дистанционные допросы и депонирование показаний участников уголовного судопроизводства, передачу информации, в том числе в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам. В стремлении максимально использовать возможности цифровизации каждое государство создает собственные стандарты использования их в доказывании по уголовным делам: как инструмента доступа к правосудию; как средства обеспечения коммуникации участников уголовного судопроизводства; как способа и шаблона для принятия решений; как средства передачи информации и процессуальных документов между органами, ведущими уголовное судопроизводство, и его участниками; как средства фиксации действий и решений участников уголовного судопроизводства; как способа установления фактических обстоятельств, имеющих значение для дела; как сведений, на основе которых суд, прокурор, следователь в порядке, определен-

⁶ *Максуров А. А.* Области применения специальных знаний в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2023. № 6. С. 91–98.

⁷ См.: *Антонович Е. К.* Правовая помощь по уголовным делам в цифровом обществе // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 167–173; *Вилкова Т. Ю.* Обязательное аудио- и видеопотоколирование судебного заседания в уголовном судопроизводстве в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 55-летию ЮЗГУ (28–29 марта 2019 г.) / редкол.: А. А. Горохов (отв. ред.) ; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 181–185; *Она же.* Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции : в 3 ч. М., 2019. Ч. 3. С. 236–240.

ном уголовно-процессуальным законодательством, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, существенных для уголовного дела; как способа создания баз данных⁸.

Не только вызывают научный интерес, но и привлекают внимание правоприменителя процессуальные способы использования специальных знаний при производстве по уголовному делу. При всем многообразии можно выделить два основных подхода к применению специальных знаний в уголовном судопроизводстве иностранных государств: англосаксонский способ при состязательной форме уголовного процесса и континентальный способ при смешанной форме. При первой модели стороны наиболее активны в поиске лица, обладающего специальными знаниями, а эксперт, не имеющий самостоятельного процессуального статуса, допрашивается в судебном заседании в качестве свидетеля привлеченной его стороны. При второй модели, когда суд наиболее активен, эксперт привлекается по инициативе компетентного должностного лица или по ходатайству сторон, он представляет свое заключение и обладает самостоятельным процессуальным статусом. Так, например, статья 156 УПК Французской Республики закрепляет право выбора того или иного эксперта следственным судьей по ходатайству сторон, что способствует повышению доверия последних к результатам исследования, а также создает возможность формирования смешанных комиссий экспертов, представленных как стороной обвинения, так и стороной защиты⁹. В большинстве европейских стран судебные эксперты одновременно являются и офицерами полиции. В некоторых странах офицеры полиции могут быть судебными экспертами, выполняя только определенные виды экспертиз. Напри-

мер, на Мальте полицейские судебные эксперты производят экспертизы и исследования по дактилоскопии, баллистике и фотодокументам, во Франции — дактилоскопические и автотехнические. В других странах полицейские офицеры могут работать как судебные эксперты, если они получили соответствующее назначение (например, в Австрии, Словакии и Португалии). Однако, работая судебными экспертами, они больше не выполняют функций оперативных полицейских. В Англии технические подразделения полиции проводят сравнительный анализ отпечатков пальцев, выявляют следы, применяя химические методы, и осуществляют простые исследования документов¹⁰.

Как видим, каждое государство демонстрирует собственный способ вовлечения лиц, обладающих специальными знаниями, в уголовное судопроизводство.

Помимо переводчиков, специалистов и экспертов, в уголовном судопроизводстве Республики Сербия принимают участие эксперты-свидетели и профессиональный консультант (ст. 112 УПК Республики Сербия). Назначает судебную экспертизу орган, ведущий расследование. Происходит это в случаях, когда для установления или оценки определенного факта по делу необходимы профессиональные знания (ст. 113 УПК Республики Сербия). Экспертом является лицо, обладающее необходимыми профессиональными знаниями для установления или оценки факта в ходе судебного разбирательства. Как правило, для проведения экспертизы назначается один эксперт-свидетель, а комплексной экспертизы — два эксперта и более. Если для производства определенного вида экспертизы имеются эксперты, входящие в список постоянных экспертов, то другие эксперты могут быть назначены только в случае опасности задержки, или если есть препятствия

⁸ Антонович Е. К., Воскобитова Л. А., Воронин М. И., Пржиленский В. И., Шереметьев И. И. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации. М., 2024.

⁹ Белоносов В. О. Доказательства и доказывание по УПК Франции // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 4. С. 62–73.

¹⁰ См.: Цоколова О. И., Никитина И. Э. Организация судебной экспертизы в европейских странах: исторический аспект и современные тенденции // Научный портал МВД России. 2011. № 2. С. 119–123.

для назначения постоянных экспертов, или если того требуют иные обстоятельства (ст. 114 УПК Республики Сербия). Таким образом, как и во многих других государствах, в Республике Сербия имеется список (база данных), содержащий перечень постоянных экспертов. Как и в российском уголовном судопроизводстве, в соответствии со ст. 117 УПК Республики Сербия орган, ведущий производство по делу, назначает экспертизу путем вынесения письменного постановления по собственной инициативе или по ходатайству стороны и защитника. Причем при наличии опасности задержки экспертиза может быть назначена и устно, с обязательным составлением официальной справки. В российском законодательстве устный способ назначения судебной экспертизы отсутствует. Если ходатайство о проведении экспертизы заявлено защитником или стороной¹¹, то орган, ведущий производство, может предложить ей указать лицо, профессиональное учреждение или государственный орган, которым следует поручить производство судебной экспертизы, и сформулировать вопросы эксперту. Если прокурор вынесет постановление об отказе в удовлетворении такого ходатайства, то оно может быть обжаловано в суд. В случае ходатайства о назначении судебной экспертизы, поданного обвиняемым и его защитником, субсидиарным обвинителем или частным обвинителем, орган, ведущий производство, может потребовать внесения аванса на покрытие расходов на проведение экспертизы. В случае назначения судом экспертизы постановление также должно быть вручено сторонам. В соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством стороны также знакомятся с постановлением о назначении судебной экспертизы (ч. 3 ст. 195 УПК РФ) и могут участвовать в постановке вопросов перед экспертом. Однако в сербском уголовном судопроизводстве стороны наделены более широкими правами и в выборе эксперта.

В соответствии со ст. 119 УПК Республики Сербия эксперту перед началом экспертизы предлагается принести присягу, а постоянный

эксперт перед началом экспертизы предупреждается о принятой им ранее присяге (ст. 121). Такой подход сближает его в процессуальном статусе со свидетелем.

Помимо эксперта, согласно ст. 125 УПК Республики Сербия в уголовном судопроизводстве принимает участие профессиональный консультант, под которым понимается лицо, обладающее профессиональными знаниями в области, в которой назначена экспертиза. Сторона вправе выбрать и выдать доверенность профессиональному консультанту при назначении органом, ведущим производство по делу, экспертизы. При этом обвиняемый и дополнительный обвинитель вправе обратиться в орган, ведущий производство по делу, с ходатайством о назначении профессионального консультанта. В статье 126 УПК Республики Сербия предусмотрены права и обязанности профессионального консультанта. Профессиональный консультант имеет право быть уведомленным о дате, времени и месте производства экспертизы, наряду с подсудимым и его защитником присутствовать при производстве экспертизы, знакомиться в ходе экспертизы с материалами дела, предлагать эксперту совершить определенные действия, делать замечания по поводу выводов и заключения эксперта, допрашивать эксперта в судебном заседании по существу, а также быть допрошенным по предмету экспертизы. Перед допросом профессиональный консультант должен принять так же, как эксперт, присягу. Профессиональный консультант обязан без промедления представить доверенность органу, ведущему производство, оказать стороне помощь профессионально, добросовестно и своевременно, воздержаться от злоупотребления своими правами и затягивания разбирательства. Таким образом, в уголовный процесс вовлекается, помимо эксперта-свидетеля, профессиональный консультант, участие которого обусловлено решением компетентного органа о производстве судебной экспертизы.

Как и в российском уголовном судопроизводстве, в сербском уголовном судопроизводстве отдельное место уделено таким участникам,

¹¹ В сербском уголовно-процессуальном законодательстве сторона — прокурор или подсудимый.

обладающим специальными знаниями, как врачи. Однако более детально регламентировано проведение судебной экспертизы трупа и судебно-психиатрической экспертизы.

Помимо этого, в сербском законодательстве предусматривается вовлечение в орбиту уголовного судопроизводства также переводчика, психолога, социального работника или ученых, исследователей и других специалистов, решение об участии которых принимает орган, ведущий производство.

Отдельно в ст. 118 УПК Республики Сербия оговариваются условия вовлечения в уголовное судопроизводство иностранных лиц, обладающих специальными знаниями. Так, предусматривается, что если для проведения определенного вида экспертизы отсутствуют отечественный эксперт, профессиональное учреждение или государственный орган либо если это оправдано особой сложностью дела, характером экспертизы или иными важными обстоятельствами, в порядке исключения в качестве эксперта может быть назначен иностранный гражданин либо в порядке исключения проведение экспертизы может быть поручено иностранному профессиональному учреждению или органу иностранного государства.

Существенным отличием является то, что сербское законодательство не предусматривает такого участника, как специалист, обладающего самостоятельным процессуальным статусом. Имеющиеся ссылки в законодательстве на участие специалистов означают вовлечение в уголовное судопроизводство лиц, обладающих специальными знаниями.

Введение в российское уголовное судопроизводство такого участника, как специалист, с самостоятельным автономным процессуальным статусом направлено на обеспечение самостоятельности сторон. Тем не менее это не означает сходства с англосаксонской моделью участия эксперта по инициативе обвиняемого или потерпевшего. Объясняется это тем, что, во-первых, для его участия по инициативе потерпев-

шего или обвиняемого требуется введение его в процесс посредством заявления ходатайства заинтересованных лиц. А во-вторых, специалист как лицо, обладающее специальными знаниями в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, призван помочь правосудию в установлении действительных обстоятельств дела¹², а не отстаивать интересы сторон.

Анализ российского и иностранного законодательства, а также судебной практики свидетельствует о том, что для более эффективного участия лиц, обладающих специальными знаниями, термин «специальные знания» следует использовать в различных отраслях права в единообразном понимании. Это не только приведет к непротиворечивости в законодательной сфере, но и исключит многие проблемы на практике. Например, вопрос о соотносимости процедур доказывания при применении административной преюдиции в уголовном судопроизводстве. В УПК РФ толкование этого понятия могло бы найти отражение в ст. 5.

Развитие цифровизации не может не влиять на формы участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными знаниями. В частности, целесообразна проработка вопросов: о создании баз данных экспертов, специалистов, переводчиков, об их участии при производстве дистанционных следственных действий с целью обеспечения безопасности при передаче данных, при дистанционном формате разъяснения прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, при ознакомлении с материалами уголовного дела и обеспечении доступа к правосудию. В данном случае речь идет не о замене одних участников уголовного судопроизводства на других, а о повышении эффективности обеспечения предоставленных им прав и исполнения возложенных на них обязанностей.

Полезным в этой связи может оказаться опыт зарубежного законодателя — как импульс к дальнейшему совершенствованию правовых основ использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2024 № 37-П «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова» // СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонович Е. К. Правовая помощь по уголовным делам в цифровом обществе // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 11 (132). — С. 167–173.
2. Антонович Е. К., Воскобитова Л. А., Воронин М. И., Пржиленский В. И., Шереметьев И. И. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации. — М., 2024. — 288 с.
3. Белоносов В. О. Доказательства и доказывание по УПК Франции // Юридический вестник Самарского университета. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 62–73.
4. Вилкова Т. Ю. Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции : в 3 ч. Ч. 3. — М., 2019. — С. 236–240.
5. Вилкова Т. Ю. Обязательное аудио- и видеопроколирование судебного заседания в уголовном судопроизводстве в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 55-летию ЮЗГУ (28–29 марта 2019 года) / редкол.: А. А. Горохов (отв. ред.) ; Юго-Зап. гос. ун-т. — Курск, 2019. — С. 181–185.
6. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. — М., 2013. — 359 с.
7. Максуров А. А. Области применения специальных знаний в уголовном процессе // Российский юридический журнал. — 2023. — № 6. — С. 91–98.
8. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. — М., 2016. — 213 с.
9. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2022. — 576 с. — URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=389911>.
10. Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. — М., 2002. — 144 с.
11. Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А. Судебная экспертиза (экспертология) : учеб. пособие. — Екатеринбург, 2000. — 137 с.
12. Цоколова О. И., Никитина И. Э. Организация судебной экспертизы в европейских странах: исторический аспект и современные тенденции // Научный портал МВД России. — 2011. — № 2. — С. 119–123.

Материал поступил в редакцию 9 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonovich E. K. Pravovaya pomoshch po ugovolnym delam v tsifrovom obshchestve // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 11 (132). — S. 167–173.
2. Antonovich E. K., Voskobitova L. A., Voronin M. I., Przhilenskiy V. I., Sheremetev I. I. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: transformatsiya teoreticheskikh predstavleniy i regulirovaniya v usloviyakh tsifrovizatsii. — M., 2024. — 288 s.
3. Belonosov V. O. Dokazatelstva i dokazyvanie po UPK Frantsii // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. — 2023. — T. 9. — № 4. — S. 62–73.
4. Vilkoval T. Yu. Dosudebnoe proizvodstvo v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom: sravnitelnyy analiz // Rossiyskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii: materialy VI Moskovskogo yuridicheskogo foruma XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 3 ch. Ch. 3. — M., 2019. — S. 236–240.

5. Vil'kova T. Yu. Obyazatelnoe audio- i videoprotokolirovanie sudebnogo zasedaniya v ugovnom sudoproizvodstve v Rossii i za rubezhom: sravnitel'no-pravovoy analiz // Evolyutsiya gosudarstva i prava: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 55-letiyu YuZGU (28–29 marta 2019 goda) / redkol.: A. A. Gorokhov (otv. red.); Yugo-Zap. gos. un-t. — Kursk, 2019. — S. 181–185.
6. Lazareva V. A. Dokazyvanie v ugovnom protsesse. — M., 2013. — 359 s.
7. Maksurov A. A. Oblasti primeneniya spetsialnykh znaniy v ugovnom protsesse // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2023. — № 6. — S. 91–98.
8. Orlov Yu. K. Sovremennyye problemy dokazyvaniya i ispolzovaniya spetsialnykh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve. — M., 2016. — 213 s.
9. Rossinskaya E. R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom protsesse: monografiya. — 4-e izd., pererab. i dop. — M., 2022. — 576 s. — URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=389911>.
10. Selina E. V. Primenenie spetsialnykh poznaniy v ugovnom protsesse. — M., 2002. — 144 s.
11. Sorokotyagin I. N., Sorokotyagina D. A. Sudebnaya ekspertiza (ekspertologiya): ucheb. posobie. — Ekaterinburg, 2000. — 137 s.
12. Tsokolova O. I., Nikitina I. E. Organizatsiya sudebnoy ekspertizy v evropeyskikh stranakh: istoricheskiy aspekt i sovremennyye tendentsii // Nauchnyy portal MVD Rossii. — 2011. — № 2. — S. 119–123.

Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье обоснована необходимость конкретизации существующих в уголовно-процессуальной науке дефиниций понятия «электронное доказательство». Представлены результаты контент-анализа научной литературы, на основе которого выявлены виды критериев допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве и предложена их классификация. По итогам системного анализа уголовно-процессуального законодательства, правовых позиций Верховного Суда РФ, изучения уголовно-процессуальной практики, зарубежного опыта использования электронных доказательств в уголовно-процессуальном доказывании, эмпирического исследования, проведенного автором в 2024–2025 гг. в 12 субъектах РФ, актуализированы дополнительные критерии допустимости электронных уголовно-процессуальных доказательств, исходя из их цифрового происхождения и сферы существования. Предложено авторское определение электронного доказательства в уголовном судопроизводстве, систематизированы критерии его допустимости в целях оптимизации уголовно-процессуальной практики.

Ключевые слова: электронное доказательство; уголовное судопроизводство; критерии допустимости уголовно-процессуального доказательства; уголовно-процессуальное доказывание; уголовное дело; судебное обжалование; цифровизация; оценка электронных доказательств; достоверность электронного доказательства; фальсификация электронного доказательства.

Для цитирования: Платонов В. В. Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 124–132. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.124-132.

Ensuring Admissibility of Electronic Evidence in Criminal Proceedings

Valentin V. Platonov, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Lawyer, Moscow City Legal Consultation Bar Association, Moscow, Russian Federation
vvplatonov1994@yandex.ru

Abstract. The paper substantiates the need to clarify existing definitions of "electronic evidence" in criminal procedure science. Content analysis of scholarly literature reveals types and classifications of admissibility criteria for electronic evidence. Through a systematic analysis of criminal procedure legislation, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, a study of criminal procedure practice, an empirical study conducted by the author in 2024-2025 in 12 constituent entities of the Russian Federation, and foreign experience in using electronic evidence in criminal procedure proving, additional criteria for the admissibility of electronic criminal

© Платонов В. В., 2025

* Платонов Валентин Васильевич, аспирант кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат коллегии адвокатов «Московская городская юридическая консультация»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
vvplatonov1994@yandex.ru

procedure evidence have been updated based on their digital origin and scope of existence. The author proposes a definition of electronic evidence in criminal proceedings, and systematizes the criteria for its admissibility in order to optimize criminal procedural practice.

Keywords: electronic evidence; criminal proceedings; admissibility criteria for criminal procedural evidence; criminal procedural proof; criminal case; judicial appeal; digitalization; evaluation of electronic evidence; reliability of electronic evidence; falsification of electronic evidence.

Cite as: Platonov VV. Ensuring Admissibility of Electronic Evidence in Criminal Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(8):124-132. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.124-132.

На современном этапе развития правового регулирования и уголовно-процессуальной практики распространено использование в качестве доказательств в уголовных делах электронных доказательств. Это напрямую связано с быстрым прогрессом в области информационных и коммуникационных технологий. Однако, несмотря на разработку многочисленных теоретических определений электронных доказательств процессуалистами, остается нерешенным вопрос конкретных критериев их допустимости в уголовном судопроизводстве. Данная проблема актуальна не только для российской, но и для международной юридической практики. Анализ законодательства европейских стран свидетельствует об отсутствии в большинстве случаев легальной дефиниции электронных доказательств, а также специальных правил признания их допустимыми.

Каждое доказательство в уголовном судопроизводстве, согласно ст. 75 УПК РФ, должно быть проверено на соответствие его допустимости. На необходимость конкретизации свойства допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве указывает О. В. Рябова, отмечая «уникальность сферы появления и пребывания электронного доказательства, особый формат хранения рассматриваемого доказательства, предполагающий разнообразие объектов материального мира, использующихся для изъятия и последующего хранения

электронного доказательства, обеспечение надежной сохранности в сравнении с бумажным носителем информации»¹.

В научной литературе встречается дефиниция критерия допустимости электронного доказательства: «правовое требование, определяющее соответствие полученного в ходе расследования уголовного дела электронного доказательства требованиям о надлежащем субъекте доказывания, источнике получения доказательственной информации, способе и процессуальной форме собирания доказательства, предусмотренных УПК РФ, соблюдении процедуры проверки доказательств, а также установление аутентичности, идентификации, верифицируемости и воспроизводимости электронной информации»².

В данной связи целесообразно акцентировать внимание на мнении Н. М. Кипниса, который выделил четыре критерия допустимости доказательства: «1) надлежащий субъект, правомочный проводить процессуальные действия, направленные на получение доказательств; 2) надлежащий источник фактических данных (сведений, информации), составляющих содержание доказательства; 3) надлежащее процессуальное действие, используемое для получения доказательств; 4) надлежащий порядок проведения процессуального действия (судебного или следственного), используемого как средство получения доказательств»³.

¹ Рябова О. В. Значение института «электронных доказательств» в отечественном уголовном судопроизводстве // Мировые исследования в области социально-гуманитарных наук : материалы III Международной научно-практической конференции. Рязань, 2023. С. 374–377.

² Количенко А. А. Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 80–85.

³ Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 1995. С. 56.

Иные критерии допустимости электронных доказательств выделяются С. В. Зуевым: «1) аутентификация, 2) идентификация, 3) верифицируемость, 4) воспроизводимость сведений»⁴.

Наряду с конкретизацией критериев допустимости уголовно-процессуальных электронных доказательств указанными учеными предлагается делить обозначенные критерии на общие и частные (аутентификация цифровой информации, идентификация цифровой информации). Указанная классификация критериев не снижает остроты дискуссии по поводу оптимальности отдельных элементов критериев допустимости электронных доказательств.

Следует подчеркнуть, что выделение данных вопросов обоснованно, т.к. неоднозначность решения при признании электронного доказательства допустимым обусловлена, с одной стороны, потребностью в поиске следов преступления и установлении обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ, а с другой стороны, необходимостью соблюдения конституционных прав личности, в отношении которой осуществляется уголовное преследование. Отмеченное подтверждается результатами изучения правоприменительной практики по рассмотрению судом жалоб заинтересованных лиц в порядке ст. 125 УПК РФ на нарушение тайны переписки при производстве осмотров электронных носителей в отсутствие судебных решений. Данная практика отражает наличие проблем, с которыми сталкиваются следователи, дознаватели при собирании, закреплении, оценке электронных доказательств, и указывает на необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства в этой области.

Цифровая или электронная информация может храниться в любом из следующих источников: мейнфреймы, сетевые серверы, персо-

нальные компьютеры, карманные устройства, автомобили или бытовая техника; в качестве альтернативы к ней можно получить доступ через облако, Интернет, частные сети или третьих лиц. Большая часть такой информации создается и поддерживается в ходе обычной деятельности. Использование в уголовном судопроизводстве доказательственной информации, содержащейся в Интернете или на портативном устройстве, до сих пор не является единым образным. Анализ уголовно-процессуальной практики и мнений 78 респондентов из числа следователей СК России и МВД России, осуществляющих расследование преступлений в Москве, Санкт-Петербурге, Владимирской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Омской, Свердловской, Смоленской, Тверской, Тюменской, Ярославской областях, по вопросу оптимальности процессуального порядка применения электронных доказательств для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, показывает, что в правоприменительной деятельности распространено использование в качестве доказательств по уголовному делу скриншотов сообщений с телефона, распечаток переписок из социальных сетей, удаленных аудиосообщений, которые хранятся в памяти iPhone, переписок в приложении WhatsApp, электронных банковских выписок и т.д.

На актуальность вопроса надлежащей оценки анализируемых доказательств обращает внимание О. А. Малышева, отмечая «отсутствие четких критериев допустимости электронных доказательств в уголовном процессе, а также конкретных правил оценки электронных доказательств в ходе предварительного расследования»⁵.

Оценка допустимости электронных доказательств в российском уголовном судопроизводстве часто опирается на прагматические сооб-

⁴ Зуев С. В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 618–629.

⁵ Малышева О. А. Трансформация досудебного уголовного производства в условиях цифровизации: тенденции и риски // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности. Ижевск, 2024. С. 46–47.

ражения и не всегда осуществляется в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом, что ставит под сомнение допустимость таких доказательств. Это связано не столько с недостатком правового регулирования рассматриваемых уголовно-процессуальных отношений, сколько с недопониманием должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование, правовой сущности электронных доказательств и их цифровой природы происхождения. Оценка допустимости доказательств в уголовном процессе требует проверки процедуры его получения в соответствии с уголовно-процессуальными нормами.

Научный интерес представляет позиция М. И. Воронина, определяющего условия признания допустимым доказательством такого электронного доказательства, как скриншот⁶. Подход ученого свидетельствует о том, что допустимость электронного доказательства связывается с участием лица, которое представляет его, а также с надлежащим порядком изъятия и приобщения доказательства к материалам уголовного дела. По нашему мнению, данная научная позиция свидетельствует о формальном подходе к приданию электронному доказательству свойства допустимости, т.к. в ней отсутствуют акцент на цифровом происхождении электронного доказательства и возможность внесения изменений в его содержание. Поэтому сложно поддержать мнение М. И. Воронина по исследуемому вопросу.

Наряду с изложенным существует и иная проблема в уголовном процессе — полноценное использование других (в бумажном формате) доказательств для подтверждения сведений, представленных в электронной форме. Анализ судебной практики свидетельствует о нередких случаях признания судами полученных в ходе

предварительного расследования электронных доказательств допустимыми в тех случаях, когда их содержание подтверждается другими, неэлектронными доказательствами⁷. По мнению ряда ученых, «данный подход значительно ограничивает доказательственные возможности компьютерной информации»⁸. Однако с данной позицией осмелимся не согласиться, поскольку для признания электронного доказательства допустимым недостаточно только соблюдать процессуальную форму, установленный УПК РФ порядок изъятия и закрепления доказательства. По нашему мнению, акцент следует делать на цифровой природе происхождения и существования электронного доказательства, на которые выше обращалось внимание.

Современная уголовно-процессуальная практика оценки допустимости электронных доказательств часто характеризуется как произвольная, не учитывающая цифровое происхождение данного вида доказательства. Это связано в первую очередь с отсутствием системного нормативно-правового регулирования вопросов, касающихся собирания, проверки и оценки электронных доказательств. На необходимость оптимизации уголовно-процессуального законодательства в целях создания правовых условий надлежащего использования электронных доказательств при исследовании обстоятельств совершенного преступления указали 89 % респондентов. В частности, следователи отмечают: 1) действующее законодательство не позволяет применять электронные доказательства в доказывании по уголовным делам, исходя из их электронной природы; 2) требуется предусмотреть в законе отличные от традиционных способы собирания электронных доказательств.

Представляется, что в процессе собирания, проверки и оценки электронных доказательств

⁶ Воронин М. И. Недопустимая допустимость электронных доказательств. Судебная практика и пробелы в УПК // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 46–55.

⁷ Апелляционные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.12.2018 по делу № 4-АПУ18-41 ; от 10.12.2019 по делу № 223-АПУ13-10 ; от 03.07.2013 по делу № 46-АПУ13-10 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Титова К. А., Литвинова И. В. К вопросу о возможности применения существующих критериев допустимости доказательств к электронным доказательствам в российском уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2. С. 147.

необходимо предъявлять более строгие требования к электронной информации по сравнению с другими видами доказательств. Это связано с тем, что электронные данные неосязаемы, легко подвергаются изменениям и уничтожению и для их изучения требуются специальные средства и знания.

Если при использовании в доказывании электронных доказательств ограничиться исключительно традиционными критериями допустимости, что усматривается из судебных решений Верховного Суда РФ применительно к скриншотам, без выяснения происхождения и возможности внесения изменений в информацию, которая содержится на них, то возникает риск не заметить фальсификации электронных доказательств. Например, в ходе предварительного расследования следователями (дознавателями) осуществляется истребование сведений о соединениях между абонентскими устройствами, о банковских операциях. Организации запрашиваемую информацию предоставляют на электронных носителях, прилагаемых к ответам на запросы, не идентифицируя каким-либо образом содержимое. Анализ материалов уголовных дел показал, что предоставляемые сведения содержатся в текстовых файлах, допускающих внесение изменений (дополнение, удаление), которые влияют на объективное установление обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ. На практике по результатам производства осмотра предметов и документов содержимое текстового файла фиксируется в протоколе осмотра, в последующем признается вещественным доказательством и используется в доказывании по уголовному делу. Подобный порядок получения и закрепления электронного доказательства не обеспечивает объективного расследования уголовного дела и создает условия для фальсификации материалов уголовного дела. Поэтому представляется, что соблюдения лишь процессуального порядка, формы и т.д. недостаточно для электронного доказательства. При решении вопроса о допустимости электронных доказательств требуется учет дополнительных критериев. На данный факт указывает 77 % опрошенных в ходе эмпирического исследования.

Результаты изучения уголовно-процессуальной практики показывают, что к уголовным делам часто приобщаются скриншоты с различных интернет-сайтов, которые редактируются следователями, придерживающимися обвинительного уклона в доказательственной деятельности. Однако, т.к. подобные доказательства-скриншоты получены в установленном УПК РФ порядке, т.е. в ходе следственного действия и надлежащим должностным лицом, оформлены соответствующим протоколом, то по формальным основаниям они признаются допустимыми. При дальнейшем движении уголовного дела ни руководитель следственного органа, ни надзирающий прокурор не вникают в суть вопроса о допустимости этого электронного доказательства. Такая практика присуща и Верховному Суду РФ. Но нередко содержащаяся в них информация искажена. Возможности манипулирования электронными доказательствами разнообразны, и необходимо принять все возможные меры предосторожности против потенциальных изменений. Для этого, подвергая электронные доказательства критике и оцениванию, необходимо облегчить работу по определению их достоверности. Электронные доказательства должны использоваться в уголовном судопроизводстве только в том случае, если гарантируется, что доказательства на момент их применения соответствуют состоянию, в котором они были получены. Это направлено на предотвращение изменений доказательств в период между их получением и использованием в процессе доказывания. Кроме того, следует обеспечить, чтобы объем доказательств также не менялся в период между извлечением и использованием. Изложенное позволяет выделить еще один критерий допустимости электронных доказательств — защищенность от внешнего воздействия.

Обеспечение неизменяемости содержимого электронного доказательства позволит объективно устанавливать обстоятельства, предусмотренные статьей 73 УПК РФ. Простые распечатки электронных писем, мгновенных сообщений или комментариев в социальных сетях — это всего лишь репродукции, которые перед оспариванием можно исключить из понятия «электронные доказательства», если нет других спо-

собов подтверждения. По этой причине необходимо прибегнуть к экспертной проверке, например к сертификату, подтверждающему подлинность адреса электронной почты как средства доказательства, или к доверенному поставщику услуг, гарантирующему проверку электронной подписи на финансовом контракте. К числу средств, позволяющих обеспечить защищенность, следует отнести использование следователем, дознавателем электронно-цифровой подписи, шифрование, ограничение прав доступа к материалам уголовного дела. Электронная подпись является технологическим инструментом, позволяющим гарантировать подлинность и целостность электронных документов.

Для углубленного изучения представляет интерес «Унифицированная модель оценки допустимости цифровых доказательств», разработанная исследователями А. Антви-Боасиако и Х. Вентером⁹. Ученые акцентируют внимание на отдельных аспектах, которые касаются технических и юридических требований, имеющих существенное значение при определении допустимости электронных доказательств. Технические требования ориентированы на соответствие нормам в сфере работы с электронными доказательствами и их анализа, что основывается на знаниях, полученных в ходе научных исследований, правоприменительной практики и профессионального опыта в сфере digital forensics.

В частности, стандарты обращения с цифровыми доказательствами имеют значимую роль в процессе доказывания. В современных условиях интенсивного использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве актуализируется потребность в определении необходимых правил, регламентов и процедур использования электронных доказательств с учетом действующих норм. Отметим, что данный подход детализируется международным стандартом судебно-экспертной деятельности ISO/IEC 27037:2012, который может служить

надежным руководством для допустимости электронных доказательств в правовой практике¹⁰. В документе подчеркивается, что его применение должно учитывать специфику национального законодательства и регулирования, не заменяя при этом законодательные требования какой-либо страны. Данный стандарт был создан в целях поддержки юридической значимости и усиления доказательственной силы электронных доказательств при расследовании и рассмотрении уголовных дел. В отечественном законодательстве необходимы минимальные стандарты безопасности данных. Требуется обеспечить, чтобы электронные доказательства не использовались в уголовном судопроизводстве, если нет достаточных доказательств того, что это не является результатом фальсификации или подделки документов. Для того чтобы проверить, соблюдены ли требования, не были ли электронные доказательства изменены с точки зрения определения содержания и объема информации в период между ее получением и использованием, а также не является ли она результатом фальсификации и подделки, важно иметь доступ к экспертным знаниям ИТ-специалистов. Необходимо обязать привлекать специалистов в области информационных технологий по просьбе подозреваемого или обвиняемого лица. Обратим внимание на тот факт, что в случае производства судебной экспертизы лицом, которое не имеет соответствующего допуска для ее производства, результаты экспертного исследования будут признаны недопустимым доказательством. Кроме того, в случае использования в ходе производства судебной экспертизы средств, у которых закончился срок действия лицензии, либо она отсутствовала или если эксперты не были приняты в подразделения, то полученное заключение эксперта невозможно будет признать допустимым. Поэтому соблюдение стандарта обращения с электронными доказательствами необходимо для обеспечения их допустимости в процессе доказывания.

⁹ Antwi-Boasiako A., Venter H. A Model for Digital Evidence Admissibility Assessment // 13th IFIP International Conference on Digital Forensics (DigitalForensics), January 2017, Orlando, FL, United States. Springer, 2017. P. 23–38.

¹⁰ URL: <https://www.iso.org/standard/44381.html> (дата обращения: 20.11.2024).

К числу правовых требований относят получение законного разрешения на производство следственного действия и изъятие электронных средств; подлинность полученной информации и относимость к обстоятельствам уголовного дела; сохранение исходного состояния и структуры цифровых данных; верификация (проверка) достоверности цифровой информации, под которой понимается отсутствие сомнений по каждому из критериев надежности цифровых доказательств¹¹.

Кроме того, представляют интерес правовая регламентация допустимости электронных доказательств и правоприменительная практика в Индии. В частности, разделы 65А и 65В Закона о доказательствах 1872 г. касаются информации, содержащейся в электронных записях¹². Согласно примечанию к разд. 65А в этой норме изложены «специальные положения» относительно доказательств, касающихся электронных записей. Примечание к разд. 65В затем ссылается на «допустимость электронных записей», предусматривающую, что если какая-либо информация, содержащаяся в электронной записи, созданной с помощью компьютера, была скопирована на оптический или магнитный носитель, то такая скопированная электронная запись «также считается документом» при соответствии условиям, изложенным в разд. 65В(2). Раздел 65В(2) предусматривает некоторые условия, которые должны быть соблюдены для принятия электронных записей в качестве доказательств: компьютер использовался лицом для хранения или обработки информации для осуществления какой-либо деятельности на регулярной основе в течение определенного времени, и лицо имеет законный контроль над использованием компьютера; такая информация должна была регулярно вводиться в компьютер в ходе обычной деятельности. На протяжении всего указанного периода компьютер работал исправно, и даже

если нет, это не влияет на электронную запись или точность его содержания и информации в электронной записи, воспроизведенной/полученной из информации, введенной в компьютер в ходе обычной деятельности.

В деле «Anvar P.V. v. P.K. Basheer and ors.» суд истолковал разд. 22А, 45А, 59, 65А и 65В индийского Закона о доказательствах и постановил, что вторичные данные, содержащиеся на CD, DVD или флеш-накопителе, недопустимы без сертификата в соответствии с разд. 65В(4) данного Закона. В этом деле было указано, что электронные доказательства без сертификата в соответствии с разд. 65В не могут быть подтверждены устными доказательствами, а также мнение эксперта в соответствии с разд. 45А упомянутого Закона не может быть использовано для того, чтобы сделать такие электронные доказательства допустимыми. После этого дела было разъяснено, что единственный способ доказать электронную запись — это представить оригинальный носитель в качестве первичного доказательства и его копию в качестве вторичного доказательства в соответствии с разд. 65В индийского Закона о доказательствах. После этого Верховный суд в деле Шафхи Мохаммада постановил, что требование о представлении сертификата, в соответствии с разд. 65В(4), является процессуальным и не всегда обязательно. Сторона, не владеющая устройством, с которого был получен документ, не может быть обязана представить сертификат в соответствии с разд. 65В(4). Суд счел, что процессуальное требование, в соответствии с разд. 65В(4), должно применяться только в том случае, если электронное доказательство представлено лицом, контролирующим указанное устройство и, следовательно, имеющим возможность представить такой сертификат. Однако, если лицо не владеет устройством, разделы 63 и 65 не могут быть исключены¹³.

¹¹ Goodison S. E., Davis R. C., Jackson B. A. Digital Evidence and the U. S. Criminal Justice System // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR890.html (дата обращения: 20.11.2024).

¹² Indian Evidence Act, 1872 // URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/15351/1/iea_1872.pdf (дата обращения: 20.11.2024).

¹³ The Admissibility of Electronic Evidence // URL: <https://www.foxmandal.in/the-admissibility-of-electronic-evidence/> (дата обращения: 20.11.2024).

Анализ представленного зарубежного опыта свидетельствует о целесообразности обогащения российской теории уголовно-процессуального доказывания классификацией критериев (требований) допустимости электронных доказательств, подтверждает необходимость обязательного участия специалиста при получении электронного доказательства в целях соблюдения технических условий, предусмотренных стандартами обращения с электронными доказательствами и их исследования. При привлечении специалиста для собирания электронных доказательств следователь, дознаватель не должны ограничиваться формальным участием первого в следственном действии в виде присутствия и фиксации данных в протоколе следственного действия. В данном случае действия специалиста должны быть направлены на получение электронного доказательства в целостном, неизменном виде.

Таким образом, с учетом анализа научных позиций ученых, результатов эмпирического исследования допустимость электронных доказательств в уголовном судопроизводстве следует трактовать как требование, определяющее соответствие полученного в ходе уголовного судопроизводства доказательства предписа-

ниям о надлежащем субъекте доказывания, об источнике получения доказательственной информации, предусмотренном в ст. 74 УПК РФ, о способе и процессуальной форме собирания доказательств, установленных УПК РФ, а также отвечающее критериям: аутентичности, идентификации, целостности, достоверности, воспроизводимости электронной информации, ее защищенности, обеспечивающее соблюдение стандартов обращения с электронными доказательствами.

Необходимость определения дополнительных критериев допустимости электронных доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве обусловлена тем, что конституционные права граждан наиболее подвержены ограничению в уголовном процессе. Как следствие, использование электронных доказательств при расследовании и рассмотрении уголовного дела должно сопровождаться установлением надежных средств минимизации рисков незаконного и необоснованного нарушения прав, законных интересов личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство, при этом не препятствующих эффективному доказыванию по уголовному делу в условиях цифровизации общественных отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Воронин М. И. Недопустимая допустимость электронных доказательств. Судебная практика и пробелы в УПК // Уголовный процесс. — 2020. — № 10. — С. 46–55.
2. Зувев С. В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 618–629.
3. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / отв. ред. П. А. Лупинская. — М., 1995. — 128 с.
4. Количенко А. А. Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2022. — № 3 (95). — С. 80–85.
5. Малышева О. А. Трансформация досудебного уголовного производства в условиях цифровизации: тенденции и риски // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности. — Ижевск, 2024. — С. 43–50.
6. Рябова О. В. Значение института «электронных доказательств» в отечественном уголовном судопроизводстве // Мировые исследования в области социально-гуманитарных наук : материалы III Международной научно-практической конференции. — Рязань, 2023. — С. 374–377.

7. *Титова К. А., Литвинова И. В.* К вопросу о возможности применения существующих критериев допустимости доказательств к электронным доказательствам в российском уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. — 2022. — № 2. — С. 144–152.
8. *Antwi-Boasiako A., Venter H.* A Model for Digital Evidence Admissibility Assessment // 13th IFIP International Conference on Digital Forensics (DigitalForensics), January 2017, Orlando, FL, United States. — Springer, 2017.
9. *Goodison S. E., Davis R. C., Jackson B. A.* Digital Evidence and the U. S. Criminal Justice System // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR890.html.
10. The Admissibility of Electronic Evidence // URL: <https://www.foxmandal.in/the-admissibility-of-electronic-evidence/>.

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Voronin M. I. Nedopustimaya dopustimost elektronnykh dokazatelstv. Sudebnaya praktika i probely v UPK // Uголовный процесс. — 2020. — № 10. — С. 46–55.
2. Zuev S. V. O sovremennoy kontseptsii razvitiya informatsionnykh tekhnologiy v uголовном sudoproizvodstve (RITVUS) // Permskiy yuridicheskiy almanakh. — 2019. — № 2. — С. 618–629.
3. Kipnis N. M. Dopustimost dokazatelstv v uголовном sudoproizvodstve / otv. red. P. A. Lupinskaya. — M., 1995. — 128 s.
4. Kolichenko A. A. Dopustimost elektronnykh dokazatelstv v sovremenном uголовном protsesse // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2022. — № 3 (95). — С. 80–85.
5. Malysheva O. A. Transformatsiya dosudebnogo uголовного proizvodstva v usloviyakh tsifrovizatsii: tendentsii i riski // Tendentsii uголовной politiki Rossii na sovremenном etape razvitiya obshchestva: sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu kafedr uголовного prava i kriminologii, uголовного protsessa i pravookhranitelnoy deyatel'nosti. — Izhevsk, 2024. — С. 43–50.
6. Ryabova O. V. Znachenie instituta «elektronnykh dokazatelstv» v otechestvenном uголовном sudoproizvodstve // Mirovye issledovaniya v oblasti sotsialno-gumanitarnykh nauk: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Ryazan, 2023. — С. 374–377.
7. Titova K. A., Litvinova I. V. K voprosu o vozmozhnosti primeneniya sushchestvuyushchikh kriteriev dopustimosti dokazatelstv k elektronnykh dokazatelstvam v rossiyskom uголовном protsesse // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Lukyanova. — 2022. — № 2. — С. 144–152.
8. *Antwi-Boasiako A., Venter H.* A Model for Digital Evidence Admissibility Assessment // 13th IFIP International Conference on Digital Forensics (DigitalForensics), January 2017, Orlando, FL, United States. — Springer, 2017.
9. *Goodison S. E., Davis R. C., Jackson B. A.* Digital Evidence and the U. S. Criminal Justice System // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR890.html.
10. The Admissibility of Electronic Evidence // URL: <https://www.foxmandal.in/the-admissibility-of-electronic-evidence/>.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.133-146

С. Л. Кисленко*,
А. Д. Фокин**

Личность современного телефонного мошенника в сфере оборота жилых помещений: правовой и криминалистический аспекты

Аннотация. Мошенничество в сфере оборота жилых помещений становится популярным направлением в криминальной среде. В первую очередь это обусловливается привлекательностью для криминала данного направления ввиду возможности получения сверхприбыли от преступной деятельности. Число преступлений в указанной сфере неуклонно увеличивается. Тенденция роста мошенничества с недвижимостью в Российской Федерации предопределена не только нестабильностью экономической и геополитической ситуации, но и развитием новых криминальных способов совершения данного вида преступления. Способ совершения любого преступления тесно переплетается с преступником и продиктован характеристиками его личности. Ввиду этого целесообразен научный анализ характеристик преступников, осуществляющих мошеннические действия в сфере оборота недвижимости с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий. Цель исследования — выявить сходные особенности данных лиц с учетом связи их характеристик со способами подготовки, реализации и сокрытия данного частного вида мошенничества. Отдельная задача — криминалистический анализ таких явлений, как мошеннический колл-центр, дропперство. В статье приводятся рекомендации по превенции данного вида преступлений с учетом законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: мошенничество; способ преступления; недвижимое имущество; личность преступника; расследование преступлений; колл-центр; легализация преступного дохода; дропперы; средства телефонии; пенитенциарная система.

Для цитирования: Кисленко С. Л., Фокин А. Д. Личность современного телефонного мошенника в сфере оборота жилых помещений: правовой и криминалистический аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 133–146. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.133-146.

© Кисленко С. Л., Фокин А. Д., 2025

* Кисленко Сергей Леонидович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ser-kislenko@yandex.ru

** Фокин Андрей Денисович, ассистент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
adfokin@msal.ru

Profile of Modern Telecom Fraudster in Residential Property Transactions: Legal and Forensic Aspects

Sergey L. Kislenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University Moscow, Russian Federation
ser-kislenko@yandex.ru

Andrey D. Fokin, Assistant Professor, Department of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University Moscow, Russian Federation
adfokin@msal.ru

Abstract. Fraud in the area of residential property transactions is becoming increasingly prevalent in the criminal environment, primarily due to the potential for substantial illicit profits. The number of such crimes continues to rise, driven not only by economic and geopolitical instability but also by evolving criminal methodologies in committing such crimes. The mode of operating any crime is intertwined with the perpetrator's personality traits. This justifies a scientific analysis of profiles of fraudsters using modern IT/telecom technologies in residential property transactions. The study aims to identify common characteristics of these individuals linked to preparation, execution, and concealment methods in this particular type of fraud. Special focus is given to forensic analysis of "fraudulent call centers" and "droppers." The paper provides recommendations for the prevention of this type of crime, taking into account legislation and law enforcement practice.

Keywords: fraud; method of crime; real estate; offender profile; investigation of crimes; call center; legalization of criminal proceeds; droppers; telephony tools; penitentiary system.

Cite as: Kislenko SL, Fokin AD. Profile of Modern Telecom Fraudster in Residential Property Transactions: Legal and Forensic Aspects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(8):133-146. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.133-146.

Роль криминалистики в изучении личности преступника

Вопросы изучения личности совершившего преступное деяние являются центральными в науках криминального цикла. Объясняется это тем, что именно личность преступника и характеристика его поведения выступают системообразующими элементами, в рамках которых находит проявление целый комплекс объективных и субъективных факторов, детерминирующих механизм преступного деяния.

В криминалистике вопросам изучения личности преступника уделяется пристальное внимание. Это связано с необходимостью научно обоснованных разработок в области техниче-

ского, тактического и методического обеспечения деятельности правоохранительных органов. Ключевое место в данном процессе отводится принципу соответствия свойств и состояний личности преступника виду конкретного преступного деяния. Это положение проходит красной нитью через большинство частных криминалистических теорий¹.

Данные обстоятельства предопределяют необходимость типизации лиц, совершающих разного рода криминальные деяния, с учетом модификации способов и ситуационных особенностей их видовой реализации. Это способствует поступательному развитию такого ключевого раздела криминалистики, как методика расследования отдельных видов преступлений.

¹ См.: Криминалистическое изучение личности : науч.-практ. пособие для магистров / А. Г. Бедрезов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галяшин [и др.] ; отв. ред. Я. В. Комиссарова. М. : Проспект, 2023 ; *Малыхина Н. И. Лицо, совершившее преступление, как объект изучения в криминалистике*. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «СГУОА», 2012.

Типизация преступников предполагает объединение их по однородным признакам с одновременной дифференциацией свойств и состояний, отличных от характеристик лиц, совершающих сходные преступления. От степени разработанности данного процесса зависит успешное решение такой научной задачи криминалистики, как формирование методик расследования преступлений по степени общности и различия составляющих их элементов.

Особенности личности телефонного мошенника

Применительно к расследованию мошенничества можно вести речь как о создании укрепленной криминалистической методики, охватывающей систему рекомендаций по предупреждению и расследованию нескольких видов сходных преступлений, так и о формировании частных методик, направленных на выявление закономерностей совершения мошенничества в разных секторах современного социума специфическими способами и средствами. Данное обстоятельство и послужило основанием для проведения более глубокого анализа такого направления рассматриваемого вида преступлений, как мошенничество в сфере оборота жилых помещений, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, к которым прибегают современные преступники.

На наш взгляд, данный вид мошенничества, как и любое преступление, есть проявление закономерно связанных с ним биологических, психофизиологических, психологических, социальных и иных характеристик личности преступника и его поведения в ситуациях реализации криминального деяния. При этом криминалистическая значимость данных связей тем выше, чем более выражено проявление криминальных способов реализации данного частного вида мошенничества в конкретных условиях развития современного социума.

На сегодняшний день следует констатировать, что число мошеннических действий в сфе-

ре недвижимости неуклонно растет. При этом преступники используют всё более изощренные схемы мошенничества. Актуализируются дистанционные способы совершения данного деяния, среди средств реализации которых значительное место отводится различным устройствам телефонии. Данное обстоятельство предопределяет необходимость тщательного анализа способов телефонного мошенничества в сфере оборота недвижимости с позиций его связей с характеристиками лиц, совершающих данные деяния. Это позволит, на наш взгляд, решить следующие задачи:

— определить место преступников, совершающих мошенничество рассматриваемого вида, в классификационной системе лиц, совершающих мошенничество;

— выявить сходные, а также преобладающие особенности данных лиц с учетом связи их характеристик со способами реализации данного частного вида мошенничества;

— определить возможность использования отличительных особенностей лиц, совершающих мошенничество в сфере недвижимости, для типизации таких преступников;

— установить закономерные связи между свойствами и состояниями мошенников в области оборота жилых помещений с остальными элементами механизма реализации данного криминального деяния (способом, обстановкой, предметом посягательства);

— провести адаптацию существующих в криминалистической методике рекомендаций по расследованию мошенничества в области недвижимости с учетом характеристик лиц, совершающих данные деяния с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

— проанализировать эффективность мер профилактики и предупреждения преступлений, совершаемых данными лицами.

Обобщение следственной и судебной практики, проведенное А. Д. Фокиным², позволило сформировать следующие криминалистически значимые признаки лиц, совершающих мо-

² Здесь и далее приводятся данные, полученные в процессе интервьюирования практических работников (оперативных работников, следователей, экспертов, судей), сотрудников государственных и иных орга-

шеннические действия в сфере недвижимости с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Для преступников данного вида характерен достаточно высокий уровень образования. Объясняется это тем, что для реализации длящегося процесса мошенничества в сфере оборота недвижимости преступникам необходимо обладать определенными знаниями в области права и рынка недвижимости. Данный фактор обуславливает наличие у них соответствующих знаний. Как отмечается в литературе, такая зависимость продиктована как наличием специальных знаний у преступника в данной области, так и кругом его межличностного и делового общения, который задействуется в реализации схем мошенничества с недвижимостью³.

Анализируемый вид мошенничества характеризуется повышенным процентом активного участия в способах его реализации женщин (30 %) ⁴. Как правило, женщинам отводится роль пособников (проведение показов объектов недвижимости, подготовка документации к сделке, сопровождение клиента в МФЦ, Росреестре, БТИ, органах опеки и попечительства и пр.). Согласно проведенному нами обобщению следственной практики, такие лица часто заняты в сфере оборота недвижимости, и к ним у потенциальной жертвы может быть больший процент доверия.

Следует также отметить техническую «продвинутость» современных мошенников, которые активно используют в преступной деятельности новейшие компьютерные технологии (более профессионально, чем обычные пользователи), проявляют глубокие знания Интернета и сферы финансовых услуг (в том числе в области цифровой валюты). Как правило, это молодые люди в возрасте 20–40 лет. Такие мошенники могут прибегать к созданию фейковых сайтов

с объявлениями о продаже недвижимости (например, от официального застройщика), при посещении которых ссылка ведет клиента на страницу мошенников. Для завладения персональными данными банковских карт потерпевших преступники прибегают к использованию вредоносных программ. Также профессиональные мошенники формируют базы контактных данных потенциальных клиентов с использованием автоматизированных программ (так называемый парсинг). Парсить могут как торговые площадки по продаже недвижимости, так и социальные сети, онлайн-справочники и прочие объявления. В последующем такие базы данных продаются в Интернете. Однако чаще всего в рамках реализации мошенничества в сфере недвижимости преступники предпринимают действия по получению готовой базы телефонных номеров. Наиболее распространена такая схема, когда речь идет о формировании мошенниками колл-центров.

Как можно заметить, спецификой осуществления рассматриваемого вида мошенничества является интерактивность многих компонентов способа преступления, поскольку рынок недвижимости интенсивно интегрирует в киберпространство. В связи с этим разные этапы реализации способа преступления отражаются в цифровой среде:

— на стадии подготовки к совершению мошеннических действий с недвижимостью преступники осуществляют мониторинг торговых интернет-площадок, интернет-страниц социальных сетей для поиска подходящих объявлений; сами размещают фейковые объявления о продаже, сдаче в аренду жилых помещений; создают сайты-двойники с вредоносными программами для получения данных о реквизитах банковских карт жертв; осуществляют через социальные сети распространение

низаций, задействованных в сфере оборота недвижимости, а также данные изучения уголовных дел в период с 2022 по 2024 г.

³ Коршунова О. Н., Мамайчук И. И., Позднякова Н. В., Серова Е. Б. Особенности расследования преступлений, связанных с завладением жилыми помещениями : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2010. С. 44.

⁴ Горобченко С. В. Методика расследования мошенничеств в сфере незаконного оборота недвижимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 14.

фейковой информации в адрес потенциальных жертв и т.д.;

— на стадии реализации способа: используют специализированные онлайн-сервисы торговых интернет-площадок для оформления документов по сделке; мессенджеры для таких площадок для общения и введения в заблуждение жертв; осуществляют сбор сведений и необходимых документов для сделки через онлайн-сервисы Росреестра; открывают счета в банке и т.д.;

— на стадии сокрытия преступления и легализации доходов, полученных преступным путем: создают аккаунты в криптовалютных системах; электронные кошельки (QIWI, «Яндекс. Кошелек», WebMoney и др.); фальсифицируют виртуальные следы; формируют фиктивное «цифровое алиби» (например, путем переустановки времени компьютерных часов, модификации информации в файлах журнала событий, использования макросов для автоматического запуска процессов и программ на электронном устройстве и пр.⁵).

Коммуникативная сторона способов реализации обмана или злоупотребления доверием связана с уловками преступников, направленными на инициирование жертвой разнообразных операций с жилыми помещениями (купли-продажи, залога и пр.). Ключевое место в анализируемых криминальных деяниях отводится методам социальной инженерии. Последние в симбиозе с телекоммуникационной составляющей образуют такой прием мошенничества, как вишинг, который заключается в том, что злоумышленники, используя телефонную коммуникацию и играя определенную роль (сотрудника банка, правоохранительных органов, покупателя недвижимости и т.д.), создают ситуацию, позволяющую манипулировать человеческими чувствами, под разными предлогами выманивают у жертвы конфиденциальную информа-

цию или стимулируют на совершение заранее запрограммированных преступником действий со счетами (денежными средствами) или с принадлежащим жертве имуществом⁶.

Основная цель мошенников — вовлечь потенциальную жертву в коммуникацию. Однако в отличие от других мошенничеств, при которых преступники часто задействуют заранее подготовленные речевые конструкции, при мошенничестве в сфере недвижимости им приходится нередко импровизировать ввиду длящегося характера преступления и общения с жертвой. Речь телефонных мошенников характеризуется четкой структурированностью, логичностью, отсутствием оговорок, пауз и т.п. Также она строится с учетом эмоционального воздействия на жертву, побуждения ее к совершению необходимых мошенникам действий и минимизации времени на ее анализ. Это достигается посредством ускорения темпа речи; фраз, подавляющих свободное развитие мысли; преобладания повелительного наклонения; использования категоричных высказываний либо конструкций по типу «или... или...»; сложных (или специализированных, как правило юридических) терминов, а также выражений, направленных на базовые чувства (в основном страх): «уголовное преследование», «шпионские программы», «скомпрометированный счет» и др.

Обобщение следственной практики, проведенное А. Д. Фокиным, по делам данной категории свидетельствует о том, что злоумышленники часто представляются сотрудниками банков, Росреестра, правоохранительных органов и иными лицами, предлагающими защитить принадлежащее жертве недвижимое имущество от незаконных посягательств. Чтобы выглядеть более убедительными в глазах жертв, преступники могут выслать собеседнику посредством телефонии фальшивые документы, фотографии или удостоверения. Установив контакт, мошен-

⁵ См.: *Виноградова О. П.* Криминалистические особенности исследования «цифрового алиби» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 2. С. 64–70; *Смушкин А. Б.* К вопросу о «цифровом алиби» в криминалистике // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2019. № 2. С. 28–33.

⁶ *Менщиков А. А., Федосенко М. Ю.* Возможности применения методов социальной инженерии в организации телефонного мошенничества // Экономика и качество системы связи. 2021. № 4. С. 38.

ники «ведут» жертву, не предоставляя ей возможности объективно оценить сложившуюся ситуацию. Для этого у жертвы поддерживается постоянный уровень стресса, как правило на почве боязни потери своего имущества. Чаще всего для длительного контакта используется алгоритм «испугать — стать другом/защитником — предложить “безопасные” пути выхода — оставаться рядом до конца». На этапе испуга жертву шокируют фразами юридического характера («наложен арест на квартиру», «дом находится под залогом», «происходит переход права на недвижимость в Росреестре» и пр.), затуманивают сознание сложными формулировками (юридическими, финансовыми).

В результате такого общения жертва, испытывая дефицит информации, не понимает, как правильно реагировать на сообщаемое. При этом мошенники намеренно торопят человека с целью ограничить время критической оценки ситуации, исключая попытки обращения за помощью к родным, знакомым, в результате чего он впадает в транс и становится внушаемым (гипнабельным). В этот момент мошенниками предлагаются «безопасный» выход из сложившейся ситуации и помощь жертве в решении вопроса от лица государственных структур. Происходит переход на интонацию «заботы». Как правило, преступники используют приемы контраста: «серьезная проблема» / «простое решение». На данном этапе появляются разные «посредники» (риелторы, кредиторы, покупатели), которые применяют приемы укрепления психологического контакта, технику формирования симпатии со стороны собеседника: используют речевую подстройку, всегда обращаются к жертве по имени, постоянно сопровождают клиента при сборе необходимых документов либо «заботливо» берут эту функцию на себя, приглашают в разные офисы, где проявляют повышенный интерес к личности жертвы, загружают ее разными документами для поддержания не критического восприятия ситуации и т.д.

При этом в современном вишинге мошенниками зачастую применяется технология автоматизированной симуляции голоса. Для этого используются различные ИИ-сервисы для клонирования голоса и преобразования текста в

естественно звучащую речь. Поскольку телефонное мошенничество в сфере оборота недвижимости носит длящийся характер, преступникам при обращении к техническому инструментарию моделирования устной речи необходимо постоянно проводить корректировочную работу по составлению текстов, адекватных развивающейся коммуникативной ситуации реализуемого мошенничества. Подобные временные затраты преступников компенсируются тем, что отдельные современные программные средства умеют уничтожать следы изменений, вносимых в фонограмму, что при последующем расследовании преступления может затруднить установление индивидуализирующих характеристик преступника.

Колл-центры как объект криминалистического исследования

Рассматриваемая разновидность мошенничества предполагает реализацию его способов не единолично, а группой лиц. Чтобы добиться эффективности манипуляций и обманом путем заставить жертву не только отдать все накопления, но и брать кредиты под залог имеющейся недвижимости, мошенникам необходимо прибегать к управленческим приемам и методам разделения труда с привлечением многих специалистов: от квалифицированных программистов до профессиональных психологов. Круг задействованных в мошеннических действиях лиц зависит от целого ряда факторов: техническая оснащенность преступников; наличие психологических навыков коммуникации, а также знаний в сфере оборота недвижимости; вид операции с недвижимостью, формы расчета и пр. Часто в мошеннических схемах фигурируют риелторы, сотрудники банков и иных финансовых организаций. Продиктовано это тем, что для оформления ряда операций с недвижимостью необходимо совершение действий с целым массивом документов.

Криминальной тенденцией в данном аспекте является распространение мошеннических колл-центров, которые с развитием информационно-телекоммуникационных технологий при-

обрели массовый характер. Это обуславливает необходимость рассмотрения колл-центров как самостоятельного криминального явления с присущими ему характеристиками (структура, участники, организация, локализация и пр.).

Как показало исследование А. Д. Фокина, колл-центру присущи следующие устойчивые характеристики:

- дистанционный (в том числе и транснациональный⁷) характер деятельности;
- непродолжительность деятельности в пределах одной локации (как правило, не более месяца);
- использование современных информационно-телекоммуникационных технологий (как для подготовки, совершения, так и сокрытия преступления);
- тщательное планирование деятельности (моделирование криминального бизнес-процесса; подготовка схем и сценариев обмана; алгоритмизация работы: последовательность звонков, их частота; единые принципы отбора потенциальных жертв; типовые программы и способы обработки жертв);
- структурированность организации (единое руководство, наличие лидера и распределение ролей между другими участниками), признаки сетевой деятельности;
- анонимность участников (использование кличек и псевдонимов) и многонациональность (для ориентации работы в нескольких странах);
- ориентация на использование приемов психологического воздействия на жертв;
- комбинирование коммерческих целей с разведывательными или террористическими;
- использование средств и приемов конспирации противоправной деятельности (в том числе путем задействования современных технологий: криптографических средств, IP-телефонии и пр.).

На наш взгляд, можно говорить о появлении такой междисциплинарной (криминолого-криминалистической) категории, как «мошеннический колл-центр». Являясь разновидностью организованной преступной группы, мошеннический колл-центр представляет собой *имеющую признаки организованности устойчивую группу лиц, объединенных в целях массовых мошеннических деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий*.

По мнению А. Д. Фокина, роли в такой группе четко распределяются:

- *организатор*, занимающийся вопросами безопасности деятельности, созданием видимости легальности способов завладения имуществом граждан, отмыванием денежных средств, разработкой и совершенствованием новых способов мошенничества, финансированием (закупка оборудования, пластиковых карт, оформленных на подставных лиц, и пр.). Как свидетельствует практика, особенности реализации ряда способов рассматриваемого вида мошенничества заключаются в скрытом характере мошенничества, чаще всего замаскированного под гражданско-правовые сделки с недвижимостью⁸.

Кроме того, эти лица могут заниматься организацией размещения колл-центров и их оборудованием. Как правило, такие офисы меняются с периодичностью один раз в месяц. Ввиду постоянной необходимости подбора специфических объектов (неприметные здания или офисы с изолированными входами) такие услуги оказывают организатору, как правило, взаимодействующие с ним риелторы, предоставляющие на регулярной основе помощь в работе с потенциальными жертвами. Такие посредники, как правило, осведомлены о серых схемах бизнеса.

⁷ По экспертной оценке специалистов Сбербанка, до 90 % колл-центров, работающих против граждан РФ, находится на территории Украины. На Россию и все остальные страны приходится не более 10 % (Мошеннический колл-центр «Бердянск» // URL: <http://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/berdyansk-glava-1> (дата обращения: 12.02.2025)).

⁸ Белов Е. В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере (способы совершения и проблемы квалификации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 13.

Среди организаторов телефонного мошенничества высок процент ранее судимых лиц, в том числе и лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы на момент реализации преступления. По данным отдельных исследователей, до 60 % всех телефонных мошенничеств совершаются из мест лишения свободы⁹. По нашим данным, дистанционное мошенничество в сфере оборота жилых помещений организуется из мест лишения свободы в 18 % случаях (по сравнению с иными схемами телефонного мошенничества). Объясняется это тем, что для реализации многоходовых схем обманного получения денежных средств в процессе отчуждения недвижимого имущества необходимо наличие пособников на свободе, обеспечивающих сопровождение сделки на разных этапах, что в условиях отбывания наказания организовать сложнее. Для таких целей преступниками могут быть задействованы известные им лица на свободе для организации «контактного» процесса сопровождения операций с недвижимостью (покупатели при быстром выкупе объекта недвижимости, кредиторы при оформлении срочного залога объекта недвижимости и пр.). Как правило, эти лица были также ранее судимы;

— *пособники*, имеющие и предоставляющие преступникам определенную информацию о потенциальной жертве и ее имуществе (сотрудники социальных служб, Росреестра, риелторы и пр.) либо оказывающие консультативную помощь в создании преступных схем, а также дающие разного рода методические рекомендации (бывшие сотрудники банков, финансовых организаций, которые знакомы с моделями поведения клиентов, психологи и пр.).

Зачастую преступники в целях подтверждения подлинности своих намерений и действий по приобретению недвижимости могут привлекать обманным путем иных добросовестных участников данного рынка (например, риелторов). Последние (как правило, работая уда-

ленно) зачастую могут быть не осведомлены о преступных намерениях. Так, по одному из уголовных дел мошенниками для создания видимости легальности их действий (отчуждение недвижимости для сохранения денежных средств жертвы от «мошенников») был задействован добросовестный риелтор из другого региона для сопровождения сделки купли-продажи недвижимости. Жертва по телефону общалась с реальным агентом по недвижимости, который приехал в место нахождения имущества потерпевшего и провел сделки по отчуждению двух квартир. В последующем выяснилось, что риелтор также действовал по указке мошенников, которые ввели его в заблуждение. Психологическое исследование с применением полиграфа показало, что агент по недвижимости говорит правду¹⁰;

— *технический персонал*, отвечающий за:

а) функционирование средств телефонии (например, создание анонимайзеров для интернет-соединений при совершении вызовов по системе IP-телефонии; поиск баз данных клиентов; обеспечение операторов «белыми» номерами и пр.);

б) мониторинг торговых интернет-площадок («Авито», «Циан», «Домклик»), где граждане размещают свои объекты недвижимости в целях их последующей продажи, сдачи в наем и пр.;

в) размещение объявлений-ловушек, содержащих вымышленную информацию об объекте недвижимости и о продавце и пр., в целях ввода покупателя в заблуждение, привлечения его внимания (красивыми фотографиями объекта недвижимости, его невысокой ценой);

г) создание электронных кошельков (QIWI, «Яндекс.Кошелек», Webmoney и др.) и пр.;

— *соисполнители* мошеннических схем (различные участники и посредники), вступающие в непосредственный (личный и дистанционный) контакт с жертвой и обладающие

⁹ *Бойцов Ю. М.* Проблемы проверки, выявления и раскрытия мошенничества с использованием мобильных средств связи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2. С. 108.

¹⁰ Телефонные мошенники научились отбирать у сибиряков жилье // URL: <https://rg.ru/2024/02/21/reg-sibfo/telefonnye-moshenniki-nauchilis-otbirat-u-sibiriakov-zhile.html?ysclid=m4h45liyme670983126> (дата обращения: 12.02.2025).

личностными коммуникативными качествами. Классификация и личностные характеристики таких лиц зависят от этапа и вида мошеннической схемы. Например, если мошенничество реализуется из колл-центра, то предварительный обзвон потенциальных жертв осуществляют сотрудники таких центров (так называемые звонари). Данные лица по степени криминальной квалификации могут подразделяться на две категории: неквалифицированные, осуществляющие звонки в целях установления контакта с жертвой, выяснения сведений о ее имущественном положении; квалифицированные менеджеры, использующие профессиональные приемы психологической манипуляции (фейковые сотрудники банков, правоохранительных органов и пр.).

Круг задействованных в мошенничестве лиц зависит от таких факторов, как вид операции с недвижимостью, формы расчета и пр. Часто в мошеннических схемах фигурируют сотрудники банков и иных финансовых организаций. Это обусловлено тем, что для оформления операций с жилыми помещениями возникает необходимость совершения ряда действий, связанных с оформлением массива документов. Так, при расследовании одного уголовного дела было установлено, что пенсионерке позвонили мошенники, представившись сотрудниками службы безопасности ПАО «Сбербанк». Сообщив жертве, что в результате мошеннических действий неустановленных лиц ее накопления в банке находятся под угрозой, виновные убедили потерпевшую подписать документы для получения кредита под залог недвижимости и перевести деньги на специальные счета для сохранности. В результате судебного разбирательства в рамках дела о банкротстве пенсионерки было выявлено, что необходимый пакет документов до подписания кредитного договора и договора залога (заявка на кредит, заявление на открытие банковского счета, заявление на страхование,

график платежей и др.) был подписан неустановленным лицом. Данное обстоятельство послужило в последующем основанием для выдвижения версии о совместных преступных действиях мошенников и работников банка, подписавших все необходимые документы для одобрения кредита¹¹;

— лица, привлекаемые или используемые мошенниками для оказания валютно-финансовых услуг, в том числе в сфере легализации преступного дохода. Сюда можно отнести лиц, оказывающих помощь мошенникам в срочном выкупе или оформлении займа под залог недвижимого имущества жертвы: мнимые покупатели, кредитные брокеры. Как свидетельствует практика, такие лица знакомы с организаторами мошенничества и зачастую осведомлены о сомнительных схемах отчуждения имущества. Также они часто прибегают к помощи криминальных структур при решении последующих вопросов с недвижимостью (например, используют ранее судимых лиц под видом коллекторов для выбивания долгов у жертвы за выданный заем или ее принудительного выселения из отчужденного жилого помещения).

В условиях цифровизации современной экономики в качестве таких финансовых посредников зачастую выступают лица, имеющие аккаунты в криптовалютных системах. Как правило, денежные средства, полученные мошенниками от операций с недвижимостью, составляют значительные суммы. При дальнейшем их размещении в криптовалюте данное обстоятельство объективно предполагает задействование достаточного количества таких аккаунтов (и посредников), поскольку последние имеют определенные ограничения на максимально допустимую сумму, при которой не нужна идентификация личности.

По данным Банка России, наиболее популярным способом купли-продажи криптовалюты в преступной среде является использование

¹¹ Как мошенники вынудили пенсионерку взять кредит под залог жилья и как прокуратура РФ защитила ее права // URL: <https://dzen.ru/a/ZzGtAV3tezRXXbdt> (дата обращения: 10.02.2025).

¹² Криптовалюты: тренды, риски, меры : доклад для общественных консультаций. М. : ЦБ РФ, 2022. С. 27. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

теневых обменных сервисов, работающих в анонимных сетях (DarkNet)¹². При этом преступники чаще всего прибегают к криптокошелькам. Объясняется это в первую очередь относительной доступностью создания криптокошелька, без задействования сторонних организаций (например, криптобирж). И главное — применение данной схемы позволяет скрыть информацию о совершаемых транзакциях. В частности, мошенники часто переводят криптовалюту (например, биткоин) между множеством криптокошельков, постоянно изменяя суммы переводов.

Впрочем, даже при такой усложненной схеме транзакции всех пользователей записываются в общедоступной базе данных (блокчейне) и становятся доступными для отслеживания. Поэтому более продвинутые преступники могут пользоваться специализированными сервисами, позволяющими за комиссию от переведенных биткоинов получить другие счета в криптовалюте, которые никак не будут связаны с мошенником (так называемые тумблеры), или предлагающими смешение криптовалюты множества участников с последующим ее отправлением по разным кошелькам (так называемые миксеры)¹³.

Для создания схем нелегального вывода полученных мошенническим путем денежных средств со своих счетов преступники порой задействуют лиц, которые за небольшой процент предоставляют счета своих банковских карт для обналичивания или перевода денег. Следует констатировать, что за последнее десятилетие в области мошенничества сложилось устойчивое криминальное явление — *дропперство*. Последнее представляет собой процесс вывода денег со счетов преступников в целях их легализации посредством использования банковских карт подставных лиц. Механизм дропперства

в криминалистике следует рассматривать в рамках теории преодоления противодействия расследованию. В частности, применительно к нашей тематике данный механизм применяется мошенниками в целях сокрытия следов криминальных действий и создания затруднений у правоохранительных органов в установлении причинно-следственных связей между реквизиатами, используемыми мошенниками, и их преступными действиями.

Дропперы могут подразделяться по степени информированности о преступных действиях мошенников на осведомленных и нет¹⁴. Чаще всего в качестве представителей последней категории выступают подростки, пенсионеры и мигранты, которых мошенники заманивают в такую схему обманом путем под предлогом получения легкого заработка (например, вербовка посредством размещения объявлений о вакансиях сотрудников разных «выгодных» инвестиционных проектов).

В зависимости от вида осуществляемых операций с денежными средствами дропперы классифицируются на обнальщиков и транзитников (переводя деньги на счета банковских карт других дропперов или электронные кошельки). На обналиченные средства обычно покупается криптовалюта. Банковские карты зачастую приобретаются мошенниками путем выдачи держателем карты доверенности у нотариуса на их имя. Так, только с конца 2023 г. нотариусы передали в Росфинмониторинг более 2 тыс. сообщений о подозрительных доверенностях на открытие банковских счетов. Эти данные помогли правоохранителям выявить лиц, которые дают доступ к своим счетам мошенникам для кражи и отмывания денег¹⁵.

В связи с этим мы разделяем инициативу законодателя в сфере профилактики борьбы с

¹³ Гусева А. А. Возможные пути решения проблемы легализации денежных средств через криптовалюту // Экономика. Право. Инновации. 2018. № 5. С. 39.

¹⁴ За I квартал 2024 г. число банковских операций без согласия клиента составило 300 тыс., а ущерб — 4,3 млрд руб. Представляется, что значительную часть таких операций было бы практически невозможно осуществить без участия дропперов (см.: Дропперы без страха, но с упреком // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6789047> (дата обращения: 10.02.2025)).

¹⁵ Финразведка стала активнее следить за доверенностями на банковские счета // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/02/05/2024/662d18af9a7947318834c1e8> (дата обращения: 10.02.2025).

легализацией средств, полученных преступным путем. В частности, согласно внесенным изменениям в ст. 48 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹⁶ нотариусы могут отказать в совершении ряда операций (удостоверение сделок, совершение исполнительных надписей и пр.), если имеются обоснованные подозрения, что с их помощью легализуют преступный доход.

Впрочем, в последнее время мошенники стали консультировать дропперов, чтобы они не обращались к одному и тому же нотариусу несколько раз. Это, по мнению мошенников, позволяет исключить фактор неоднократности обращения разных лиц по однотипному действию в отношении одного и того же доверенного лица, что оценивается нотариусом как сомнительная операция. Кроме того, доверенность может содержать довольно широкие полномочия, не очерченные только распоряжением одним счетом, что затрудняет действия нотариуса по выявлению конкретных намерений, направленных на легализацию дохода, полученного преступным путем.

Подводя итог, отметим (формулировка предложена соавтором статьи А. Д. Фокиным), что эффективная превенция рассматриваемых криминальных деяний невозможна без реализации комплекса мероприятий (правовых, финансовых, технологических, криминалистических):

— на уровне уголовной политики современного Российского государства — ужесточить ответственность в отношении лиц, которые умышленно предоставляют свои банковские карты в целях хищения денежных средств у граждан (дропперов). В частности, мы поддерживаем законодательную инициативу по внесению в УК РФ статьи, которая будет предусматривать

уголовное наказание за передачу, приобретение, использование электронных средств платежа или предоставление доступа к ним¹⁷. Представляется, что это потребует приведения следственной и судебной правоприменительной практики привлечения дропперов к уголовной ответственности в унифицированное состояние. Как раз отсутствие единого подхода к правоприменению и приводит в настоящее время к тому, что к уголовной ответственности привлекается не более 10 % дропперов¹⁸. Как правило, в уголовных делах фигурируют следующие составы: ст. 159, 159.3, 174, 187, 210 УК РФ. Однако, как свидетельствует практика, выявление дропперов, а также доказывание их умысла на совершение мошеннических действий в случае преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в настоящее время проблематичны. Отчасти это продиктовано технологизацией деятельности современных преступников, которые способны похитить личные данные граждан, в результате чего последние могут фигурировать в мошеннической цепочке перевода денежных средств, порой даже не подозревая о своем участии в легализации преступных доходов. Для этого могут применяться различные схемы как технического, так и социального характера. Например, мошенники могут завладеть счетом (в виде электронного кошелька), который гражданин ранее использовал для оформления покупки в интернет-магазине, либо прибегать к приемам социальной инженерии. Представившись сотрудниками банка или правоохранительных органов, мошенники сообщают гражданину о массовой «утечке банковских данных». Жертве предлагают сверить банковские сведения с базой украденных данных. После получения таких

¹⁶ Федеральный закон от 08.08.2024 № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409393099/> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁷ МВД разработало законопроект о наказании для дропперов // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/04/09/2024/66d8032f9a7947796bcc7551> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁸ До семи лет тюрьмы и штраф 1 млн: кто такой дроппер и как им не стать // РБК. URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/66f9641d9a79475aae4e09cc?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F65ebd86c-b649-5a1a-9a45-86b7d944d917 (дата обращения: 10.02.2025).

сведений они используются преступниками для транзитного перевода денег на другие счета¹⁹.

В последнее время наметилась тенденция вербовки дропперов из числа лиц, состоящих в тематических чатах (жильцы одного жилого комплекса, участники садового товарищества и пр.), под предлогом «оказания помощи» соседу за символическое вознаграждение и т.п.

Еще одной современной тенденцией, на наш взгляд, косвенно способствующей вербовке дропперов, является стремительный рост конкуренции в банковской сфере, которая вынуждает банки привлекать всё большее количество клиентов при непродолжительном сроке существования расчетных счетов (в среднем полтора года). Для этого используются различные маркетинговые программы (например, «Приведи друга» и пр.), а также агрессивная рекламная деятельность, которая часто реализуется посредством разных аккаунтов социальных сетей, где злоумышленники вербуют потенциальных жертв. Как правило, преступники выступают в роли сотрудников банка, которым необходимо выполнить план по оформлению карт, и предлагают за вознаграждение (увеличивающееся пропорционально количеству карт) оформить и передать сотруднику карту (или доступ к онлайн-банку). В основном такая схема ориентирована на подростков и лиц, которые не способны адекватно оценивать рекламную продукцию в Интернете (невнимательно изучают адресную строку, содержание сайтов и пр.);

— на уровне финансового сектора — введение запрета банковским организациям открывать счета подросткам 14–18 лет без согласия их законных представителей²⁰. Несмотря на то что в информационном письме от 25.08.2021 № ИН-06-3166 Банк России рекомендовал кредитным организациям при заключении договора банковского счета с несовершеннолет-

ними (в возрасте от 14 до 18 лет) истребовать письменное согласие их законных представителей (родителей, усыновителей, попечителей), отдельные кредитные организации открывают счета несовершеннолетним без такового (обосновывая такой порядок открытия банковских счетов тем, что при их открытии применяются правила о договоре банковского вклада). В результате мошенники выкупают у несовершеннолетних банковские карты, которые используют в дальнейшем для перевода (с последующим обналичиванием) средств обманутых граждан. Кроме того, ответственность по ряду вышеперечисленных статей УК РФ наступает с 16 лет, а договор банковского счета кредитная организация может заключить и с 14-летним;

— в сфере регулирования оборота недвижимости с учетом цифровизации процедур перехода и регистрации прав на недвижимость должны вводиться механизмы, защищающие граждан в процессе дистанционного оформления таких прав. Так, в Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» были внесены изменения, согласно которым при передаче права на недвижимость электронным путем необходимо обязательное письменное согласие собственника на государственную регистрацию сделок с недвижимостью в электронной форме (лично или по почте, если оно заверено нотариусом), о чем в реестре делается соответствующая запись. Однако специфика мошенничества с недвижимостью заключается в том, что преступник обманом путем завладевает или иницирует жертву на использование электронной цифровой подписи. В этом плане представляется, что злоумышленники могут тем же путем получить или понудить жертву к действиям по подаче в Росреестр уведомления от собственника объекта недвижимости о возможности ее

¹⁹ ЦБ предупредил россиян о новой схеме телефонных мошенников // Рамблер. URL: <https://finance.rambler.ru/money/49731991-tsb-predupredil-rossiyan-o-novoy-sheme-telefonnyh-moshennikov/> (дата обращения: 10.02.2025).

²⁰ Законопроект № 579819-8 «О внесении изменений в часть первую и статью 846 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» (уточнение условий заключения договора банковского счета с несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/579819-8> (дата обращения: 10.02.2025).

регистрации с помощью электронной цифровой подписи;

— в сфере функционирования интернет-ресурсов целесообразно обязать на законодательном уровне владельцев сервисов размещения объявлений и имущественных агрегаторов товаров и услуг («Циан», «Авито» и пр.), имеющих обширную аудиторию пользователей, проводить идентификацию через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА)²¹ тех продавцов, кто намерен разместить объявление о продаже товаров или услуг;

— на уровне криминалистических разработок — формирование криминалистических рекомендаций по расследованию данного вида преступлений с учетом их видовых особенностей. Как уже отмечалось, часть анализируемых криминальных деяний совершается в условиях функционирования исправительных учреждений, что закономерно требует симбиоза традиционных тактических и методических рекомендаций по расследованию мошенничества с рекомендациями, отражающими специфику расследования пенитенциарных преступлений. Также следует отметить, что значительная часть анализируемых преступных посягательств носит транснациональный характер, что существенно затрудняет деятельность правоохранительных органов разных стран в рамках информационного, ведомственного, юрисдикционного, технического, методического взаимодействия. Это закономерно требует формирования криминалистических методик расследования транснациональных преступлений;

— на уровне функционирования разных организаций и структур — принятие мер, направленных на минимизацию детерминант реализации отдельными категориями преступников механизмов мошенничества в сфере недвижимости. В частности, это касается жесткой регламентации оборота сим-карт (без предъявления паспорта и установления личности покупателя), сим-боксов для оказания услуг мобильной связи (для борьбы с колл-центрами), а также выявления фактов криминального оборота данных средств (в том числе совместно с Роскомнадзором). Существенная роль в превенции анализируемых преступлений отводится мерам по выявлению и пресечению фактов незаконного оборота на территориях исправительных учреждений средств мобильной связи (совместно с ФСИН России). Последнее имеет существенное значение ввиду того, что рецидив рассматриваемого вида преступного деяния возникает уже на этапе попадания телефонного мошенника в исправительное учреждение, где современная обстановка благоприятствует проявлению его криминальных навыков;

— на уровне взаимодействия правоохранительных органов и иных структур — повышение эффективности реализации механизмов оперативного обмена данными между правоохранительными органами и банками²², а также иными структурами, которые могут сообщить криминалистически значимую информацию о лицах, осуществляющих действия по подготовке, совершению и сокрытию мошенничеств

²¹ Это федеральная информационная система, обеспечивающая доступ к информации, содержащейся в государственных информационных системах и иных информационных системах. ЕСИА служит безопасным средством проверки персональных данных и идентификации конкретного лица. Для получения учетной записи в ЕСИА необходимо удостоверить свою личность с помощью паспортных данных и СНИЛС. При наличии подтвержденной учетной записи в ЕСИА можно получить доступ к государственным и муниципальным системам, а также некоторым коммерческим сайтам.

²² В частности, с 2023 г. сотрудники МВД России могут оперативно получать данные об операциях без согласия клиента из автоматизированной системы ФинЦЕРТ (Центр взаимодействия и реагирования Департамента информационной безопасности) Банка России. А информацию, полученную от правоохранительных органов, банки смогут учитывать для предотвращения новых мошеннических операций (Федеральный закон от 20.10.2022 № 408-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона “О банках и банковской деятельности” и статью 27 Федерального закона “О национальной платежной системе”» // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7271).

в сфере оборота недвижимости (нотариусы и пр.);

— совершенствование и дальнейшая автоматизация сбора, систематизации, обработки и ана-

лиза сведений о дистанционных преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на примере системы «Дистанционное мошенничество»).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов Е. В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере (способы совершения и проблемы квалификации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 26 с.
2. Бойцов Ю. М. Проблемы проверки, выявления и раскрытия мошенничества с использованием мобильных средств связи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 2. — С. 107–112.
3. Горобченко С. В. Методика расследования мошенничеств в сфере незаконного оборота недвижимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 27 с.
4. Гусева А. А. Возможные пути решения проблемы легализации денежных средств через криптовалюту // Экономика. Право. Инновации. — 2018. — № 5. — С. 36–45.
5. Коршунова О. Н., Мамайчук И. И., Позднякова Н. В., Серова Е. Б. Особенности расследования преступлений, связанных с завладением жилыми помещениями : учеб. пособие. — СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2010. — 90 с.
6. Криминалистическое изучение личности : науч.-практ. пособие для магистров / А. Г. Бедризов, Т. С. Волчечкая, Н. В. Галяшин [и др.] ; отв. ред. Я. В. Комиссарова. — М. : Проспект, 2023. — 224 с.
7. Малыхина Н. И. Лицо, совершившее преступление, как объект изучения в криминалистике. — Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «СГЮА», 2012. — 160 с.
8. Менщиков А. А., Федосенко М. Ю. Возможности применения методов социальной инженерии в организации телефонного мошенничества // Экономика и качество системы связи. — 2021. — № 4. — С. 36–47.

Материал поступил в редакцию 14 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belov E. V. Moshennichestvo s nedvizhimosyuyu v zhilishchnoy sfere (sposoby soversheniya i problemy kvalifikatsii): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2012. — 26 s.
2. Boytsov Yu. M. Problemy proverki, vyyavleniya i raskrytiya moshennichestva s ispolzovaniem mobilnykh sredstv svyazi // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2016. — № 2. — S. 107–112.
3. Gorobchenko S. V. Metodika rassledovaniya moshennichestv v sfere nezakonnoy oborota nedvizhimososti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2009. — 27 s.
4. Guseva A. A. Vozmozhnye puti resheniya problemy legalizatsii denezhnykh sredstv cherez kriptovalyutu // Ekonomika. Pravo. Innovatsii. — 2018. — № 5. — S. 36–45.
5. Korshunova O. N., Mamaychuk I. I., Pozdnyakova N. V., Serova E. B. Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s zavladeniem zhilymi pomeshcheniyami: ucheb. posobie. — SPb.: Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy institut (filial) Akademii Generalnoy prokuratury RF, 2010. — 90 s.
6. Kriminalisticheskoye izuchenie lichnosti: nauch.-prakt. posobie dlya magistrrov / A. G. Bedrizov, T. S. Volchetskaya, N. V. Galyashin [i dr.]; отв. red. Ya. V. Komissarova. — M.: Prospekt, 2023. — 224 s.
7. Malykhina N. I. Litso, sovershivshee prestuplenie, kak obekt izucheniya v kriminalistike. — Saratov: Izd-vo FGBOU VPO «SGYuA», 2012. — 160 s.
8. Menshchikov A. A., Fedosenko M. Yu. Vozmozhnosti primeneniya metodov sotsialnoy inzhenerii v organizatsii telefonnoy moshennichestva // Ekonomika i kachestvo sistemy svyazi. — 2021. — № 4. — S. 36–47.

Правовая природа онлайн-арбитража и его соотношение с традиционным арбитражем

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить правовую природу онлайн-арбитража и соотношение данного механизма разрешения споров с традиционным арбитражем. Ставится вопрос о том, является ли онлайн-арбитраж по правовой природе арбитражем или включает процедуры урегулирования споров, не отвечающие признакам арбитражного разбирательства. На основании проведенного анализа подчеркивается, что отнесение к онлайн-арбитражу неарбитражных процедур урегулирования споров неоправданно с точки зрения юридической техники и формальной логики; онлайн-арбитражем могут признаваться только те процедуры разрешения споров, которые по своим характеристикам соответствуют основным признакам арбитражного разбирательства. С учетом этого в статье рассматривается проблема разделения онлайн-арбитража и традиционного арбитражного разбирательства. На основании инструментального и качественного подходов к роли цифровых технологий отмечается, что в результате глубокого внедрения этих технологий процесс разрешения споров в онлайн-арбитраже претерпевает качественные изменения, которые приводят к возникновению несвойственных традиционному арбитражному разбирательству явлений. Данные явления трансформируют сущность арбитражного разбирательства и выступают отличительной чертой, позволяющей разграничить онлайн-арбитраж и традиционный арбитраж.

Ключевые слова: онлайн-арбитраж; классическое арбитражное разбирательство; третейский суд; международный коммерческий арбитраж; способы онлайн-разрешения споров; правовая природа; цифровые технологии; инструментальный подход к роли цифровых технологий; качественный подход к роли цифровых технологий; цифровизация; качественные изменения процедуры.

Для цитирования: Бочарова А. М. Правовая природа онлайн-арбитража и его соотношение с традиционным арбитражем // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 147–154. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.147-154.

© Бочарова А. М., 2025

* Бочарова Анна Михайловна, аспирант кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), стажер адвоката МГКА «Горбачев и партнеры»

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
annetabo4@mail.ru

Legal Nature of Online Arbitration and Its Relationship with Traditional Arbitration

Anna M. Bocharova, Postgraduate Student, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Trainee Lawyer, "Gorbachev and Partners" Moscow State Law Firm, Moscow, Russian Federation
annetabo4@mail.ru

Abstract. The paper attempts to define the legal nature of online arbitration and its relationship with traditional arbitration. It questions whether online arbitration constitutes arbitration by its legal nature or represents dispute resolution procedures lacking arbitration characteristics. The conducted analysis shows that classifying non-arbitral procedures as "online arbitration" is unjustified from legal-technical and formal-logical perspectives; only procedures meeting core arbitration features qualify. The paper examines the problem of distinguishing online arbitration from traditional arbitration. Through instrumental and qualitative approaches to the role of digital technologies, it is noted that deep digital integration qualitatively transforms dispute resolution in online arbitration, creating phenomena absent in traditional arbitration. These phenomena change the nature of arbitration proceedings and serve as a distinctive feature that allows us to distinguish between online arbitration and traditional arbitration.

Keywords: online arbitration; traditional arbitration; arbitration court; international commercial arbitration; online dispute resolution methods; legal nature; digital technologies; instrumental approach to the role of digital technologies; qualitative approach to the role of digital technologies; digitalization; qualitative changes in the procedure.

Cite as: Bocharova AM. Legal Nature of Online Arbitration and Its Relationship with Traditional Arbitration. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(8):147-154. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.147-154.

Активная цифровизация всех сфер общественной жизни, развитие трансграничной электронной коммерции, а также рост числа разнообразных споров, возникающих в цифровой среде, в недавнем прошлом привели к появлению такого нового правового явления, как онлайн-арбитраж. Практические проблемы, возникающие в связи с рассмотрением споров в онлайн-арбитраже, на сегодняшний день являются предметом активного научного осмысления. В то же время полноценное исследование и разрешение данных проблем невозможны без ответа на ключевой вопрос о правовой природе онлайн-арбитража и его соотношении с классическим арбитражным разбирательством.

Анализ правовой природы данного механизма разрешения споров следует начать с несколько парадоксального вопроса, является ли онлайн-арбитраж арбитражем с юридической точки зрения или же к данному явлению могут

быть отнесены процедуры урегулирования споров, не соответствующие признакам арбитражного разбирательства.

Постановка данного вопроса вызвана тем, что ряд исследователей предлагает игнорировать использование в составе термина «онлайн-арбитраж» слова «арбитраж» и применять его для обозначения более широкого круга способов разрешения споров, не отвечающих признакам традиционного арбитража, но при этом позволяющих более эффективно разрешать разнообразные споры в сфере электронной коммерции¹. Так, например, И. М. Чупахин в зависимости от юридической силы выносимого арбитрами решения выделяет обязательный и необязательный онлайн-арбитражи. Решения обязательного онлайн-арбитража являются окончательными для сторон и могут приводиться в исполнение по правилам Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (г. Нью-Йорк,

¹ Girsberger D., Schramm D. Cyber-Arbitration // *European Business Organization Law Review*. 2002. No. 3 (3). P. 613.

1958 г.), а решения необязательного арбитража такими не считаются и принудительному исполнению не подлежат. При этом, как указывает сам автор, форма необязательного онлайн-арбитража больше похожа на переговоры², нежели на арбитраж в классическом понимании, т.к. не соответствует признаку обязательности арбитражного решения.

В свою очередь, А. А. Панов к онлайн-арбитражу относит разрешение доменных споров по международной процедуре UDRP (Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy) — Единой политике разрешения доменных споров, разработанной Корпорацией по управлению доменными именами и IP-адресами (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN)³. Однако процедура разрешения споров по правилам UDRP арбитражем в большинстве правовых исследований не признается прежде всего потому, что разрешение доменного спора по правилам UDRP не лишает стороны спора права обратиться за рассмотрением этого же спора в государственный суд, решение которого будет иметь приоритет над решением, принятым по процедуре UDRP⁴. Данное правило противоречит ключевому признаку арбитража — обязательности и окончательности арбитражного решения — и не позволяет назвать указанную процедуру арбитражем.

Ряд авторов критикует включение в категорию «онлайн-арбитраж» процедур, не отвечающих признакам арбитражного разбирательства. Обоснованием данной позиции является то, что

создается терминологическая неопределенность, которая не позволяет исследователям выработать полноценное юридическое определение онлайн-арбитража⁵.

Предполагается, что для обозначения не отвечающих признакам арбитража процедур урегулирования споров намного эффективнее могут быть использованы более соответствующие их правовой природе термины, такие как «онлайн-медиация» или «онлайн-переговоры». Использование же «онлайн-арбитража» в качестве обобщающего понятия неоправданно, поскольку таковое для всех этих процедур в науке уже существует — это «способы онлайн-разрешения споров»⁶. При этом онлайн-арбитраж, вследствие включения в него неограниченно широкого круга существенно отличающихся друг от друга процедур, становится явлением, у которого нет четких границ и однозначных признаков, позволяющих дать ему адекватное правовое определение и зафиксировать его место в системе способов разрешения частноправовых споров.

Как следствие, более оправданна позиция, согласно которой термин «онлайн-арбитраж» должен применяться для обозначения процедур разрешения споров, представляющих собой именно арбитражное разбирательство, т.е. процесс разрешения частноправовых споров, переданных по взаимному согласию сторон в негосударственный орган, который выносит обязательное для сторон решение в соответствии с нейтральными, судебными по природе процедурами⁷. Данного подхода придерживаются такие

² Чухахин И. М. Онлайн-арбитраж: особенности исполнения решений // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. С. 27–28.

³ Панов А. А. Онлайн-арбитраж: проблемы, решения, перспективы // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 2 : сборник статей / под ред. А. В. Асоскова, А. И. Муранова, Р. М. Ходыкина. М. : Инфотропик Медиа, 2014. С. 130–131.

⁴ Терентьева Л. В. Разрешение арбитражными центрами доменных споров по процедуре UDRP // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 130.

⁵ См.: Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: теоретические вопросы // Третейский суд. 2017. № 3. С. 152–153 ; Терехов В. В., Лунгу И. Понятие и ключевые особенности онлайн-разрешения споров // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 164 ; Цирина М. А. Основные направления создания электронной системы альтернативных механизмов разрешения споров // Административное право и процесс. 2019. № 4. С. 53–56.

⁶ Терехов В. В., Лунгу И. Указ. соч. С. 154–155.

⁷ Борн Г. Б. Международный арбитраж: право и практика / пер. с англ. ; под ред. Н. А. Бабаджаняна. М. : Российский арбитражный центр, 2020. С. 3.

исследователи, как М. А. Рожкова⁸, В. О. Пучков⁹, С. А. Курочкин¹⁰, Н. Г. Галковская и В. Е. Вутын¹¹, П. Баэрт¹² и т.д. В частности, С. А. Курочкин определяет онлайн-арбитраж как «процесс разрешения спора арбитрами и последующего принятия третейским судом обязательного для сторон решения с применением современных способов передачи и хранения данных»¹³. При этом автор подчеркивает, что онлайн-арбитраж представляет собой не примирительную процедуру, а полноценный способ независимого, беспристрастного и эффективного разрешения споров, который должен соответствовать требованиям *lex arbitri* и гарантировать соблюдение надлежащей юрисдикционной процедуры¹⁴.

Аналогичной точки зрения придерживается бельгийский исследователь П. Баэрт, определяющий онлайн-арбитраж как процедуру именно арбитражного разбирательства, предусматривающую вынесение обязательного для сторон решения¹⁵.

Преимущество представленной позиции заключается в том, что она в соответствии с требованиями юридической техники и формальной логики позволяет четко определить правовую природу онлайн-арбитража и основные характеристики относимых к нему процедур разрешения споров.

Исходя из этого можно заключить, что *онлайн-арбитражем следует признавать толь-*

ко те процедуры разрешения споров с использованием цифровых технологий, которые по своим характеристикам соответствуют определяющим признакам традиционного арбитражного разбирательства и представляют собой именно арбитраж, а не какой-либо иной механизм урегулирования споров.

Впрочем, признание того факта, что онлайн-арбитраж по правовой природе является арбитражем, ставит следующий, не менее сложный вопрос, не является ли онлайн-арбитраж простой копией традиционного арбитража, перенесенной в цифровую среду без каких-либо изменений, влияющих на сущность данного явления.

Поиск ответа на данный вопрос требует обращения к проблеме роли цифровых технологий в процессе разрешения споров, а также изучения воздействия технологий на традиционные способы разрешения и урегулирования споров. На настоящий момент сложилось два подхода к пониманию роли цифровых технологий в процессе разрешения споров: инструментальный и качественный¹⁶.

В рамках инструментального подхода цифровые технологии рассматриваются преимущественно как прикладные инструменты повышения эффективности процесса разрешения спора путем переноса традиционной процедуры в цифровую среду без какого-либо сущностного

⁸ Рожкова М. А. Об автоматизации онлайн-арбитража и онлайн-урегулирования коммерческих и потребительских споров // *E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование)* : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. докт. юрид. наук М. А. Рожкова. М. : Статут, 2019. С. 218.

⁹ Пучков В. О. Онлайн-арбитраж в России и за рубежом: коллизионные аспекты правового регулирования // *Арбитражные споры*. 2018. № 4. С. 119–125.

¹⁰ Курочкин С. А. Указ. соч. С. 151.

¹¹ Галковская Н. Г., Вутын В. Е. Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений // *Вестник Томского государственного университета*. Право. 2017. № 24. С. 133–147.

¹² Baert P. R. The Potential of Online Arbitration (OARB) in Resolving Disputes at the Lower End of Value: Justice without the State, or a State of Injustice? Brussel, 2017. P. 11.

¹³ Курочкин С. А. Указ. соч. С. 151.

¹⁴ Курочкин С. А. Указ. соч. С. 152.

¹⁵ Baert P. R. *Op. cit.* P. 11.

¹⁶ Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов А. В. [и др.]. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния // *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. 2018. № 2. С. 59.

изменения¹⁷. К сторонникам указанного подхода можно отнести таких исследователей, как А. А. Панов¹⁸, Н. Г. Галковская и В. Е. Вутын¹⁹, В. О. Пучков²⁰ и др. Например, Н. Г. Галковская и В. Е. Вутын полагают, что единственным отличием онлайн-арбитража от традиционного аналога является использование онлайн-технологий в целях содействия разрешению спора между сторонами. При этом данные технологии, по мнению авторов, не оказывают существенного воздействия на процесс арбитражного разрешения спора, а лишь повышают его эффективность за счет перевода разбирательства в цифровую среду²¹.

В свою очередь, качественный подход строится на идее о том, что, будучи формой деятельности по разрешению споров, цифровые технологии неизбежно оказывают воздействие на содержание данной деятельности. Накопление же количественных изменений, вносимых цифровыми технологиями в процесс рассмотрения спора, в конечном счете приводит к его качественному изменению²². Таким образом, качественный подход предполагает, что за счет глубокого внедрения в процесс рассмотрения споров цифровые технологии перестают быть исключительно инструментом деятельности по разрешению и урегулированию споров, а постепенно начинают влиять на саму суть подобной деятельности, приводя к качественному ее изменению²³. В сфере изучения онлайн-арбитража к сторонникам рассматриваемого подхода можно отнести таких исследователей, как Г. Кауфман-Кохлер и Т. Шульц²⁴, С. А. Курочкин²⁵, М. А. Рожкова, В. В. Терехов, И. Лунгу и т.д. Так, например, М. А. Рожкова считает устаревшей

позицию, согласно которой онлайн-арбитраж и другие формы онлайн-разрешения споров (online dispute resolution, ODR) приравниваются к традиционному офлайн-аналогу. По мнению автора, в процессе внедрения ODR сама суть этих процедур претерпела трансформацию. На сегодняшний день ODR в целом и онлайн-арбитраж в частности понимаются уже «не просто как возможность проведения классических примирительных процедур и арбитража с использованием информационно-коммуникационных технологий, а как принципиально новый механизм осуществления этих процедур»²⁶.

Аналогичную позицию занимают В. В. Терехов и И. Лунгу. Рассуждая о роли технологий в процессе разрешения спора, они прямо указывают на неверность инструментального подхода, концентрирующегося исключительно на прикладном аспекте. Они полагают, что «технологии оказывают мощное преобразующее влияние на традиционную трехстороннюю модель разрешения спора». На сегодняшний день они не просто используются сторонами спора и арбитрами, а играют некую самостоятельную роль, превращаясь в так называемую четвертую сторону. При этом авторы подчеркивают, что использованный ими термин «четвертая сторона» является лишь метафорой, призванной продемонстрировать, что на данном этапе технологического развития арбитраж уже не контролирует технологию²⁷.

Изложенные позиции представляются вполне оправданными, т.к. на современном этапе развития онлайн-способов разрешения споров цифровые технологии пронизывают все стадии рассмотрения спора и действительно вносят су-

¹⁷ Бачило И. Л. Глобальная информатизация и право // Проблемы информатизации. 1999. № 3. С. 10–19.

¹⁸ Панов А. А. Указ. соч. С. 111–114.

¹⁹ Галковская Н. Г., Вутын В. Е. Указ. соч. С. 133–134.

²⁰ Пучков В. О. Указ. соч. С. 119–120.

²¹ Галковская Н. Г., Вутын В. Е. Указ. соч. С. 134.

²² Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов А. В. [и др.]. Указ. соч. С. 62.

²³ Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов А. В. [и др.]. Указ. соч. С. 63.

²⁴ Kaufmann-Kohler G., Schultz T. The Use of Information Technology in Arbitration // JusLetter. 2005. Dec. P. 127.

²⁵ Курочкин С. А. Указ. соч. С. 149–150.

²⁶ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 218–220.

²⁷ Терехов В. В., Лунгу И. Указ. соч. С. 163–166.

ществленные внутренние изменения в традиционные механизмы разрешения частноправовых споров.

Тем не менее необходимо обратить внимание на то, что авторы данных позиций, констатируя преобразующее воздействие цифровых технологий, не приводят примеров конкретных качественных изменений процесса разрешения спора. Данное упущение является существенным, т.к. не позволяет определить, в чем конкретно, по их мнению, заключается качественное отличие процедуры разрешения споров в онлайн-арбитраже от разрешения споров в традиционном арбитраже.

На наш взгляд, указанными качественными изменениями процесса разрешения споров следует считать такие несвойственные традиционному арбитражному разбирательству явления, как заключение арбитражного соглашения в цифровой форме (в форме смарт-контракта или click-wrap-соглашения), внесение арбитражного сбора в токенах, обеспечение исполнения арбитражного решения за счет автоматической блокировки спорного цифрового актива, использование искусственного интеллекта для организации процесса разрешения спора, составление и заверение арбитражного решения в цифровой форме и т.д.

Данные явления изменяют сущность арбитражного разбирательства, вследствие чего онлайн-арбитраж, хотя и остается по правовой природе арбитражем, всё же не может признаваться механизмом разрешения споров, тождественным традиционному арбитражному разбирательству.

В связи с этим встает вопрос об отличительных чертах онлайн-арбитража, позволяющих отграничить его от традиционного арбитражного разбирательства.

Большинство авторов в качестве отличительной черты онлайн-арбитража называет использование в процессе разрешения споров цифро-

вых технологий²⁸. Тем не менее такая позиция представляется не совсем верной. Само по себе использование цифровых технологий в процессе разрешения споров не может выступать критерием для разграничения онлайн-арбитража и традиционного арбитража, т.к. определенные цифровые технологии могут применяться и в традиционном арбитражном разбирательстве²⁹. Например, цифровые технологии могут быть задействованы для проведения онлайн-заседаний третейского суда и при этом не вызывать каких-либо сущностных изменений процесса разрешения спора, позволяющих назвать его онлайн-арбитражем.

В данных обстоятельствах кажется более правильным рассматривать в качестве отличительной черты онлайн-арбитража не использование цифровых технологий, а результат их применения, т.е. цифровизацию арбитражного разбирательства и возникновение вышеперечисленных качественных изменений процесса разрешения спора.

Вывод: из вышеизложенного можно заключить, что онлайн-арбитраж по правовой природе является арбитражем и охватывает только те процедуры разрешения споров, которые по своим характеристикам соответствуют ключевым признакам арбитражного разбирательства.

Несмотря на свою правовую природу, онлайн-арбитраж не тождествен традиционному арбитражному разбирательству, т.к. в результате глубокого внедрения цифровых технологий в процесс разрешения спора он претерпевает внутренние инфраструктурные изменения, которые приводят к возникновению несвойственных традиционному арбитражному разбирательству явлений. Данные явления трансформируют сущность арбитражного разбирательства и выступают отличительной чертой, позволяющей разграничить онлайн-арбитраж и традиционный арбитраж.

²⁸ См.: Курочкин С. А. Указ. соч. С. 152 ; Рожкова М. А. Указ. соч. С. 229–230 ; Терехов В. В., Лунгу И. Указ. соч. С. 155–156.

²⁹ Терехов В. В., Лунгу И. Указ. соч. С. 160.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бачило И. Л.* Глобальная информатизация и право // Проблемы информатизации. 1999. — № 3. — С. 10–19.
2. *Борн Г.* Международный арбитраж: право и практика / пер. с англ. ; под ред. Н. А. Бабаджаняна ; Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража. — М. : Российский институт современного арбитража, 2020. — 870 с.
3. *Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов А. В.* [и др.]. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния // Herald of the Euro-Asian Law Congress. — 2018. — № 2. — С. 56–68.
4. *Галковская Н. Г., Вутын В. Е.* Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2017. — № 24. — С. 133–147.
5. *Курочкин С. А.* Онлайн-арбитраж: теоретические вопросы // Третейский суд. — 2017. — № 3. — С. 148–162.
6. *Панов А. А.* Онлайн-арбитраж: проблемы, решения, перспективы // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 2 : сборник статей / под ред. А. В. Асоскова, А. И. Муранова, Р. М. Ходыкина. — М. : Инфотропик Медиа, 2014. — С. 111–153.
7. *Пучков В. О.* Онлайн-арбитраж в России и за рубежом: коллизионные аспекты правового регулирования // Арбитражные споры. — 2018. — № 4. — С. 119–125.
8. *Рожкова М. А.* Об автоматизации онлайн-арбитража и онлайн-урегулирования коммерческих и потребительских споров // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. докт. юрид. наук М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2019. — 234 с.
9. *Терентьева Л. В.* Разрешение арбитражными центрами доменных споров по процедуре UDRP // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 4.
10. *Терехов В. В., Лунгу И.* Понятие и ключевые особенности онлайн-разрешения споров // Вестник гражданского процесса. — 2021. — № 4. — С. 153–178.
11. *Цириня М. А.* Основные направления создания электронной системы альтернативных механизмов разрешения споров // Административное право и процесс. — 2019. — № 4. — С. 53–56.
12. *Чупахин И. М.* Онлайн-арбитраж: особенности исполнения решений // Арбитражный и гражданский процесс. — 2012. — № 11. — С. 26–29.
13. *Baert P. R.* The Potential of Online Arbitration (OARB) in Resolving Disputes at the Lower End of Value: Justice without the State, or a State of Injustice? — Brussel, 2017. — 139 p.
14. *Girsberger D., Schramm D.* Cyber-Arbitration // European Business Organization Law Review. — 2002. — No. 3 (3). — P. 611–628.
15. *Kaufmann-Kohler G., Schultz Th.* The Use of Information Technology in Arbitration // JusLetter. — 2005. — Dec.

Материал поступил в редакцию 2 декабря 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bachilo I. L.* Globalnaya informatizatsiya i pravo // Problemy informatizatsii. — 1999. — № 3. — S. 10–19.
2. *Born G.* Mezhdunarodnyy arbitrazh: pravo i praktika / per. s angl.; pod red. N. A. Babadzhanjana; Rossiyskiy arbitrazhnyy tsentr pri Rossiyskom institute sovremennogo arbitrazha. — M.: Rossiyskiy institut sovremennogo arbitrazha, 2020. — 870 s.
3. *Branovitskiy K. L., Rents I. G., Neznamov A. V.* [i dr.]. Tsifrovye tekhnologii i tsivilisticheskiy protsess: problemy vzaimovliyaniya // Herald of the Euro-Asian Law Congress. — 2018. — № 2. — S. 56–68.

4. Galkovskaya N. G., Vutyn V. E. Onlayn-arbitrazh kak sredstvo razresheniya transgranichnykh ekonomicheskikh sporov. Problemy prinuditelnogo ispolneniya onlayn-arbitrazhnykh resheniy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2017. — № 24. — S. 133–147.
5. Kurochkin S. A. Onlayn-arbitrazh: teoreticheskie voprosy // Treteyskiy sud. — 2017. — № 3. — S. 148–162.
6. Panov A. A. Onlayn-arbitrazh: problemy, resheniya, perspektivy // Novye gorizonty mezhdunarodnogo arbitrazha. Vyp. 2: sbornik statey / pod red. A. V. Asoskova, A. I. Muranova, R. M. Khodykina. — M.: Infotropik Media, 2014. — S. 111–153.
7. Puchkov V. O. Onlayn-arbitrazh v Rossii i za rubezhom: kollizionnye aspekty pravovogo regulirovaniya // Arbitrazhnye spory. — 2018. — № 4. — S. 119–125.
8. Rozhkova M. A. Ob avtomatizatsii onlayn-arbitrazha i onlayn-uregulirovaniya kommercheskikh i potrebitelskikh sporov // E-commerce i vzaimosvyazannye oblasti (pravovoe regulirovanie): sbornik statey / ruk. avt. kol. i otv. red. dokt. yurid. nauk M. A. Rozhkova. — M.: Statut, 2019. — 234 s.
9. Terenteva L. V. Razreshenie arbitrazhnymi tsentrami domennykh sporov po protsedure UDRP // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2014. — № 4.
10. Terekhov V. V., Lungu I. Ponyatie i klyuchevye osobennosti onlayn-razresheniya sporov // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2021. — № 4. — S. 153–178.
11. Tsirina M. A. Osnovnye napravleniya sozdaniya elektronnoy sistemy alternativnykh mekhanizmov razresheniya sporov // Administrativnoe pravo i protsess. — 2019. — № 4. — S. 53–56.
12. Chupakhin I. M. Onlayn-arbitrazh: osobennosti ispolneniya resheniy // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2012. — № 11. — S. 26–29.
13. Baert P. R. The Potential of Online Arbitration (OARB) in Resolving Disputes at the Lower End of Value: Justice without the State, or a State of Injustice? — Brussel, 2017. — 139 p.
14. Girsberger D., Schramm D. Cyber-Arbitration // European Business Organization Law Review. — 2002. — No. 3 (3). — P. 611–628.
15. Kaufmann-Kohler G., Schultz Th. The Use of Information Technology in Arbitration // JusLetter. — 2005. — Dec.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.155-164

Жаворонкова Н. Г.*,
Воронина Н. П.**

Цифровизация экологического права и возможности использования искусственного интеллекта

Аннотация. В статье представлен анализ цифровой трансформации экологического права, рисков и возможных последствий цифровизации и применения искусственного интеллекта в праве, раскрыта особая роль экологической политики в концепции цифровизации экологического права. Исследован вопрос о значении нравственности и морали, роли и месте человека как биологического существа, действующей или возможной правовой системы, «цифровой законности», об основах правопорядка в условиях цифровизации права в целом и экологического права в частности. Обозначены области применения цифровых технологий в экологическом праве. Рассмотрены особенности цифровизации отдельных институтов экологического права. Сформулированы принципы, на основе которых должны быть разработаны нормативные и ненормативные подходы к внедрению и эксплуатации систем искусственного интеллекта в регулировании экологических отношений. Выявлены дискуссионные вопросы цифровизации экологического права, риски и угрозы, сопровождающие трансформацию экологического права. Определены подходы к построению цифровой правовой экосистемы. Сделан вывод о трансформации как концепции экологического права, так и современной модели правового регулирования экологических отношений.

Ключевые слова: цифровизация; экологическое право; цифровое право; искусственный интеллект; эколого-правовая политика; цифровая правовая экосистема; риск-ориентированный подход; экологическое управление; экологическая информация; принцип.

Для цитирования: Жаворонкова Н. Г., Воронина Н. П. Цифровизация экологического права и возможности использования искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 155–164. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.155-164.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Жаворонкова Н. Г., Воронина Н. П., 2025

* Жаворонкова Наталья Григорьевна, доктор юридических наук, профессор
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
gavoron49@mail.ru

** Воронина Наталья Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
79315016167@yandex.ru

Digitalization of Environmental Law and Possibilities for Artificial Intelligence Implementation

Natalia G. Zhavoronkova, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russian Federation
gavoron49@mail.ru

Natalya P. Voronina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
79315016167@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the digital transformation of environmental law, risks and consequences of digitalization and artificial intelligence (AI) implementation, highlighting the special role of environmental policy in the concept of digitalization of environmental law. The authors examine the role of morality and ethics, the role and place of man as a biological being, existing or potential legal systems, “digital legality,” the foundations of the rule of law in the context of the digitalization of law in general and environmental law in particular. Key application areas for digitalization in environmental law are identified. The features of digitalization of individual institutions of environmental law are considered. Principles for normative and non-normative approaches to AI implementation in environmental governance are formulated. The controversial issues of digitalization of environmental law, risks and threats accompanying this transformation are outlined. Approaches to building a digital legal ecosystem have been identified. The study concludes that both environmental law’s conceptual understanding and regulatory models are undergoing transformation.

Keywords: digitalization; environmental law; digital law; artificial intelligence; environmental and legal policy; digital legal ecosystem; risk-oriented approach; environmental management; environmental information; principle.

Cite as: Zhavoronkova NG, Voronina NP. Digitalization of Environmental Law and Possibilities for Artificial Intelligence Implementation. *Aktual’nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(8):155-164. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.155-164.

Acknowledgments. The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority 2030».

Острая дискуссия о возможностях и перспективах повышения качества правового регулирования в экологической сфере, в том числе путем цифровизации права (экологического, в частности), затронула ряд важнейших, даже фундаментальных, основ теории и методологии права, его место в системе государственного управления, межгосударственных отношений, пересмотр, казалось, очевидных и незыблемых правовых доктрин (до сих пор находящихся в русле традиционного права). Интернет-технологии, лавинообразно увеличивающиеся объемы баз данных, цифровизация законодательства и правоприменения, с одной стороны, обозначили перспективы и парадигмы развития глобального правового поля, интернационализации экологического права, с другой — проявились тенденции одно-

временной суверенизации права, цифрового суверенитета, безопасности самого экологического национального права. Но подчас ключевой вопрос о смыслах и целях цифровизации эколого-правовой политики заменен вопросом о прикладных преимуществах оцифровки актов, возможностях использования больших баз данных нормативных актов, автоматизации многих судебных, досудебных процессов и процедур. На наш взгляд, необходимо для эффективности экологического права обсуждать не саму цифровизацию права, а векторы его развития, ее последствия, риски грядущих изменений, полезность для конкретных субъектов и областей применения, возможности массового использования интернет-технологий, создающихся алгоритмов и искусственного интеллекта (далее — ИИ).

Оцифровка нормативных правовых актов, интернет-технологии, базы данных — это скорее организационно-технологические, в меньшей степени юридические проблемы, но постепенный переход многих правовых процедур «в цифру», новые по сути и содержанию алгоритмы юридических действий, сама трактовка правовой нормы (особенно ИИ) могут создать пока неизвестную правовую ткань, повлиять на институты и разделы экологического права, например на показатели охраны среды и экологической безопасности, на оценку степени угроз и вызовов, стоящих перед экологическим развитием.

Можно легко представить, что и оцифровка нормативных правовых актов, и цифровизация права и экономики как технологический процесс уже в 2025–2030 гг. успешно внедрены на всех уровнях и стадиях правотворчества: в нормотворчестве, судебной деятельности, в адвокатской практике, но сейчас более важно понять, что цифровизация права действительно способствует условной эффективности, а что является просто технологическим дизайном. Но этот вопрос самый простой. Есть гораздо более сложные. Нужно ли выделять проблему эколого-правовой политики и экологического права в контексте эволюции цифровизации и грядущей эры ИИ в особый раздел уже в силу того, что цифровизация как принцип организации управления в своей основе противостоит экологии? То, что эта цифровая эра стремительно (на наших глазах) формируется и в ней будут иные, пока неизвестные эколого-правовые отношения, очевидно всем. Необходимо обратить внимание на предмет экологического права, его назначение, миссию, сверхзадачу — сохранение биологической основы существования, условий для жизни и развития, недопущение экологической катастрофы и деградации природы. Можно привести самые разные определения, но суть именно в этом.

Человек прежде всего биологическое существо, у него есть пределы жизненных процессов, биологические потребности, он ограничен именно биологическим размером своего

существования. Но цифровизация — это переход в другую реальность, к иной логике жизни, смыслам, ценностям, алгоритмам цифрового порядка, другим параметрам взаимодействия природы и общества; цифровая экосистема — это другой, не биологический, скорее искусственно созданный, мир. Поэтому главный вопрос цифровизации экологического права — о понимании пределов и рисков внеприродной реальности. Есть ли у юристов образ «цифровой законности», цифрового порядка, цифрового правосудия, цифровой нравственности и справедливости, не противоречащий биологическим и нравственным законам? В настоящее время мы видим почти не контролируемый поток инноваций, создающий неограниченные возможности усиления интеллектуальной мощи человека, фантастического повышения эффективности производства, производительности труда, но замечаем ли мы последствия эколого-правовой цифровизации? Глобальные климатические изменения показали, что, как бы ни были серьезны и могущественны информационные технологии (в том числе в праве), экологические законы — основа жизни.

Например, темпы цифровизации и внедрения ИИ в сферу права таковы, что уже к 2027–2030 гг. цифровизация и повсеместное внедрение ИИ способны изменить судебную систему. Мы близки к такому переходному моменту в юриспруденции. Но что это значит? Вся судебная инфраструктура, образование, кадры, вся процессуальная часть подвергнутся радикальным изменениям. Какова степень готовности к таким радикальным переменам, за какой срок можно подготовить десятки тысяч юристов, способных работать в цифровой среде? Появление дисциплин и программ подготовки студентов/преподавателей по цифровому праву можно только приветствовать. Так, в учебнике «Цифровое право» под редакцией В. В. Блажеева, М. А. Егоровой¹ дано определение: «цифровое право — это система гарантированных государством общеобязательных, формально-определенных правил поведения, которая складывается в области применения

¹ См.: Цифровое право : учебник / под ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2021.

или с помощью применения цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с использованием цифровых данных и цифровых или IT-технологий»². А в монографии «Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте»³ сделан важный вывод, что «в процессе планирования и определения регуляторных механизмов развития цифровой экономики государство, к сожалению, не определилось с ролью и возможностями тех или иных регуляторов, которые необходимы для развития цифровой экономики»⁴. Фактически происходит попытка законодательного регулирования на основе плана и анализа зарубежного опыта, но без учета национальной системы экологического регулирования и технологий правотворческого процесса, также без обеспечения учета научно-методической, материально-технической, организационной, идеологической, информационной, образовательной основ, которые, бесспорно, должны сопровождать процессы правового регулирования эколого-цифровой экономики⁵.

Известный исследователь цифрового права А. В. Минбалева считает, что «в условиях развития цифровых технологий современная правовая система не способна быстро реагировать на изменение цифровых технологий, поскольку они совершенствуются значительно быстрее. В связи с этим предлагается, выявив закономерности правового регулирования цифровых технологий, особенности их технического регулирования и саморегулирования, обозначить

подходы, механизмы влияния регулирования на развитие цифровых технологий»⁶.

Да, этот формально-нормативный подход не вызывает возражений, но развитие цифрового права направлено в сторону неизбежной замены традиционного экологического права. Это жестокая диалектика развития. Цифровое право перетекает в алгоритмы, программы, независимость ИИ, гигантское расширение дата-центров, цифровую формализацию всех процессов и процедур. Для эколого-правовой системы с ее многообразием объектов и субъектов правоотношений, бесконечным объемом экологической информации, множественностью экологических задач цифровизация — это прорыв в будущее. Области применения цифровизации в экологическом праве многообразны, перечислим только самые очевидные: экологическая экспертиза, оценка воздействия на окружающую среду, предсказание (прогноз) и контроль загрязнений, создание моделей деградации природы, климатические прогнозы, их влияние на экономику, социальные процессы, рациональное землепользование, водопользование, недропользование, лесопользование, квоты и ограничения по добыче природных ресурсов, экологическая безопасность.

Цифровизация экологического права (вынуждены повторить) как первый этап внедрения ИИ — это вопрос не технологического и финансово-экономического уровней (компьютеры, сети, дата-центры, программы и алгоритмы), но прежде всего фундаментального и мировоззренческого уровня, например о значении нравственности, морали и справедливости, о роли и

² Цифровое право. С. 36.

³ См.: Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2019.

⁴ Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе / Т. А. Полякова, А. В. Минбалева, В. Б. Наумов [и др.]. Саратов : Амирит, 2019. С. 207.

⁵ Минбалева А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 33.

⁶ См.: Минбалева А. В. Указ. соч. С. 32 ; Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий : монография / под общ. ред. А. В. Минбалева. Саратов : Амирит, 2019. С. 7.

месте человека как биологического существа, о предназначении действующей или возможной правовой системы вообще и «цифровой законности», об основах правопорядка, наконец, о понятиях «закон — право — справедливость». Уже сейчас, когда оцифровано и накоплено более 12 млн нормативных правовых актов только в базах данных Минюста России, из них большая часть в той или иной степени связана с экологией, и все эти базы данных слабо состыкованы и находятся в отраслевых системах управления⁷.

Совершенно очевидно, что дальнейший процесс цифровизации права выявит вначале проблему деления (и стремительного выделения всё новых) отраслей права, соотношения между законом и подзаконным актом, между публичным и частным правом, источником права и субъектом права, дублирования нормативных правовых актов, степени их востребованности. Но в настоящей статье внимание хотелось бы обратить на особую роль и положение экологического права в свете цифровизации права.

Экологическое право уникально и с юридической точки зрения, и как объект цифровизации. С одной стороны, это одна из отраслей права, с другой — это особая, во многом выходящая за рамки права конструкция, вбирающая в себя биологические, химические, мировоззренческие, политические, технологические, здравоохранительные аспекты. По сути, экологическое право в широком контексте — это правила проживания человека в природе и природы с человеком, а также выживания в глобальном мире. Только на первый взгляд переход «на цифру» является технологической проблемой, в действительности экологическое право (а если шире — эколого-правовая политика) выступает по своей сути протагонистом цифрового порядка, и в том числе ИИ.

Но совсем не лишне задать вопрос, кто станет бенефициаром и кто может потенциально пострадать от массовой цифровизации (внедрения ИИ) экологического права (в том числе в эколого-правовую политику). В настоящее время экологическое право — «продукт»

государственных органов и правовых институтов. Есть система государственного экологического управления, государственные органы, государственные предприятия, частный бизнес, граждане, общественность. Это субъекты экологических правоотношений. Цифровизация экологического права и последующее внедрение ИИ — это проверка на прочность не интернет-технологий, а наших концепций, целей, методов и механизмов экологического управления, экономики потребления, целей устойчивого развития, наконец, представлений о себе и обществе.

Цели цифровизации и внедрения ИИ в экологическом праве должны быть сформулированы и заданы не технологами и специалистами в области информационных технологий, а юристами.

Выделим ключевые, на наш взгляд, вопросы цифровизации, риски и угрозы, сопровождающие трансформацию экологического права.

1. Цифровизация экологического права не цель, а технология, ведущая к ней. Но цель цифровизации экологического права как права жизнеобеспечения и как права на жизнь не определена. Более того, выявлены интересы прямых и условных субъектов экологических правоотношений, таких как природа, животный и растительный мир, природопользователи, экологи, юристы, научные работники, органы власти и управления, но не обозначены управленческие риски и не понятны перспективы и условная цена цифровизации.

2. В экономике, бизнесе, биологии, управлении — во многих областях и сферах применение методов цифровизации права однозначно прогрессивно. Но для экологической политики важна не материальная или иная выгода, а другие критерии, например экологическая безопасность, что требует специального анализа целей и задач цифровизации.

3. Эколого-правовая политика и экологическое право — это особый вид правоотношений, связанный с важнейшей социальной составляющей экологического права — нравственным кри-

⁷ Не считая базы экологических данных на территориальном уровне, норм и правил природопользования, водопользования, лесопользования и др.

териум, широким общественным движением, социокультурным контекстом.

Специфической стороной цифровизации экологического права является экологическая информация — это плохо атрибутируемый массив данных, который может быть обращен и применим чуть ли не ко всем видам экономической, технологической, градостроительной, биологической и иной информации. Хотя в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁸ (далее — Закон об ООС) есть определение экологической информации, но куда, например, отнести отдельный, постоянно генерируемый поток данных Единой системы государственного экологического мониторинга, включающей в себя 16 подсистем? Даже не стоит напоминать, что каждая из информационных подсистем, крайне важных для эколого-правовых отношений, включает в себя сотни разнообразных показателей. Но до сих пор непонятно, какие показатели главные, а какие — второстепенные, как они интегрируются и как отражают целостное единство (пресловутое качество окружающей среды). Еще более сложный вопрос (с правовой позиции) — определить нормативный статус и место различных данных, которые имеют самые разные значения: показатели, сведения, параметры, индексы, указания, нормативы, концентрации, условия, уровни... С точки зрения алгоритмов и цифровых программ это всё информация, но с позиций экологического права эта информация принципиально разная, имеющая различную нормативную значимость и привязанность к каким-то отдельным обстоятельствам.

Еще в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» выделены такие показатели, как нормативы воздействия: качества среды, нагрузки, величины выбросов и сбросов, предельно допустимой концентрации, физических воздействий, экобезопасности. Показатели охраны окружающей среды подразделяются на технические, технологические, санитарные, здравоохранительные, показатели безопасности, в области охраны воды, воздуха, земель, почв и др.

⁸ Российская газета. № 6. 12.01.2002.

Мониторинг по экологическим показателям представляет отдельную часть экологической деятельности на национальном и территориальном уровнях, он показывает динамику экологической обстановки, позволяет реализовывать конкретные меры по ее стабилизации, проводить более детальные исследования в регионах, в частности регулировать:

- выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух;
- возобновляемые ресурсы пресной воды;
- особо охраняемые природные территории;
- виды, находящиеся под угрозой исчезновения, и охраняемые виды;
- леса, их использование и восстановление;
- тенденции изменения численности и распространения отдельных видов растений и животных;
- образование отходов по классам опасностей;
- переработку и вторичное использование отходов.

Экологические показатели влияют и входят в основную категорию плановых, управленческих, стратегических документов, они соотносятся с показателями качества жизни населения, ВВП и другими макроэкономическими показателями.

Другими словами, инвентаризация экологической информации даже на уровне понятийном, смысловом, онтологическом уже становится серьезной проблемой для цифровизации эколого-правовой политики. Нельзя улучшать экологические показатели без ясной долгосрочной цели, целеуказания, целеуказание без экологической политики, основанной на имеющихся ресурсах и перспективах, эколого-правовые детерминанты без учета перспектив экономики и права.

Перечисленные для примера источники экологической информации — это только малая часть всего объема потенциально значимой базы данных о состоянии окружающей среды, экологической безопасности, природных ресурсов, их использовании, уровне загрязнения, уровне деградации природных комплексов и т.д.

Сразу возникает три вопроса, важных для цифровизации экологического права:

1. Какой набор экологической информации (показателей, данных) избыточен/достаточен, необходим и репрезентативен для управления на различных уровнях принятия решений, в чем цифровизация экологического права кардинально (принципиально) меняет подходы к природоохранной политике, в чем проявляется новое качество экологического управления?

2. Насколько, для кого и для каких целей, каких потребителей этот набор показателей (данных) остро необходим, эффективен в управленческом и экономическом плане и в каком виде эта информация наиболее применима? Сейчас основным потребителем и заказчиком выступают государственные органы, но в действительности экологическая информация нужна буквально всем, если она будет надлежаще сгруппирована, то ее коммерческая ценность станет очевидной. Например, торговля углеродными единицами и выдача комплексных экологических разрешений, не говоря уже об оценке воздействия, экологической экспертизе, градостроительных решениях, дают основание думать о финансовой ценности экологической информации.

3. Цифровизация права, как показывает практика, успешна там, где понятна выгода, чем бы она ни измерялась. В случае с экологической информацией необходим иной критерий выгоды — общественная значимость, обеспечение безопасности, предотвращенный ущерб, эстетическая, культурная, социальная, ландшафтная ценность. Кроме того, есть огромный пласт нормативно-разрешительных документов и контрольно-надзорных мер, которые легко оцифровываются и представляют коммерческую ценность в случае их цифровизации.

Стоит также не забывать об уже существующей единой базе данных в системе ГАС «Управление».

Координация и унификация информационных платформ различных ведомств могли бы резко повысить значимость экологической информации, а единство алгоритмов и интернет-программ придало бы всей системе огромный синергетический эффект. Но преодоление ведомственных барьеров (что крайне необходимо в случае с экологической информацией) — процесс еще более сложный, чем создание своей базы данных.

Цифровизация экологического права важна в том случае, когда есть запрос на достижение конкретных целей эколого-правовой политики.

Исследовать современное положение в области цифровизации экологических правоотношений без учета глобальной конкуренции, неопределенности и напряженности не имеет смысла, т.к. именно эти три фактора определяют повестку дня в теории и практике, в том числе экологического, права. Нельзя назвать эти вызовы специфическими или главными для раскрытия темы цифровизации экологического права, но они точно не могут быть игнорируемы. В нарождающейся цифровой правовой экосистеме главное не традиции и стабильность, а изменчивость — скорость реакции и точность адаптации права к быстро меняющимся технологиям, способам их применения, условиям окружающей среды⁹.

Для решения проблем цифровизации экологического права большое значение имеет дискуссия об отраслях права и праве нормативного пространства. Теория условного отмирания права территорий и наступления эры права нормативного пространства становится не пустым звуком. Обсуждение теории права нормативного пространства — это следствие цифровизации права, но как это корреспондирует с вполне конкретной привязкой эколого-правовых отношений именно к земле, территории, биологии, окружающей среде?

⁹ См. подробнее доклад Всемирного банка о развитии цифровой экономики в России «Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические выгоды для России» (Competing in the Digital Age: Policy Implications for the Russian Federation / World Bank Group. World Bank, 2018. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/4959ca8a-e664-574b-86bd-8c9d815461c6> (дата обращения: 12.10.2024)).

Мнение Ц. А. Ямпольской о том, что отраслей в праве вообще нет, в современных реалиях цифровизации становится актуальным: «Отрасли права не укладываются в системе права одна рядом с другой, а наползают друг на друга. Отрасль не является внутренне присутствующим подразделением правовой ткани. Таким подразделением служит норма права... Отраслей как таковых в праве нет. Мы их, с учетом традиций, привносим для удобства изучения права, для удобства пользования нормами, для кодификации. Следовательно, нет проблемы «соотношение системы права и системы законодательства». Система права существует не как система отраслей, а как система прочно взаимосвязанных в единое целое правовых норм. При этом можно выделять и отрасли, но не возводить их в абсолют, они имеют условный характер и вспомогательное значение»¹⁰.

При этом спор о перспективах и соотношении отраслей права и норм права в свете цифровизации не закончен. Более того, именно цифровизация права дает повод говорить о том, что «отрасль права» как базовая категория (институция) постепенно теряет первичное значение. Практически неостановимый поток образования новых отраслей права ставит под сомнение саму способность права служить универсальным регулятором социальных отношений. Но это лишь простой пример того, как цифровизация по-новому расставляет акценты в правовой теории, как остро проявляется необходимость новых взглядов и подходов к самой теории экологического права.

Настоящий вызов для цифровизации экологического права (и не только его) — стремительные и кардинальные (глобальные) изменения в миропорядке, в том числе санкционная политика, сворачивание международных программ, сокращение научного обмена и контактов, выдавливание российских эколого-правовых практик из контекста мировой политики.

Другими словами, цифровизация права — это часть конкурентной борьбы за эффективность управления в условиях жестокой конкуренции государств.

С другой стороны, повышаются значение и роль экологичности норм права, особенно тех, что несут в себе инновационные, адаптационные и прагматические концепты, пригодные как для национального, так и для международного применения.

Что, на наш взгляд, заставляет по-новому взглянуть на основы цифровизации экологического права и тем самым на основы эколого-правовой политики?

1. Несмотря на известную территориальность, привязку экологических проблем к конкретной территории (особенно в рамках эколого-экономической суверенизации), национальное экологическое право всегда тяготело к международному и даже глобальному контексту в силу неделимости природы и всеобщности жизни. Поэтому экологические нормы, так же как и методы цифрового регулирования, экологический мониторинг, экологические стандарты и правила, в большей или меньшей степени стали международными и национальными одновременно, локальными и глобальными. Путь цифровизации для экологического права — это создание единого цифрового пространства на базе экологических законов как в рамках национального суверенитета, так и в глобальном смысле.

2. Сложнейшей (в национальном и международном праве) проблемой стала целевая и, следовательно, планировочная функция экологического права: каковы возможные и допустимые параметры существования человека в природе, выраженные в законах, нормативах, стандартах, условиях гармонизации, исключающие (или по крайней мере не допускающие) вероятность экологических катастроф. Вопрос экологического права в следующем: насколько в цифровом мире оптимальны, правильны, актуальны цели/задачи, законы / правила / эко-

¹⁰ Система советского права и перспективы ее развития. Круглый стол журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 94–95.

логическая политика в целом с точки зрения не только человеческих потребностей, но и потребностей природы?

Таким образом, цифровизация экологического права и использование ИИ ставят задачу

определения их места, возможностей, а также рисков и пределов, что, безусловно, меняет концепцию экологического права¹¹ и современную модель правового регулирования экологических отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г., Воронина Н. П. Доктрина экологического права: теоретико-методологические аспекты развития : монография. — М. : Проспект, 2024. — 384 с.
2. Минбалеев А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 12 (64). — С. 31–36. — DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036.
3. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов [и др.]. — Саратов : Амрит, 2019. — 236 с.
4. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2019. — 240 с.
5. Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий : монография / под общ. ред. А. В. Минбалеева. — Саратов : Амрит, 2019. — 207 с.
6. Система советского права и перспективы ее развития. Круглый стол журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. — 1982. — № 6.
7. Цифровое право : учебник / под ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2024. — 640 с.
8. Competing in the Digital Age: Policy Implications for the Russian Federation / World Bank Group. — World Bank, 2018. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/4959ca8a-e664-574b-86bd-8c9d815461c6>.

Материал поступил в редакцию 6 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G., Voronina N. P. Doktrina ekologicheskogo prava: teoretiko-metodologicheskie aspekty razvitiya: monografiya. — M.: Prospekt, 2024. — 384 s.
2. Minbaleev A. V. Transformatsiya regulirovaniya tsifrovyykh otnosheniy // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2019. — № 12 (64). — S. 31–36. — DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036.
3. Pravovoe regulirovanie obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti v usloviyakh bolshikh vyzovov v globalnom informatsionnom obshchestve / T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev, V. B. Naumov [i dr.]. — Saratov: Amirit, 2019. — 236 s.
4. Pravovoe regulirovanie tsifrovoy ekonomiki v sovremennykh usloviyakh razvitiya vysokotekhnologichnogo biznesa v natsionalnom i globalnom kontekste: monografiya / pod obshch. red. V. N. Sinyukova, M. A. Egorovoy. — M.: Prospekt, 2019. — 240 s.

¹¹ См.: Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г., Воронина Н. П. Доктрина экологического права: теоретико-методологические аспекты развития : монография. М. : Проспект, 2024.

5. Pravovoe regulirovanie tsifrovyykh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom. Rol i mesto pravovogo regulirovaniya i samoregulirovaniya v razvitii tsifrovyykh tekhnologiy: monografiya / pod obshch. red. A. V. Minbaleeva. — Saratov: Amirit, 2019. — 207 s.
6. Sistema sovetskogo prava i perspektivy ee razvitiya. Kruglyy stol zhurnala «Sovetskoe gosudarstvo i pravo» // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1982. — № 6. — S. 94–95.
7. Tsifrovoye pravo: uchebnik / pod red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorovoy. — M.: Prospekt, 2024. — 640 s.
8. Competing in the Digital Age: Policy Implications for the Russian Federation / World Bank Group. — World Bank, 2018. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/4959ca8a-e664-574b-86bd-8c9d815461c6>.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.165-181

Мажорина М. В.*,
Никишин В. Д.**,
Никитина А. А.***

Правовой инжиниринг в системе обеспечения НТР, проектного и процессного управления организациями

Аннотация. В статье обосновывается концепция правового инжиниринга как междисциплинарной методологии, направленной на интеграцию правовых механизмов в процессы научно-технологического развития. Авторы анализируют проблемы слабой нормативно-правовой базы, фрагментарности законодательства и недостаточной правовой компетентности в сфере развития инноваций, что сдерживает технологическое лидерство России. Выделены и охарактеризованы следующие виды и подвиды правового инжиниринга: 1) наукоемкий правовой инжиниринг (правовой инжиниринг в стратегическом управлении); 2) прикладной правовой инжиниринг: 2.1) правовой инжиниринг в проектном управлении; 2.2) правовой инжиниринг в процессном управлении (LegalOps / Legal Engineer): LegalTech, управление интеллектуальной собственностью, персональными данными и т.д. Особое внимание уделяется роли университетов и корпораций в формировании новой правовой инфраструктуры, а также необходимости подготовки специалистов, способных работать на стыке юриспруденции, инженерии и инноватики. По логике нового компетентностного кода юриста, разработанного в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), специалист по правовому инжинирингу в стратегическом управлении — это юрист-стратег, юрист-нормотворец; специалист по правовому инжинирингу в проектном управлении — это юрист-партнер; специалист по правовому инжинирингу в процессном управлении — это юрист-технолог, Legal Engineer, LegalOps-менеджер.

© Мажорина М. В., Никишин В. Д., Никитина А. А., 2025

* *Мажорина Мария Викторовна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права, проректор по стратегическому и международному развитию, руководитель Центра компетенций «Правовой инжиниринг для технологического лидерства» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
mvmazhorina@msal.ru

** *Никишин Владимир Дмитриевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, директор Института информационной и медиабезопасности, заместитель руководителя Центра компетенций «Правовой инжиниринг для технологического лидерства» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
vdnikishin@msal.ru

*** *Никитина Алёна Алексеевна*, ассистент кафедры истории государства и права, директор Центра управления изменениями Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
aanikitina@msal.ru

Ключевые слова: правовой инжиниринг; технологическое лидерство; инновационная юриспруденция; инноватика; технологии; интеллектуальная собственность; РИД; НТР; трансфер технологий; научно-технологическое развитие; проектное управление; управление проектами; юридическое прогнозирование; юридический технолог; Legal Engineer; LegalOps; LegalTech.

Для цитирования: Мажорина М. В., Никишин В. Д., Никитина А. А. Правовой инжиниринг в системе обеспечения НТР, проектного и процессного управления организациями // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 165–181. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.165-181.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Legal Engineering in Support of Scientific and Technological Development, Project and Process Management in Organizations

Maria V. Mazhorina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Private International Law, Vice-Rector for Strategic and International Development, Head of the “Legal Engineering for Technological Leadership” Competence Center, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mvmazhorina@msal.ru

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Information Law and Digital Technologies, Director, Institute of Information and Media Security, Deputy Head of the “Legal Engineering for Technological Leadership” Competence Center, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vdnikishin@msal.ru

Alena A. Nikitina, Assistant Professor, Department of History of State and Law, Director, Change Management Center, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
aanikitina@msal.ru

Abstract. The paper substantiates the concept of legal engineering as an interdisciplinary methodology aimed at integrating legal mechanisms into the processes of scientific and technological development. The authors analyze the problems of a weak regulatory framework, fragmented legislation and insufficient legal competence in the field of innovation development, which hinders Russia’s technological leadership. The following types and subtypes of legal engineering are identified and characterized: 1) sci-tech legal engineering (legal engineering in strategic management); 2) applied legal engineering: 2.1) legal engineering in project management; 2.2) legal engineering in process management (LegalOps/LegalEngineer): LegalTech, intellectual property management, personal data management, etc. Emphasis is placed on universities’ and corporations’ roles in building new legal infrastructure and training specialists at the law-engineering-innovation nexus. Under a new lawyer competency framework developed at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) it is possible to say that a specialist in legal engineering in strategic management is a lawyer-strategist, a lawyer-norm creator; a specialist in legal engineering in project management is a lawyer-partner; a specialist in legal engineering in process management is a lawyer-technologist, LegalEngineer, LegalOps-manager.

Keywords: legal engineering; technological leadership; innovative jurisprudence; innovation; technologies; intellectual property; IP assets; scientific and technological development (STD); technology transfer; project management; legal forecasting; legal technologist; LegalEngineer; LegalOps; LegalTech.

Cite as: Mazhorina MV, Nikishin VD, Nikitina AA. Legal Engineering in Support of Scientific and Technological Development, Project and Process Management in Organizations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(8):165-181. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.165-181.

Acknowledgements. The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority 2030».

Введение

В соответствии с Федеральным законом от 28.12.2024 № 523-ФЗ к числу мер государственного стимулирования деятельности по реализации технологической политики в РФ отнесены **правовые**, экономические и организационные меры, которые применяются в сфере развития технологий и направлены на достижение целей технологической политики в России, а среди инструментов реализации указанной политики названы мероприятия по созданию и обеспечению функционирования **инфраструктуры развития технологий**¹.

Развитие такой инфраструктуры невозможно без интеграции правового компонента в операционную и проектную деятельность наукоемкого бизнеса, разработки нормативных моделей, реализующих роль права как драйвера, а не барьера, научно-технологического развития, что приводит к необходимости формирования методологии **правового инжиниринга** как междисциплинарной области юриспруденции на стыке с инноватикой, менеджментом и отраслевыми предметными областями технической и естественно-научной направленности.

В глобальном инновационном индексе ВОИС Россия занимает 59-ю строчку, а по категории «институты» — 126-е место², что обусловлено в том числе слабой нормативно-правовой базой: ключевым сдерживающим фактором на пути к инновационному технологическому лидерству выступает фрагментарность законодательной базы.

Стоит отметить, что национальные проекты Российской Федерации предусматривают вслед за рядом зарубежных референтных практик интеграцию вузов в повестку научно-технологического развития страны не только как кузницы кадров, но и как субъекта цепочек создания новых технологических продуктов, что требует новых форм интеграции и кооперации университетов и индустрии. При этом повсеместна в классических университетах страны неготовность юридических факультетов сопровождать технологические инициативы и проекты вузов, обеспечивать формирование инновационной инфраструктуры ввиду отсутствия соответствующих компетенций. Одной из серьезных проблем для реализации технологической политики выступает отсутствие в большинстве вузов (как, впрочем, и компаний) систем управления и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД). Далекое не все РИД подлежат патентной охране, значительный объем РИД ввиду отсутствия механизмов введения в оборот не коммерциализируется вовсе. Несмотря на высокую исследовательскую активность (по данным за 2023 г., вузы и НИИ подают 52 % заявок на изобретения), лишь 8,3 % зарегистрированных изобретений используются в промышленности, кроме того, только 8,2 % договоров о распоряжении исключительным правом на изобретения заключены вузами и НИИ³. Наблюдаются колоссальный разрыв между запросом индустрии и возможностями университетов, неготовность к эффективному

¹ Ст. 1, п. 6 ст. 3, п. 6 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

² Глобальный инновационный индекс 2024 : резюме / ВОИС. Женева, 2024. С. 29.

³ Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2023 год / под ред. Ю. С. Зубова, О. П. Неретина. М. : ФИПС, 2023. С. 115.

сотрудничеству и совместной разработке продуктов с последующей совместной коммерциализацией. Основным барьером является недостаточность правовой компетентности.

В рамках настоящего исследования предпринята попытка заложить основы теории правового инжиниринга, применимой как на уровне локальном (конкретных технологических и юридических компаний, а также вузов), так и на уровне отраслевом, а также в рамках стратегического планирования и правотворчества.

1. Инжиниринг и правовой инжиниринг

Инжиниринговая деятельность тесно связана и неотделима от смежных: инженерии, конструирования, проектирования (объектов, производств, систем, процессов, социальных и биологических образований), системотехники, программирования, изобретательства, рационализации, логистики, управления, менеджмента и др.⁴

Инжиниринг можно определить как методологию преобразования бизнес-процессов для повышения эффективности и стимулирования инноваций в компаниях посредством проектирования бизнес-процессов, внедрения технических систем, а также управления жизненным циклом инновационного проекта. Выделяют технологический, строительный, энергетический, IT-, бизнес-, финансовый инжиниринг и пр.

Исследователи Международного совета по системной инженерии (International Council on Systems Engineering, INCOSE) определяют **инжиниринг** как практику создания и поддержания сервисов, систем, устройств, машин, структур, процессов и продуктов для улучшения качества жизни посредством эффективной и действенной реализации задач⁵.

Инжиниринг формирует научные, технологические и управленческие основы разработки и реализации новых проектов.

В российской практике англицизм «инжиниринг» приобрел значение, несводимое к понятию «инженерия». Так, в соответствии с ГОСТ Р 57306-2016 **инжиниринг** рассматривается как «вид интеллектуальной деятельности, направленный не столько на изобретение новых объектов, процессов, систем, сколько к творческой компиляции наилучших практик, позволяющей решить конкретную бизнес-задачу с наименьшими затратами ресурсов и с минимальным риском неудачи». Часто отсутствие правового компонента в технологическом процессе приводит к рискам, потерям, утрате лидерства (в том числе международного) и национального контроля над технологиями, значительному удлинению процессов внедрения технологии в экономику.

Инжиниринг в узком смысле представляет собой надстройку над инженерной (проектно-конструкторской) деятельностью так же, как право представляет собой надстройку над социумом и в высокотехнологичных областях должно служить драйвером государственного развития, обеспечивать защиту, охрану и трансфер технологий. С точки зрения индустриальных партнеров, технологических компаний, потребителя, инжиниринг должен снижать риски, уменьшать неопределенность (энтропию), которая во многом связана с правовыми барьерами, лагунами, отсутствием регулирования.

С точки зрения **системного инжиниринга** методология IPO (Inputs — Activities — Outputs, «входные данные — деятельность — выходные данные») предусматривает влияние на процессы инжиниринга не только инфраструктуры организации и самого проекта, системы управления знаниями, но и локальной нормативной базы (политик организации, стандартов и регламентов), законодательства и иных нормативных правовых актов, стандартов, условий договорных отношений с контрагентами, а также проектной документации, включая приказы, директивы, акты контроля, и т.д. (см. рис. 1).

⁴ ГОСТ Р 57306-2016 «Инжиниринг. Терминология и основные понятия в области инжиниринга».

⁵ Systems Engineering Handbook: A Guide for System Life Cycle Processes and Activities. 4th ed. INCOSE, 2015. P. 6.

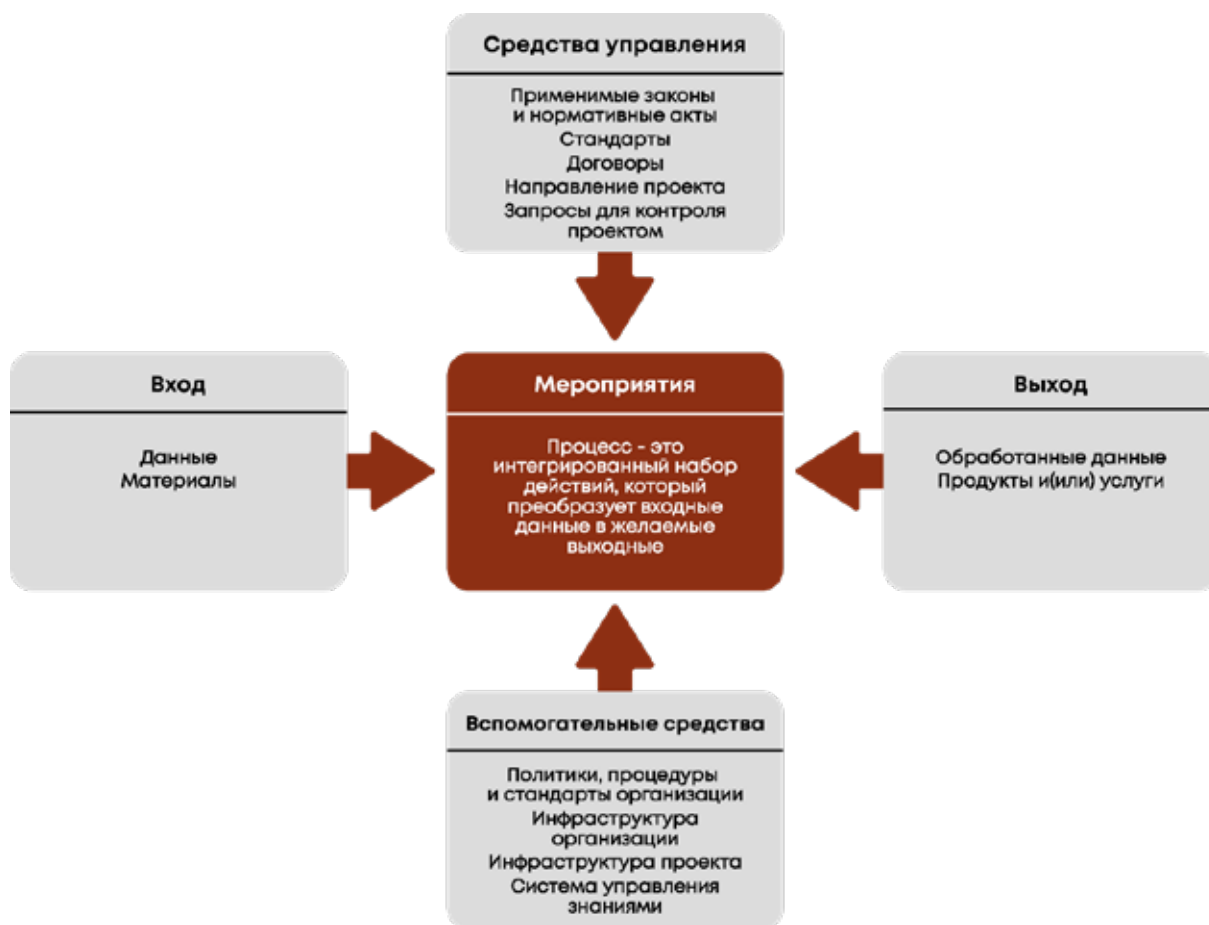

Рис. 1. IPO-диаграмма процессов системного инжиниринга⁶

Предметом инжиниринга является не сам объект (технология), а *интеллектуальная деятельность по созданию* этого объекта, *организация взаимодействия* сторон, участвующих в создании объекта. Здесь роль права и юристов крайне велика, что вместе с колоссальным дефицитом соответствующих специалистов, вызванным содержанием современных образовательных программ, приводит к рискам утраты технологий и технологического лидерства.

В настоящее время складываются разные виды отраслевого инжиниринга: строительный, энергетический, технологический, социальный, IT-, бизнес-инжиниринг и пр.

Инжиниринг, как следует из ГОСТ Р 57306-2016, это не отдельная сфера деятельности, а особое сочетание известных видов деятельности, позволяющее получить новый, *синергетический результат*,

недоступный для простой последовательности отдельных изолированных процессов исследования (изыскания), проектирования, организации и всестороннего обеспечения, собственно создания и промышленной реализации объекта (системы, процесса). При этом в российской практике зачастую наблюдаются именно простая линейная последовательность и изолированность процессов; юристы подключаются к технологическим проектам на последней стадии, юридическая экспертиза на предмет оптимизации процессов часто отсутствует, что потом приводит к недоступности юридических решений, которые могли бы существенно снизить издержки и ускорить внедрение технологических инноваций. Технологическое лидерство подразумевает не только разработку отечественных технологий, их охра-

⁶ Systems Engineering Handbook. P. 3.

ну и трансфер, но и экспорт, что также требует серьезного правового сопровождения. При этом правовое сопровождение инновационной деятельности не относится к категории обычной юридической практики: государство должно инвестировать в подготовку специализированных юридических кадров, способных работать в приоритетных областях НТР, с нормированием отношений, возникающих в связи с разработкой и внедрением критически важных и сквозных технологий, моделируя и прогнозируя их влияние на экономику и социум и оценивая регулирующее воздействие нормативных актов.

Инжиниринговая деятельность включает в себя знание технических дисциплин, менеджмента, **правовых** и экономических дисциплин и как вид экономической деятельности представляет собой прежде всего оказание услуг⁷. Отличительными свойствами такой услуги являются обязательное участие потребителя (заказчика) в процессе ее оказания, что требует установления продукт-ориентированных партнерств. В этой связи в ряде проектов целесообразно включение юристов в цепочку создания (высокотехнологического) продукта. Правовой инжиниринг в этой связи содержит технологии преобразования процессов взаимодействия для достижения синергетического эффекта.

Правовой инжиниринг может рассматриваться как **вид отраслевого инжиниринга** — совокупность технологий, методов, процессов преобразования нормативной среды для достижения технологического лидерства: построения новой модели права для НТР России, а также проектирования и запуска технологических проектов, определения оптимальных моделей инновационной кооперации, охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, правового сопровождения технологического предпринимательства и трансфера технологий.

Таким образом, правовой инжиниринг можно разделить на следующие **виды и подвиды**:

1) наукоемкий правовой инжиниринг (правовой инжиниринг в стратегическом управлении);

2) прикладной правовой инжиниринг:

2.1) правовой инжиниринг в проектном управлении;

2.2) правовой инжиниринг в процессном управлении (LegalOps / Legal Engineer): LegalTech, управление интеллектуальной собственностью, управление персональными данными и т.д.

2. Виды правового инжиниринга

2.1. Правовой инжиниринг в проектном управлении

Данный подвид прикладного правового инжиниринга рассматривается как функциональная область управления проектами для менеджеров, имеющих, как правило, базовое инженерно-техническое или юридическое образование.

В теории управления проектами юридические компетенции менеджера освещаются в лучшем случае в рамках функциональной области управления контрактами (закупками), при этом остается без внимания огромный пласт юридических вопросов, требующих разрешения менеджером (особенно технологических проектов).

Правовой инжиниринг востребован как надстройка над инженерной (проектно-конструкторской) деятельностью в рамках управления технологическими (в том числе стартапами), инвестиционными проектами, проектами в сфере цифровизации, девелопмента, трансфера технологий.

Правовой инжиниринг в проектном управлении обеспечивает процесс создания, вывода на рынок, трансфера конкретной технологии или группы технологий (точнее, продукта на основе технологии), когда за счет особого сочетания разных видов деятельности (технологической, правовой, организационной и пр.) достигается синергетический эффект значительного ускорения перехода результатов исследований в технологические инновации с высоким коммерческим потенциалом и значительным влиянием на общество.

⁷ ГОСТ Р 57306-2016.

Обязательный признак любого проекта — это новизна. Она может быть обусловлена как новизной самой технологии, так и условиями ее внедрения (использование уже известной технологии в новом продукте). Закономерным следствием новизны является неопределенность в проекте, включая правовую: необходимость разработки новых договорных конструкций, соответствующих действующему законодательству, отсутствие или туманность правовых моделей, противоречивая регуляторика, нормативные барьеры и т.п.

Соответственно, в технологических проектах специалист по правовому инжинирингу как член команды должен включаться начиная с фазы инициации проекта, принимая активное участие в том числе в анализе требований заинтересованных сторон, оценке регуляторики в зависимости от уровня новизны, ограничений и рисков и т.д. Юрист-инженер может инициировать и повторный анализ требований заинтересованных сторон ввиду того, что их состав изменяется после оценки регуляторики и выбора пути правового инжиниринга.

Специалист по правовому инжинирингу данного подвида должен ориентироваться в правовом обеспечении проектирования и запуска проектов, построения оптимальных моделей инновационной кооперации и архитектуры связей заинтересованных сторон, распределении ролей, рисков, ответственности, определении статуса прав на объекты (в том числе технологические инновации), охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности, договорных формах взаимоотношений субъектов, импорте и экспорте, логистике и анти-санкционном комплаенсе.

Компетенции правового инжиниринга на данном уровне крайне важны не только для специалистов, обладающих юридическим образованием, но для представителей технических, инженерных специальностей, принимающих управленческие решения.

Правовой инжиниринг объединяет два вида деятельности: *юридическую и технологическую*, что отвечает запросу государств, международных объединений и сообществ, стремительно меняющихся под влиянием технологий.

В зависимости от отраслевой специфики проектной деятельности правовой инжиниринг могут осуществлять как лица с базовым инженерно-техническим образованием (прежде всего инженеры-менеджеры), так и юристы как менеджеры или члены команд проектов. Важная роль инженера-менеджера, владеющего основами правового инжиниринга, связана с участием в разработке проектной документации, в том числе технических заданий; локальных нормативных актов компании для снятия правовых барьеров при реализации проекта; договоров и иных документов с контрагентами, в том числе для распределения прав на РИД и управления интеллектуальной собственностью, и т.д. Кроме того, здесь также значимы компетенции в технологическом предпринимательстве, управлении инновациями и их трансфере, проектном менеджменте, управлении изменениями, данными.

Юрист, осуществляющий правовой инжиниринг в рамках технологических проектов, безусловно, должен владеть спецификой предметной области (например, соответствующего рынка технологий), уметь эффективно выстраивать партнерства, оценивать экономические эффекты от разработки и внедрения технологической инновации.

2.1.1. Инжиниринг в управлении юридическими проектами

Заслуживают внимания попытки зарубежных исследователей применить методологию системного инжиниринга к решению юридических проблем (кейсов)⁸.

Методы системной инженерии⁹, зародившейся в 1950-х гг. в аэрокосмической отрасли, помогают структурировать сложные задачи, разделяя их на управляемые фрагменты (этапы),

⁸ Howe J. How to apply systems engineering in legal problem-solving // Thomson Reuters. URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/legal/systems-engineering-problem-solving/> (дата обращения: 15.04.2025).

⁹ Goode H. H., Machol R. E. System Engineering: An Introduction to the Design of Large-scale Systems. New York : McGraw-Hill, 1957.

что позволяет обеспечить слаженность, согласованность действий, минимизацию ошибок, в том числе в таких сложных сферах юридической проектной деятельности, как M&A due diligence,

многоаспектные судебные процессы, различные виды комплаенса и т.д. В частности, речь идет о возникшей в системном инжиниринге в 1980-х гг. V-модели¹⁰.

Рис. 2. V-модель интеграции системного инжиниринга в управление юридическими проектами

Применительно к решению юридических кейсов (проектов) V-модель (рис. 2) предполагает:

- 1) левая сторона V — **анализ требований, определение субъектного состава и декомпозицию (дробление) юридической проблемы с распределением на команды для детального анализа подпроблем;**
- 2) нижняя сторона V — **имплементацию:** собирание результатов детального анализа в единую связную систему;
- 3) правая сторона V — **интеграцию и внедрение:** тестирование и верификацию интегрированной системы (юридического решения), валидацию данных, внедрение решения (правоприменение / формирование правовой позиции).

Указанная модель подразумевает циклическую перепроверку (верификацию и валидацию) данных и гипотез, возврат к операциям левой стороны V для исправления ошибок и минимизации рисков.

В процессе работы ключевой момент заключается в том, что по мере движения справа налево V-модели риск минимизируется, а резерв на ошибку увеличивается. Это своеобразный запас прочности: даже если незначительные элементы дадут сбой (например, в сделке часть анализа окажется неточной или что-то упустят, или в сложном судебном процессе свидетель ошибется в показаниях в конкретный день), система останется стабильной: резерв на ошибку будет

¹⁰ Howe J. Op. cit.

достаточным, чтобы система в целом сохранила устойчивость¹¹.

2.2. Правовой инжиниринг в процессном управлении

Правовой инжиниринг в процессном управлении — деятельность, реализуемая внутри компании, связанная с анализом, стандартизацией и оптимизацией бизнес-процессов компании с учетом требований законодательства.

Специалист по правовому инжинирингу в процессном управлении (юридический технолог) должен обладать как юридическими, так и технологическими знаниями, что делает его хорошо подготовленным к пониманию юридических процессов с учетом отраслевой специфики организации; анализу текущих процессов юридического подразделения для выявления возможностей стандартизации и оптимизации; сбору требований к потенциальным IT-решениям и помощи руководству в выборе правильного решения; реализации проектов, направленных на внедрение в управление юридическими процессами LegalTech-инструментов; организационно-технической поддержке существующих IT-решений, проведению обучающих сессий по любым вопросам, связанным с использованием LegalTech-инструментов в подразделении.

Отдельного внимания на всех уровнях требует сопряжение юридических компетенций с цифровыми ввиду того, что современные информационно-коммуникационные технологии принципиально меняют бизнес-процессы и их логистику в организациях и компаниях. Применение технологии искусственного интеллекта и управление данными — это две необходимые специалисту по правовому инжинирингу компетенции.

Функция **LegalOps-специалиста** (специалиста в сфере LegalOperations¹² — юридического технолога, специалиста по правовому инжинирингу в процессной (операционной) деятельности) заключается в проектировании систем в организации для повышения эффективности юридических процессов в ней. При этом оптимизация бизнес-процессов подразумевает прежде всего последовательно шаблонизацию форм и стандартизацию операций. Как правило (но необязательно), далее проводится автоматизация стандартизированных бизнес-процессов, поэтому такого специалиста по оптимизации юридических процессов (правовому инжинирингу в процессном управлении) на рынке труда зачастую именуют **Legal Engineer'ом** или LegalTech-менеджером.

В зарубежной практике также наблюдается рост запроса на специалистов по правовому инжинирингу с такими смежными наименованиями, как legal innovation engineer / legal innovation and knowledge engineer, что объясняется усложнением социальных, экономических и иных связей и дефицитом кадров в сфере построения эффективных нормативных систем, сопряжения разных систем внутри компаний, управления данными, митигации различных видов рисков, комплаенса. Так, например, в 2025 г. правительство Гонконга включило в список профессий для визовой программы «Talent List for Immigration Visa Facilitation» профессию legal knowledge engineers¹³; в США создано соответствующее сообщество — American Society of Legal Engineers¹⁴; в европейских университетах (например, Leiden University, Bucerius Law School) запущены магистерские программы по Legal Innovation & Technology¹⁵.

¹¹ Howe J. Op. cit.

¹² Legal Operations: реальность и перспективы : исследование Nextons и МГЮА // URL: <https://nextons.ru/upload/iblock/fd6/14tj3w84b8vp6bfwwvc22tacprlidnfnu.pdf> (дата обращения: 15.06.2024).

¹³ Talent List for Immigration Visa Facilitation // Правительство Гонконга: официальный сайт. URL: https://www.talentlist.gov.hk/en/iso8_3.html (дата обращения: 10.04.2025).

¹⁴ URL: <https://americanlegalengineers.org/> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁵ Technology & innovation in legal research // Leiden University, Faculty of Law. URL: <https://www.universiteit.leiden.nl/en/law/institute-for-tax-law-and-economics/business-studies/research/technology--innovation> (дата обращения: 10.02.2025).

Ключевая задача *Legal Engineer'a* — выстраивать **стандартизированные бизнес-процессы** и создавать внутри организации такие системы взаимодействия, которые позволяют использовать **право как драйвер** достижения миссии организации и стратегических целей ее развития. В этом смысле юридический технолог выступает 1) участником командной работы юристов; 2) организатором бизнес-процессов этой команды. Движущей силой трансформации организаций выступают *Legal Engineers* — специалисты, чья роль заключается в выявлении, разработке и внедрении технологических решений (инноваций) для юридической сферы¹⁶.

Основные функции *Legal Engineer'ов* включают:

- анализ существующих процессов для поиска возможностей оптимизации;
- сбор требований к потенциальным решениям и консультирование руководства (например, генеральных директоров или партнеров) при выборе между внутренней разработкой и готовыми решениями;
- создание специализированных *LegalTech*-инструментов или адаптацию стандартного (коробочного) ПО под нужды организации;
- управление внедрением проектов, изменениями, поддержку действующих ИТ-решений, обучение работников и консультации по вопросам использования ПО¹⁷.

Соответственно, для выполнения таких функций требуются междисциплинарные компетенции, охватывающие технические навыки, процессное управление, гибкие методологии управления проектами, юридические знания, навыки межличностного общения¹⁸.

Как отмечает С. Аллен, «*Legal Engineers* похожи на тех, кого в других отраслях называют **архитекторами решений** (*solutions architects*). —

М. М., В. Н. и А. Н.) <...> Это люди, которые консультируют, разрабатывают и создают решения, и они играют важную роль в том, чтобы компании оставались на шаг впереди».

Таким образом, **LegalOps-специалист** может рассматриваться как методолог трансформации локальной нормативной инфраструктуры и технолог оптимизации юридических бизнес-процессов для повышения эффективности инновационной деятельности и достижения технологического лидерства компании.

2.2.1. Правовой инжиниринг управления интеллектуальной собственностью

Статья 25 Федерального закона от 28.12.2024 № 523-ФЗ в инфраструктуру развития технологий включает в том числе «инфраструктуру, необходимую для защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и управления такими правами».

Управление интеллектуальной собственностью — один из наиболее комплексных и сложных бизнес-процессов организации.

Для технологических компаний и вузов — участников программ технологического лидерства (в том числе программ «Приоритет-2030», «Передовые инженерные школы») актуально внедрение в процессное управление цифровых систем управления интеллектуальной собственностью.

Legal Engineer обеспечивает:

- выработку политики в области управления интеллектуальной собственностью, включая правовые режимы в отношении различных РИД;
- внедрение и поддержку автоматизированной системы управления РИД, включая пополнение базы знаний системы;
- выработку правовых конструкций передачи исключительных прав на РИД между раз-

¹⁶ О модели подготовки *Legal Engineer'ов* в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) см.: *Мажорина М. В., Никишин В. Д.* Юридическая инноватика как синтез аналитической, прогностической и проектной деятельности. *LegalOps* и ИТ-компетенции юриста // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. № 20 (4). С. 24–33 ; *Инновационная юриспруденция : учебник / отв. ред. В. В. Блажеев, М. В. Мажорина. М. : Проспект, 2025. С. 110–126.*

¹⁷ What is legal engineering? // *Node Masters*. URL: <https://www.node-masters.com/blog/what-is-legal-engineering> (дата обращения: 14.02.2025).

¹⁸ What is legal engineering?

личными заинтересованными сторонами, а также метрики учета прав в автоматизированной системе;

— шаблонизацию договоров и иных актов в сфере передачи прав на РИД и их коммерциализации (в том числе последующую разработку цифровых конструкторов лицензионных и иных договоров) и т.д.

Автоматизированная система управления РИД может обеспечить в том числе:

— учет распределения прав на РИД между различными субъектами;

— оценку доходности РИД, управленческую статистику, в том числе расчет KPI для определения роялти и иных форм стимулирования и авторского вознаграждения;

— автоматизированную подготовку договоров и иных документов в сфере передачи прав на РИД, постановки объектов интеллектуальной собственности на баланс организации и т.д.;

— «цифровую витрину» объектов РИД, кастомизированную под разные типы промышленных партнеров (с интеграцией личных кабинетов партнеров);

— правовые консультации в чат-боте по типовым вопросам управления интеллектуальной собственностью;

— мониторинг нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности.

2.3. Правовой инжиниринг в стратегическом управлении

Усложнение социальных, экономических и иных связей, информационная и цифровая трансформация привели к установлению новых экономических законов, которые нуждаются в эффективном правовом обеспечении. Государством в качестве одной из национальных целей определено технологическое лидерство, для достижения которого требуется не только создание технологии, но и высокая скорость ее легитимизации (введения в оборот) и внедрения в экономику. Право традиционно и стереотипно воспринимается как то, что следует за технологиями, что создает значительные риски утраты лидерства.

Университет в рамках программы «Приоритет-2030» сфокусировался на инновационной юриспруденции, формировании модели права для НТР, а значит, на прогностической методологии, предиктивной аналитике, опережающем обучении. Право должно не просто сопровождать технологическое развитие, но обеспечивать лидерство.

Научоемкий правовой инжиниринг — совокупность технологий, методов, процессов построения техноправовой и организационно-правовой инфраструктуры для технологического лидерства. Данный вид правового инжиниринга наиболее системообразующий и может рассматриваться как технологии трансформации нормативной правовой инфраструктуры для повышения эффективности инновационной (технологической) деятельности и формирования организационно-правовых основ для технологического лидерства.

Научоемкий правовой инжиниринг направлен на моделирование права для НТР, выступает инструментом конструирования научоемкой, технологически ориентированной и инновационной модели права для построения новой инфраструктуры российской экономики. Такой вид правового инжиниринга должен осуществляться с применением методологии прогностической юридической науки, правового экспериментирования, научоемкого правотворчества и вести к формированию новой архитектуры права в совокупности крупных технологически ориентированных кластеров (киберправо, биоправо, экоправо, техноправо, геоправо, бизнес-право, социоправо) для обеспечения эффективного правового регулирования в технологичных и инновационных отраслях экономики и достижения технологического лидерства. Концепция научоемкого правового инжиниринга родилась из реализуемого Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с 2020 г. проекта «Инновационная юриспруденция»¹⁹, предполагающего исследование юридических фронтов, соответствующих Указу Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу

¹⁹ Инновационная юриспруденция.

до 2036 года»²⁰, Стратегии научно-технологического развития РФ²¹, Указу Президента РФ «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий»²², национальным проектам, в том числе направленным на достижение технологического лидерства.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках обновленной в 2025 г. программы развития сфокусировался на приоритетных направлениях НТР и важнейших наукоемких (критических и сквозных) технологиях, что обусловило развитие следующих межотраслевых правовых институтов и кластеров²³:

Схема 1. Наукоемкий правовой инжиниринг в МГЮА и приоритетные направления НТР и важнейшие наукоемкие (критические и сквозные) технологии

Кластерные проекты в рамках инновационной юриспруденции	7 приоритетных направлений НТР / проекты МГЮА	21 критическая технология / проекты МГЮА			Сквозные технологии / проекты МГЮА
		11. Технологии микроэлектроники и фотоники для хранения и защиты информации	12. Технологии защищенных квантовых систем передачи данных / Право квантовых коммуникаций	13. Технологии доверенного ПО	
1. Киберправо	4. Безопасность информации / Информационное право и право персональных данных. Право промышленных данных	11. Технологии микроэлектроники и фотоники для хранения и защиты информации	12. Технологии защищенных квантовых систем передачи данных / Право квантовых коммуникаций	13. Технологии доверенного ПО	25. Технологии ИИ в экономике, социальной сфере и органах власти / Право искусственного интеллекта
2. Техноправо	5. Интеллектуальный и автономный транспорт / Правовые режимы беспилотников	14. Транспортные технологии / Транспортное право. Правовые режимы беспилотников			23. Технологии создания новых материалов 24. Малотоннажная хим. продукция для фарм. промышленности, энергетики и микроэлектроники
3. Биоправо		3. Биомедицинские и когнитивные технологии / Правовое сопровождение генетич. исследований и нейроправо	4. Технологии разработки лекарственных средств и платформ нового поколения / Фармацевтическое право	6. Биогибридные, бионические и нейротехнологии / Биоправо и нейроправо	22. Синтетическая биология и геновая инженерия / Правовое сопровождение генетич. исследований
	2. Превентивная и персонализированная медицина	5. Технологии персонализированного, лечебного питания			28. Биотехнологии в отраслях экономики / Биоправо. Техноправо. Нейроправо. Правовые модели инновационной кооперации

²⁰ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

²¹ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

²² Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.

²³ Инновационная юриспруденция.

Кластерные проекты в рамках инновационной юриспруденции	7 приоритетных направлений НТР / проекты МГЮА	21 критическая технология / проекты МГЮА			Сквозные технологии / проекты МГЮА
4. Экоправо	3. Устойчивое к изменениям природной среды сельское хозяйство / Правовая доктрина продовольственной безопасности	7. Технологии продуктивности и устойчивости с/х животных (селекция)	21. Технологии сохранения биоразнообразия / Правовые проблемы охраны и использования животного мира	8. Технологии ветеринарных лек. средств нового поколения	27. Природоподобные технологии / Экоправо. Правовая доктрина экологической безопасности
	7. Адаптация к изменениям климата, рациональное использование ресурсов / Климатическое право и мониторинг КАВ	9. Технологии устойчивых сортов и гибридов растений	19. Мониторинг изменений климата / Климатическое право. ПУР. Правовое регулирование создания ЕНС	10. Технологии создания средств повышения урожайности / Правовое обеспечение продовольственной безопасности	
5. Право устойчивого развития	1. Высокоэффективная и ресурсосберегающая энергетика / Энергетическое право и ПУР	1. Технологии систем генерации энергии / Энергетическое право	МКАВ. Правовое регулирование карбоновых полигонов		
		2. Технологии энергетических систем с замкнутым топливным циклом			
6. Геоправо		15. Технологии космического приборостроения	20. Технологии добычи и глубокой переработки дефицитных полезных ископаемых		
7. Бизнес-право					26. Отечественные средства производства и научное приборостроение / Инновационная кооперация. Техноправо. Правовое сопровождение технологического предпринимательства
8. Социоправо	6. Укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня образования / Социоправо и сохранение российской идентичности. Право медиабезопасности	16. Технологии системного анализа и прогноза социально-экономического развития и безопасности РФ / Методология инновационной юриспруденции	17. Инструментарий укрепления цивилизац. основ и традиционных духовно-нравственных ценностей / Социоправо, и сохранение российской идентичности. Право медиабезопасности	18. Социально-психологические технологии формирования и развития общественных и международных отношений / Право медиабезопасности	

Согласно Стратегии научно-технологического развития РФ в условиях больших вызовов требуется научное обоснование мер противодействия угрозам и опасностям. Для человечества особую значимость приобретает создание эффективной, целостной и сбалансированной системы стратегического целеполагания, планирования, прогнозирования НТР. Необходимо формирование в научно-технологической и производственной сферах **согласованной системы правового регулирования, обеспечивающей эффективность и своевременность принимаемых управленческих решений**²⁴.

В соответствии с Концепцией технологического развития на период до 2030 г. для эффективного функционирования нужна качественно новая институциональная среда: договорные формы интеграции научно-исследовательской и производственно-технологической деятельности, реализация государственно-частного партнерства; устранение регуляторных барьеров, прежде всего в части оборота результатов интеллектуальной деятельности и защиты прав инвесторов. Одной из основных функций государства (государственных институтов) являются установление и обеспечение **прозрачных и стабильных регуляторных правил поведения и взаимодействия субъектов технологического развития, мотивирующих их к технологическим инновациям**²⁵.

При разработке модели права для НТР Университет учитывает следующие значимые для НТР факторы, определенные в Стратегии научно-технологического развития РФ: *а) существенное сокращение времени между получением новых знаний и созданием технологий и продукцией, их выходом на рынок; б) размытие дисциплинарных и отраслевых границ в на-*

*учных исследованиях и разработках; в) резкое увеличение объема научно-технологической информации, возникновение принципиально новых способов работы с ней и усложнение форм организации, аппаратных и программных инструментов проведения научных исследований*²⁶, а также задачу технологической политики РФ по ускоренному внедрению технологических инноваций²⁷ и правовому обеспечению трансфера технологий. Модель права для НТР определена Университетом как основа для создания благоприятных правовых условий для осуществления деятельности по реализации технологической политики РФ²⁸.

Правовой инжиниринг в стратегическом управлении — деятельность, осуществляемая в государственных органах, крупнейших корпорациях и высокотехнологических компаниях, иных акторах инновационного развития, направленная на создание организационно-правовой архитектуры для технологического лидерства в той или иной области экономики.

Ученые из Кембриджского университета в работе «Legal Innovation: Conversations about Technology, the Legal Profession and Societal Change» исследуют понятие правовой инновации и указывают на ее двоякую природу. С одной стороны, технология преобразует реальность права и фундаментально меняет то, как мы воспринимаем и применяем право, осуществляем правосудие. С другой стороны, право развивается, адаптируется к изменениям в обществе, но также может способствовать внедрению и развитию инноваций²⁹.

Правовой инженер в стратегическом управлении призван осуществлять инжиниринг такой системы правового регулирования, которая обеспечивает эффективность и своевременность принимаемых управленческих решений

²⁴ П. 17, 31 Указа Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

²⁵ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

²⁶ П. 16 Указа Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

²⁷ П. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 28.12.2024 № 523-ФЗ.

²⁸ П. 4 ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 28.12.2024 № 523-ФЗ.

²⁹ Legal Innovation: Conversations about Technology, the Legal Profession and Societal Change / Ed. by F. Steffek, M. Sumida. Cambridge : Cambridge University Press, 2023.

в рамках отраслевых или межотраслевых технологических проектов государственного значения. Эта деятельность напрямую связана с правовым прогнозированием, моделированием и наукоемким нормотворчеством для целей технологического лидерства, с построением государственных информационных систем, управлением большими данными, сущностным пониманием международной технологической и научно-исследовательской повестки. Кроме того, такой специалист должен обладать компетенциями системотехники, проектирования в соответствии с требованиями законодательства государственных информационных платформ и сервисов, применимых для коммуникации с населением и оказания многочисленных услуг (например, в сфере избирательного, трудового, налогового, административного права и пр.). С учетом запроса на формирование цифровых платформ во всех отраслях промышленности, озвученного Президентом РФ в обращении к Федеральному Собранию в 2024 г., востребованность таких кадров будет только расти.

Специалист по правовому инжинирингу данного профиля способен выработать тип оптимальной нормативной модели (через принятие законопроекта, пакета подзаконных актов и пр.), которая позволит сократить сроки внедрения технологических инноваций, оценить потребности и риски изменения действующего законодательства или сделать обоснованные выводы о правовой невозможности разработки и внедрения, сформировать понятийно-категориальный аппарат; спроектировать эффективные модели трансфера технологий, в том числе с учетом уровней готовности.

Компетенциями правового инжиниринга на этом уровне могут обладать также лица, не имеющие базового юридического образования, но получившие дополнительные компетенции в области права интеллектуальной собственности, цифрового права, нормотворчества, в том числе экспериментального, а также в предметной области биоправа, экоправа, киберправа и т.д. в зависимости от особенностей проектируемых или внедряемых технологий.

Заключение

Таким образом, прикладной правовой инжиниринг в проектной деятельности сосредоточен в большей степени на регламентации отношений с внутренними и внешними стейкхолдерами (внутрикорпоративная регуляторика, отношения с внешними контрагентами, управление интеллектуальной собственностью и т.д.). Как правило, имеет место локальное нормотворчество в рамках конкретных проектов для вывода на рынок новых продуктов с использованием уже внедренных в экономику технологий.

Наукоемкий правовой инжиниринг сопряжен с разработкой новых нормативных моделей на уровне нормативных правовых актов (законодательства, подзаконных актов). В наукоемком инжиниринге выходит на первый план анализ требований такого стейкхолдера, как государство (прежде всего вытекающих из вышеупомянутых документов стратегического планирования). Данный вид инжиниринга осуществляется через правотворчество, наукоемкость которого обосновывается не только с точки зрения юридической доктрины, но и с точки зрения анализа природы самой технологии и общественных отношений, изменяющихся ввиду потенциальной легализации данной технологии. Право рассматривается как инструмент конструирования социальных отношений в связи с внедрением новой технологии, а юридическое прогнозирование в правовом инжиниринге требует стыковых компетенций в области естественно-научного и технического знания для анализа реального влияния технологии на социум и оценки регулирующего воздействия разрабатываемых нормативных актов.

Наукоемкий правовой инжиниринг оказывает прямое воздействие на соответствующую отрасль экономики, снимая правовые барьеры с учетом оценки рисков, ограничений и угроз применения той или иной технологии. Прикладной правовой инжиниринг производит опосредованный эффект на отрасль, содействуя ее развитию через правовое сопровождение технологических проектов и оптимизацию операционной деятельности компаний в соответствии с требованиями законодательства. Иными

словами, наукоемкий правовой инжиниринг направлен на содействие запуску новых рынков товаров, работ, услуг, а прикладной правовой инжиниринг — на развитие уже существующих рынков.

По логике нового компетентностного кода юриста, разработанного в МГЮА, специалист

по правовому инжинирингу в стратегическом управлении — это юрист-стратег, юрист-нормотворец; специалист по правовому инжинирингу в проектном управлении — это юрист-партнер; специалист по правовому инжинирингу в процессном управлении — это юрист-технолог, Legal Engineer, LegalOps-менеджер.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Глобальный инновационный индекс 2024 : резюме / ВОИС. — Женева, 2024. — 38 с.
2. Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2023 год / под ред. Ю. С. Зубова, О. П. Неретина. — М. : ФИПС, 2023. — 180 с.
3. Инновационная юриспруденция : учебник / отв. ред. В. В. Блажеев, М. В. Мажорина. — М. : Проспект, 2025. — 912 с.
4. Мажорина М. В., Никишин В. Д. Юридическая инноватика как синтез аналитической, прогностической и проектной деятельности. LegalOps и IT-компетенции юриста // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — № 4 (20). — С. 24–33.
5. Goode H. H., Machol R. E. System Engineering: An Introduction to the Design of Large-scale Systems. — New York : McGraw-Hill, 1957. — 526 p.
6. Howe J. How to apply systems engineering in legal problem-solving // Thomson Reuters. — URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/legal/systems-engineering-problem-solving/>.
7. Legal Innovation: Conversations about Technology, the Legal Profession and Societal Change / Ed. by F. Steffek, M. Sumida. — Cambridge : Cambridge University Press, 2023. — 320 p.
8. Legal Operations: реальность и перспективы : исследование Nextons и МГЮА // URL: <https://nextons.ru/upload/iblock/fd6/14tj3w84b8vp6bfwwvc22tacprlidnfu.pdf>.
9. Systems Engineering Handbook: A Guide for System Life Cycle Processes and Activities. — 4th ed. — INCOSE, 2015. — 304 p.
10. Technology & innovation in legal research // Leiden University, Faculty of Law. — URL: <https://www.universiteitleiden.nl/en/law/institute-for-tax-law-and-economics/business-studies/research/technology--innovation>.
11. What is legal engineering? // Node Masters. — URL: <https://www.node-masters.com/blog/what-is-legal-engineering>.

Материал поступил в редакцию 1 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Globalnyy innovatsionnyy indeks 2024: rezyume / VOIS. — Zheneva, 2024. — 38 s.
2. Godovoy otchet Federalnoy sluzhby po intellektualnoy sobstvennosti za 2023 god / pod red. Yu. S. Zubova, O. P. Neretina. — M.: FIPS, 2023. — 180 s.
3. Innovatsionnaya yurisprudentsiya: uchebnik / otv. red. V. V. Blazheev, M. V. Mazhorina. — M.: Prospekt, 2025. — 912 s.
4. Mazhorina M. V., Nikishin V. D. Yuridicheskaya innovatika kak sintez analiticheskoy, prognosticheskoy i proektnoy deyatel'nosti. LegalOps i IT-kompetentsii yurista // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2025. — № 4 (20). — S. 24–33.

5. Goode H. H., Machol R. E. System Engineering: An Introduction to the Design of Large-scale Systems. — New York: McGraw-Hill, 1957. — 526 p.
6. Howe J. How to apply systems engineering in legal problem-solving // Thomson Reuters. — URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/legal/systems-engineering-problem-solving/>.
7. Legal Innovation: Conversations about Technology, the Legal Profession and Societal Change / Ed. by F. Steffek, M. Sumida. — Cambridge: Cambridge University Press, 2023. — 320 p.
8. Legal Operations: realnost i perspektivy: issledovanie Nextons i MGYuA // URL: <https://nextons.ru/upload/iblock/fd6/14tj3w84b8vp6bfwwvc22tacprlidnfnu.pdf>.
9. Systems Engineering Handbook: A Guide for System Life Cycle Processes and Activities. — 4th ed. — INCOSE, 2015. — 304 p.
10. Technology & innovation in legal research // Leiden University, Faculty of Law. — URL: <https://www.universiteitleiden.nl/en/law/institute-for-tax-law-and-economics/business-studies/research/technology--innovation>.
11. What is legal engineering? // Node Masters. — URL: <https://www.node-masters.com/blog/what-is-legal-engineering>.

Модель сетевого диссертационного совета как элемент создания экосистемы подготовки кадров

Аннотация. Россия и Беларусь как участники Союзного государства, интеграционного объединения особого типа, провозгласили задачу интеграции образовательного и научного пространства. Она приобретает особое значение в условиях четко закрепленных в документах стратегического планирования целей научно-технологического развития. Общность целей связана с совместными усилиями по подготовке научных кадров. Проведена оценка кадрового потенциала российских и белорусских университетов, выделены общие и отличительные признаки системы государственной аттестации в сфере науки двух стран, выявлена единая потребность в развитии исследовательских компетенций, что свидетельствует о необходимости усиленного внимания к подготовке кадров высшей квалификации для реализации стратегических задач научно-технологического развития Союзного государства. В статье предложена новая модель создания диссертационного совета с привлечением научных кадров сетевого партнера. Данная модель может быть реализована в университетах, испытывающих недостаток в кадрах, но объединенных общими целями и задачами развития. Обосновано включение диссертационного совета в экосистему подготовки кадров университета для обеспечения квалификации профессорско-преподавательского состава по решению задач научно-технологического развития страны.

Ключевые слова: подготовка кадров; научно-исследовательская деятельность; научно-технологическое развитие; Союзное государство; интеграция научно-образовательного пространства России и Беларуси; государственная система научной аттестации; присуждение ученых степеней; диссертационный совет; объединенный диссертационный совет; разовый диссертационный совет.

Для цитирования: Серова О. А., Зайцев В. В. Модель сетевого диссертационного совета как элемент создания экосистемы подготовки кадров // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 182–191. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.182-191.

© Серова О. А., Зайцев В. В., 2025

* Серова Ольга Александровна, первый проректор, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор Ленина пл., д. 2, г. Псков, Российская Федерация, 180000
olgaserova1974@mail.ru

** Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, директор Центра экономического правосудия Высшей школы правоведения Президентской академии (РАНХиГС) Вернадского просп., д. 82, г. Москва, Российская Федерация, 119571
7732371@gmail.com

Network Dissertation Council Model as an Element of Talent Development Ecosystem

Olga A. Serova, First Vice-Rector, Professor, Department of Civil Law and Procedure, Pskov State University, Dr. Sci. (Law), Professor, Pskov, Russian Federation
olgaserova1974@mail.ru

Vladimir V. Zaitsev, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of the Center for Economic Justice, Higher School of Law, Presidential Academy (RANEPA), Moscow, Russian Federation
7732371@gmail.com

Abstract. As members of the Union State Russia and Belarus aim to integrate educational and scientific spaces. This task is crucial for achieving strategic scientific and technological development goals clearly defined in strategic planning documents. Shared objectives require joint efforts in training researchers. The study assesses both countries' academic capacities, identifies common and distinct features in state certification systems, and reveals a unified need for research competency development. This necessitates enhanced training of highly qualified personnel for the implementation of strategic tasks of scientific and technological development of the Union State. The paper proposes a novel model for dissertation councils involving network partners' academic staff. This model can be implemented in universities lacking personnel while sharing goals and development objectives. The paper justifies the integration of dissertation councils into university talent ecosystems ensuring faculty qualification for national scientific-technological challenges.

Keywords: personnel training; research activities; scientific and technological development; Union State; integration of the scientific and educational space of Russia and Belarus; state scientific certification; academic degree conferral; dissertation council; joint dissertation council; ad hoc dissertation council.

Cite as: Serova OA, Zaitsev VV. Network Dissertation Council Model as an Element of Talent Development Ecosystem. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(8):182-191. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.182-191.

Реализация Стратегии научно-технологического развития РФ¹ — задача национального масштаба и одна из целей союзной интеграции научно-образовательного пространства с Республикой Беларусь² — требует формирования новых подходов к подготовке кадров. Само понятие «подготовка кадров» должно охватывать не только процесс организации обучения необходимых специалистов для сферы наукоемких технологий, но и всю экосистему организации такого обучения, включая и воспроизводство кадров высшей квалификации (научные исследования) и преподавателей высшей школы (методическая работа). Несмотря на близость и сопряжение

указанных профессиональных областей, инструменты для построения индивидуальных треков подготовки могут различаться. Нацеленность системы высшего образования на подготовку кадров для экономики зачастую не совпадает с целостным развитием всех ее элементов. Оценка кадрового потенциала самих университетов свидетельствует о необходимости усиленного внимания к подготовке кадров высшей квалификации, которые будут обладать необходимыми компетенциями для реализации стратегических задач научно-технологического развития.

Экосистема подготовки кадров содержит следующие элементы.

¹ Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

² Решение Высшего Государственного Совета Союзного государства, постановление от 29.01.2024 № 2 «О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года» // URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda> (дата обращения: 12.10.2024).

1. **Институт профориентации, который включает систему наставничества** будущих специалистов. Основные инструменты, которые применяются для этой цели в системе общего образования, равно как и в деятельности высшей школы, связаны с проведением отдельных профориентационных мероприятий, созданием профильных классов, организацией летних и зимних школ, олимпиад и др. При создании профильных (тематических) классов зачастую отсутствует четкое представление о необходимом ресурсном объеме и потенциале развития той или иной профессиональной сферы на средне- и долгосрочный периоды. Решать путем профориентационных мероприятий задачи краткосрочного периода невозможно с учетом нормативного срока обучения. Принимая решения о срочном формировании кадров для инженерной и аграрной отраслей, образования, сферы туризма и пр., руководствуются оперативным запросом отрасли на сегодняшний день. Одновременно признается нежелательным продолжение практики создания гуманитарных, экономических и других классов ввиду устойчивости мифов о переполненности рынка специалистами с экономическим, юридическим образованием, отсутствия спроса на выпускников с историческим образованием и пр. Через определенный промежуток времени перекося в такой профориентации опять станет очевидным. Представляется более эффективным соразмерное развитие всех сфер подготовки в старших классах с активным вовлечением представителей профессиональных сфер деятельности. Одним из наиболее перспективных вариантов такой работы может стать институт наставничества. Это позволило бы не только повысить мотивацию абитуриентов, но и содержательно наполнить новую систему целевой подготовки, которая приобрела масштабный характер, но снизила возможности построения индивидуальной траектории подготовки студента конкретным работодателем. Однако перечисленные инструменты могут произвести позитивный эффект на рынок труда и систему подготовки кадров только при соразмерном выделении бюджетных мест для всех направлений подготовки (специальностей). Отсутствие бюджетных мест не позволяет привлечь

успешных абитуриентов, которые вынуждены выбирать иные специальности, обеспеченные государственным финансированием.

2. **Обучение** в рамках выбранного направления подготовки (специальности), которое сегодня предполагает широкий набор инструментов для повышения качества такой деятельности и возможности учета потребности реальных отраслей экономики (обучение рабочей профессии; целевой набор; поддержка раннего трудоустройства; вариативность содержания образовательной программы; получение второй квалификации и пр.).

3. **Практическая подготовка** будущих специалистов, в которую также входят практики, стажировки, наставничество, участие работодателей в образовательной и практической подготовке, организация клинического обучения, в том числе путем создания юридических клиник, проведение технологических акселераторов, хакатонов, развитие проектной деятельности и др.

4. Четвертым элементом системы подготовки кадров следует признать все организационные, финансовые и правовые инструменты, которые нацелены на **подготовку и повышение квалификации преподавательского состава**, обеспечивающего основные задачи трех вышеназванных элементов. Формирование дополнительных компетенций преподавательского состава связано с вопросами реализации исследовательского потенциала университетов, повышением значимости научной составляющей в организации подготовки кадров для задач научно-технологического развития.

Традиционными инструментами такой подготовки являются повышение квалификации, стажировки и пр. Однако систематическое, комплексное формирование необходимых компетенций профессорско-преподавательского состава, в том числе опережающего характера, для решения приоритетных, государственных задач возможно только путем включения преподавателя в научные исследования и подготовку диссертации. Неслучайно система научной аттестации кадров изначально была ориентирована на высшую школу. Тем не менее в последние годы многие соискатели ученой степени остаются после защиты диссертации в реальном сек-

торе экономики, не стремятся к продолжению научных исследований и системной работе со студентами в вузах.

Научная аттестация преподавателей высшей школы ориентирована и на требуемые квалификационные характеристики профессорско-преподавательского состава вузов, организацию образовательного процесса. В настоящее время, несмотря на наличие программ подготовки аспирантов, во многих университетах возникают существенные проблемы и с обеспечением эффективности работы аспирантов, и с наличием необходимого числа мотивированных и подготовленных соискателей ученой степени, и с достаточным количеством специалистов, кандидатов и докторов наук в академических подразделениях университетов (прежде всего в регионах), которые в состоянии обеспечить весь цикл воспроизводства научных кадров. Наличие аспирантуры можно считать недостаточным элементом этой системы. Лишь некоторые научные руководители готовы систематически организовывать защиту аспирантов в диссертационных советах, расположенных вне места подготовки исследований. У многих — и научных руководителей, и самих соискателей ученой степени — защита за пределами своего региона и вуза вызывает существенные затруднения³. При этом создание в университетах полноценной экосистемы подготовки кадров, включая наличие диссертационного совета, трудноосуществимо⁴. В подавляющем большинстве университетов сегодня нет необходимого числа штатных докторов наук, требуемых для открытия диссертационного совета по конкретному научному направлению.

Выделяют несколько моделей функционирования диссертационных советов: классическая модель постоянно действующего диссертационного совета; исключительно разовый диссертационный совет и определенные вариации в создании самостоятельных диссертационных советов.

Предлагаем рассмотреть возможность создания еще одной модели диссертационного совета с использованием сетевого подхода, который в последние годы получил широкое применение и в области реализации образовательных программ, и при осуществлении научных проектов. Целью сетевого взаимодействия становится не только восполнение недостающих у партнеров ресурсов, но и формирование комплексной, завершенной экосистемы подготовки кадров, которая может быть встроена в реализацию конкретной программы развития университета, что определит существенные условия создания такого сетевого диссертационного совета, нацеленность его членов на решение конкретных задач, взятых на себя вузами-партнерами и согласованных учредителем. При этом следует подчеркнуть необходимость выхода за пределы узкого понимания термина «сетевое взаимодействие»⁵.

Экспертами выдвигались идеи о том, что потребность в экономии ресурсов и необходимость достижения стратегических целей и задач научно-технологического развития страны уже были реализованы путем нормативного закрепления отдельных механизмов функционирования разового типа диссертационного совета⁶. Хотелось бы выразить несогласие с данной позицией. Право проведения разовых защит было предоставлено ведущим университетам страны, что исключает предположение о потребности

³ Бедный Б. И., Воронин Г. Л., Мирнос А. А., Рыбаков Н. В. Барьеры на пути к ученой степени: проблемы постаспирантского периода // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 1. С. 35–48.

⁴ Серова О. А. Организационно-правовые вопросы реализации сетевых программ подготовки научных кадров (аспирантуры) // Проблемы гражданского права и процесса : сборник науч. статей. Вып. 9 / ГрГУ имени Янки Купалы ; редкол. : И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2024. С. 407–418.

⁵ Ильина Н. А., Серова О. А. Сетевые образовательные программы: эволюция формирования регуляторного подхода и вопросы практической реализации сетевой формы сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5. С. 75.

⁶ Збарацкий Б. А. Организационно-правовые механизмы интеграции «разового» типа диссертационного совета в государственную систему научной аттестации в условиях реализации Стратегии научно-технологического развития России // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 163.

в ресурсах (прежде всего кадровых). Предполагалось, что данные университеты способны самостоятельно определять приоритеты своей деятельности, сопоставлять их с национальными и международными задачами и не просто соответствовать общим требованиям к качеству диссертационных исследований, но и превосходить стандартные позиции⁷.

Организации, которые наделены правом самостоятельного присуждения ученых степеней, реализуют следующие права, помимо основного права по созданию на своей базе совета по защите диссертации:

1) устанавливать порядок присуждения ученых степеней, включая критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, порядок представления, защиты диссертаций на соискание ученых степеней, порядок лишения, восстановления ученых степеней, рассмотрения апелляций. При этом критерии, которым должны отвечать диссертации, требования к научной квалификации членов советов по защите диссертаций, создаваемых организациями самостоятельно, не могут быть ниже аналогичных критериев, установленных Положением о присуждении ученых степеней⁸, которые применяются как базовые, а также требований к диссертационным советам согласно приказу Минобрнауки России от 10.11.2017 № 1093⁹.

2) утверждать положение о совете по защите диссертаций, формы дипломов об уче-

ных степенях, технические требования к таким документам, порядок их оформления и выдачи.

При этом следует еще раз подчеркнуть, что общие нормы и требования системы государственной научной аттестации остаются.

Министерство науки и высшего образования РФ особо отмечает, что при разработке локальных нормативных актов необходимо руководствоваться соблюдением интересов соискателей ученых степеней, обеспечив создание институциональных условий для развития инструментов репутационной ответственности за качество научной экспертизы, а также выполнения требований к научной квалификации состава диссертационного совета и соблюдения критериев, которым должны отвечать диссертации¹⁰. Однако изначальное целеполагание в создании разовых диссертационных советов не удалось в полной мере реализовать. По справедливому замечанию А. В. Габова, «такие организации стали осуществлять нормативное регулирование в области аттестации, не обеспеченное никаким предварительным нормоконтролем»¹¹. Тем не менее после проведенных проверок общая оценка регулятора состоит в признании жизнеспособной практики создания самостоятельных советов, которая проявилась в снятии излишних бюрократических преград для защит диссертаций, успешной апробации новых эффективных форм работы диссертационных советов¹². Минобрнауки России оставляет за собой право на мониторинг деятельности

⁷ Перечень вузов, получивших на основании постановления Правительства РФ право самостоятельного присуждения ученых степеней, установлен Федеральным законом от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

⁸ Утв. постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» // СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5074.

⁹ Приказ Минобрнауки России от 10.11.2017 № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725906/> (дата обращения: 28.11.2024).

¹⁰ Письмо Минобрнауки России от 05.12.2022 № МН-3/13179 «О предоставлении права самостоятельного присуждения ученых степеней» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405782473/> (дата обращения: 27.11.2024).

¹¹ Габов А. В. Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. № 2. С. 55.

¹² В Минобрнауки России обсудили самостоятельное присуждение ученых степеней // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/76985/> (дата обращения: 13.12.2024).

самостоятельно созданных диссертационных советов, а также нормативное закрепление возможности кооперации участников системы государственной научной аттестации, например в рамках объединенных диссертационных советов¹³. Следовательно, разнообразие моделей диссертационных советов в состоянии решить задачи подготовки научных кадров при должном мониторинге со стороны регулятора. Под непосредственным контролем ВАК Минобрнауки России в настоящее время находится только одна организационно-правовая модель диссертационного совета. Однако имеющийся инструментарий оценки деятельности советов, соответствия представленных диссертаций установленным требованиям в полной мере может обеспечить контроль над сетевыми диссертационными советами.

Рассмотрение модели сетевого диссертационного совета исходит из гипотезы о недостаточности ресурсов и формирования нового инструментария для большинства вузов по преодолению дефицита специалистов высшей квалификации. При этом такой кадровый дефицит связан с требованиями трудоустройства в качестве штатного работника для потенциально необходимого числа членов диссертационного совета. Иные формы организации научного взаимодействия могут восполнять данный дефицит, создавая базу для успешной научной деятельности университета. В частности, в рамках сетевой формы реализации образовательной программы был осуществлен проект по разработке и внедрению новой магистерской программы «Социальная юриспруденция» по направлению 40.04.01 «Юриспруденция» четырьмя университетами с инновационным содержанием и формой подготовки. В проекте принимали участие Высшая школа правоведения ИГСУ РАНХиГС, Псковский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет и Пермский государственный национальный исследовательский университет. Сетевая форма и гибридный формат образовательного процесса позволили

привлечь в образовательную программу наиболее авторитетные кадры с уникальными компетенциями, нескольких членов экспертного совета ВАК Минобрнауки России для построения научно-исследовательской траектории развития программы и исследований магистрантов. В традиционном формате осуществить данный проект не представлялось возможным. «Выращивание» в каждом университете специалистов соответствующего уровня требовало бы значительного времени, если вообще было бы признано реализуемым.

При построении итогового вывода настоящего исследования о целесообразности внедрения новой модели диссертационного совета был обобщен опыт реализации программы развития Псковского государственного университета в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» и федерального проекта «Передовые инженерные школы». В ряду программ развития университета был осуществлен стратегический проект «Российско-Белорусский университетский союз “Вместе”». Проект охватывал мероприятия и задачи, связанные с образовательной, исследовательской и молодежной политикой. Одним из ключевых эффектов указанного проекта стало создание Передовой инженерной школы гибридных технологий в станкостроении Союзного государства, а также консорциума «Российско-Белорусский университетский союз “Вместе”», в который по состоянию на декабрь 2024 г. входят 16 университетов Российской Федерации и Республики Беларусь¹⁴.

В рамках организационно-правового обеспечения реализации вышеназванных масштабных проектов были определены приоритетные исследовательские задачи, решение которых будет способствовать достижению главной цели — интеграции научно-образовательного пространства Союзного государства. Необходимы как разработка, так и апробация инструментов по гармонизации нормативных требований России и Беларуси, связанных с развитием сетевых форм взаимодействия, в том числе в части

¹³ В Минобрнауки России обсудили самостоятельное присуждение ученых степеней.

¹⁴ URL: <https://pskgu.ru/about/vmeste/> (дата обращения: 25.03.2025).

совместного финансирования сетевых проектов; теоретическое осмысление проблемы распределения прав на результаты интеллектуальной деятельности между партнерами по проектам, получавшим финансирование из разных источников, в том числе с привлечением бюджетных средств. Вызывает затруднение при практической реализации правовое обеспечение процесса передачи партнерам, статус которых остается иностранным, оборудования, прав на результаты интеллектуальной деятельности. Как правило, использование модели консорциума, сетевой программы не позволяет сформировать особый правовой режим для осуществления таких проектов, несмотря на декларируемую всеми сторонами потребность в более тесной интеграции.

Для исследований в пределах Союзного государства по тематикам социально-гуманитарной направленности и проблемам общественных наук важно тесное взаимодействие, которое зачастую становится возможным на приграничных территориях. Но, несмотря на актуальность выбранной проблематики, наличие эмпирического материала и мотивации исследователей к данной работе, именно отсутствие целостной системы подготовки кадров высшей квалификации, прежде всего диссертационных советов, становится значимым препятствием (отсутствие программ подготовки аспирантов, научных руководителей (отсутствие эффективных научных руководителей), способных реализовать процесс от руководства до защиты аспиранта, слабый кадровый потенциал кафедры, неспособный сформировать и сохранить требуемую научную среду в академическом подразделении, необходимом для полноценной подготовки соискателей как ученой степени кандидата наук, так и докторской степени).

Изучение кадрового потенциала вузов Северо-Западного федерального округа (исключая образовательные организации Санкт-Петербурга) и вузов Республики Беларусь по научному направлению 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки» (в Беларуси сохраняется иная номенклатура — 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право») позволяет

сделать неутешительный вывод об отсутствии серьезной базы для формирования научной среды, которая обеспечила бы опережающую подготовку кадров для решения правовых задач в рамках Стратегии научно-технологического развития Союзного государства. Данное заключение связано с анализом числа кандидатов и докторов наук по указанной научной специальности, возрастными характеристиками, низкой научной активностью кафедр в рамках общего научно-образовательного пространства. В ходе неофициального общения коллеги из вузов подтверждают отсутствие мотивированных аспирантов, недостаточное количество эффективных научных руководителей, а в отдельных случаях — отсутствие докторов и кандидатов наук, способных к организации научных исследований и включению их результатов в образовательный процесс.

Острая нехватка докторов наук приводит к невозможности создания в таких вузах диссертационных советов, в том числе объединенных, т.к. по действующим правилам в каждом университете должно быть не менее четырех штатных докторов наук по одной научной специальности. Формат создания разового диссертационного совета в подобных случаях представляется опасным, поскольку не гарантирует надлежащий и системный контроль и мониторинг деятельности, которые осуществляются в отношении советов, функционирующих в системе подготовки научных кадров ВАК Минобрнауки России. Создание разовых диссертационных советов характерно для иной ситуации — признания репутации вуза как флагмана того или иного научного направления. Также организация разового совета требует готовности университета к такой форме научной аттестации кадров. Для рассматриваемой модели создания совета только системная работа с ВАК позволяет обеспечить соответствие качества диссертаций установленным требованиям. Поэтому эффективным может стать формирование сетевого диссертационного совета, когда недостающее число штатных докторов наук будет восполняться приглашенными представителями тех вузов, с которыми данная образовательная организация устано-

вила тесный контакт и сформировала научный план совместной подготовки кадров. В отдельных регионах сетевые диссертационные советы могут включать представителей зарубежных вузов, если это продиктовано особенностями пространственного развития территории и приоритетами объединяющихся научных школ. Для Псковского государственного университета такой формат создания диссертационного совета мог бы стать наиболее результативным при объединении с коллегами из вузов Республики Беларусь (в рамках научной специальности 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки»). Накопленный опыт взаимодействия дал возможность сформировать перечень актуальных тем потенциальных исследований, подготовить полноценную базу для создания диссертационного совета (действует аспирантура, прошли защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, создан научный журнал «Право и экономика Союзного государства», кафедра гражданского права и процесса университета активно участвует в научных мероприятиях и проектах). Идея создания диссертационного совета с участием белорусских ученых получила поддержку и в Республике Беларусь ввиду не только наличия потребности в подготовке и защите аспирантов, но и необходимости решения ряда проблем, связанных с формированием единого научно-образовательного пространства в рамках интеграционных процессов Союзного государства.

Диссертационный совет с участием российских и белорусских ученых может стать площадкой для апробации решений по следующим вопросам:

1. Определение потребности в гармонизации нормативных требований России и Беларуси в части государственной научной аттестации.

2. Сопоставление и установление соответствия в научных специальностях с учетом имеющихся различий в номенклатуре (в Российской Федерации научная специальность 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки»¹⁵ фактически охватывает две научные специальности Республики Беларусь: 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» и 12.00.07 «Хозяйственное право; корпоративное право; энергетическое право» и частично пересекается в рамках элементов частного права регулирования с такими научными специальностями, как 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения» и 12.00.06 «Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право»¹⁶).

3. Разрешение двойственной ситуации относительно признания научных степеней. В соответствии с Соглашением между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 27.02.1996¹⁷, Соглашением о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах — членах Евразийского экономического союза от 08.06.2023¹⁸ документы об ученой сте-

¹⁵ Приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются научные степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043> (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁶ Номенклатура специальностей научных работников Республики Беларусь утверждена постановлением ВАК Республики Беларусь от 01.07.2019 № 1 «Об установлении номенклатуры специальностей научных работников» (URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=T21904284> (дата обращения: 29.11.2024)).

¹⁷ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях от 27.02.1996 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47657/ (дата обращения: 29.11.2024).

¹⁸ URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202406110003 (дата обращения: 28.11.2024).

пени кандидата наук, доктора наук признаются соответствующими (сопоставимыми) в государстве трудоустройства без проведения национальных процедур признания, за исключением случаев, когда обладатели таких документов претендуют на установленные в государстве трудоустройства надбавки (доплаты) и (или) льготы за ученую степень, которые выплачиваются (предоставляются) за счет средств бюджета государства трудоустройства. Однако в действительности ученые степени, полученные в Российской Федерации, не признаются в Республике Беларусь.

Сетевая модель диссертационного совета позволяет обеспечить соответствие процесса аттестации научных кадров установленным принципам признания ученых степеней: открытости (публичности); объективности; всесторонности и полноты проведения экспертизы диссертаций научным сообществом, привлечения в качестве экспертов ученых, обладающих высоким уровнем квалификации по соответствующему научному профилю; поддержанию уровня требований к диссертациям и соискателям ученых степеней, установленных законодательством государств-членов в сфере аттестации научных работников высшей квалификации, а также может стать реальной формой сотрудничества и площадкой апробации по вопросам присуждения ученых степеней, а также при разработке национальных номенклатур специальностей научных работников (классификаторов направлений подготовки).

При сравнении положительных и отрицательных последствий внедрения моделей сетевого и разового диссертационных советов¹⁹ мы можем обнаружить следующее:

1) расширяются возможности проведения защиты диссертации в вузах, где по ряду причин невозможно создание традиционного, постоянно действующего диссертационного совета, обеспечивается реальная кооперация участников системы государственной (и межгосударственной) научной аттестации кадров;

2) возможность тематической специализации диссертационного совета с учетом программы развития университетов;

3) соответствие мировым и лучшим российским практикам научной аттестации;

4) повышение доступности аттестационных процедур для организаций, находящихся в территориальном удалении от концентрации исследовательского потенциала;

5) отсутствие перехода ответственности за действия разового диссертационного совета к организации, на базе которой создается такой совет, и сохранение действующего порядка контроля со стороны ВАК;

6) обеспечение доступности аттестационных процедур для большего количества организаций и соискателей ученых степеней, что потенциально может увеличить число защит диссертаций, тем самым способствовать достижению цели и решить проблемы, обозначенные в Стратегии научно-технологического развития РФ. В рассматриваемом отдельном случае речь идет также и о более масштабных задачах, вытекающих из задач Стратегии научно-технологического развития Союзного государства и гармонизации научно-образовательного пространства в рамках данного интеграционного объединения.

Цель принятия Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 г. была связана со структурированием российско-белорусского научно-технического сотрудничества и формированием общего подхода к созданию компетенций полного цикла: от подготовки студентов до коммерциализации технологий. Несомненно, в этом цикле подготовка научных кадров занимает существенное место. «В настоящее время юридическая практика настолько тесно переплетена со всеми другими видами человеческой деятельности, что любая неточность в юридических формулировках нередко приводит к глобальным ошибкам и в управлении, и в экономике, и даже в области развития самых современных видов технологий»²⁰. В условиях больших вызо-

¹⁹ Подробнее см.: Бедный Б. И., Воронин Г. Л., Миронос А. А., Рыбаков Н. В. Указ. соч. С. 35–48.

²⁰ Мацкевич И. М. Вопросы юридического образования и науки (на примере криминологии) // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 166.

вов, нестабильной геополитической ситуации требуется активизация кооперационных, сетевых форм взаимодействия между участниками научно-образовательной деятельности, нацеленной на оперативное решение вопроса подготовки кадров.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бедный Б. И., Воронин Г. Л., Миронос А. А., Рыбаков Н. В. Барьеры на пути к ученой степени: проблемы постаспирантского периода // Университетское управление: практика и анализ. — 2021. — Т. 25. — № 1. — С. 35–48.
2. Габов А. В. Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. — 2020. — № 2. — С. 48–88.
3. Збарацкий Б. А. Организационно-правовые механизмы интеграции «разового» типа диссертационного совета в государственную систему научной аттестации в условиях реализации Стратегии научно-технологического развития России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 5. — С. 163–172.
4. Ильина Н. А., Серова О. А. Сетевые образовательные программы: эволюция формирования регуляторного подхода и вопросы практической реализации сетевой формы сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 72–83.
5. Мацкевич И. М. Вопросы юридического образования и науки (на примере криминологии) // Журнал российского права. — 2023. — № 5. — С. 159–170.
6. Серова О. А. Организационно-правовые вопросы реализации сетевых программ подготовки научных кадров (аспирантуры) // Проблемы гражданского права и процесса : сборник науч. статей. Вып. 9 / ГрГУ имени Янки Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. — Гродно : ГрГУ, 2024. — С. 407–418.

Материал поступил в редакцию 18 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bednyy B. I., Voronin G. L., Mironos A. A., Rybakov N. V. Barery na puti k uchenoy stepeni: problemy postaspirantskogo perioda // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. — 2021. — T. 25. — № 1. — S. 35–48.
2. Gabov A. V. Gosudarstvennaya sistema nauchnoy attestatsii kak predmet pravovogo regulirovaniya v postsovetskoe vremya // Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy. — 2020. — № 2. — S. 48–88.
3. Zbaratskiy B. A. Organizatsionno-pravovye mekhanizmy integratsii «razovogo» tipa dissertatsionnogo soveta v gosudarstvennuyu sistemu nauchnoy attestatsii v usloviyakh realizatsii Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 5. — S. 163–172.
4. Ilina N. A., Serova O. A. Setevye obrazovatelnye programmy: evolyutsiya formirovaniya regul'yatornogo podkhoda i voprosy prakticheskoy realizatsii setevoy formy sotrudnichestva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — T. 19. — № 5. — S. 72–83.
5. Matskevich I. M. Voprosy yuridicheskogo obrazovaniya i nauki (na primere kriminologii) // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — № 5. — S. 159–170.
6. Serova O. A. Organizatsionno-pravovye voprosy realizatsii setevykh programm podgotovki nauchnykh kadrov (aspirantury) // Problemy grazhdanskogo prava i protsessa: sbornik nauch. statey. Vyp. 9 / GrGU imeni Yanki Kupaly; redkol.: I. E. Martynenko (gl. red.) [i dr.]. — Grodno: GrGU, 2024. — S. 407–418.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 8 (177) август 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002